

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ЭСТОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО
ОБЩЕСТВА СССР

МАРКСИЗМ,
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ

ТАРТУ 1985

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ЭСТОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО
ОБЩЕСТВА СССР

МАРКСИЗМ, ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ

(Материалы симпозиума, посвященного
философскому наследию К. Маркса)

Кяэрику, 23-26 мая 1983 г.

ТАРТУ 1985

Редакционная коллегия:

Р.Н. Блюм (председатель), Б.В. Богданов,
М.А. Абрамов, В.А. Лучков, Я.К. Ребане,
Л.Н. Столович, Ю.Й. Матьюс (Секретарь).

МАРКИЗМ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ.
Материалы симпозиума, посвященного философскому наследию
К. Маркса. Кяэрику, 23-26 мая 1983 г.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.
Ответственный редактор Р. Блюм.
Подписано к печати 29.12.1984.
ИБ 11468.
Формат 60x84/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 13,72.
Учетно-издательских листов 12,98. Печатных листов 14,75.
Тираж 400.
Заказ № 1204.
Цена 2 руб.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СВЕТЕ
НАСЛЕДИЯ К. МАРКСА

Я.К. Ребане

Историческое значение научного понимания общества, разработанного К. Марксом в сотрудничестве с Ф. Энгельсом, настолько очевидно, что для его характеристики не требуется много слов. Во-первых, историческое развитие человечества подтверждает как истинность основных положений учения К. Маркса, так и истинность методологических принципов (прежде всего, материалистической диалектики), лежащих в основе этого учения. Во-вторых, материалистическое понимание общества, истории, сущности человека стало для всего цикла гуманитарных наук таким же важнейшим интегрирующим фактором, каким для цикла биологических наук являются дарвинизм и современная генетика, для цикла физико-химических наук — теория относительности и квантовая теория.

К настоящему времени имеется много хороших, выполненных на высоком профессиональном уровне, исследований философско-методологического наследия Маркса. Много сделано, например, для изучения логико-методологических основ "Капитала" — произведения, в котором, по словам Б.И. Ленина, "применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма". В достаточной мере разработаны также вопросы, связанные с выявлением роли исторического материализма как общесоциологической теории и методологии конкретных социологических исследований. Из архива забвения возвращены к жизни и некоторые категории, которыми Маркс пользовался преимущественно в первые периоды своей деятельности ("отчуждение", "деятельность", "духовное производство" и др.) и реальное применение которых к изучению современных социальных процессов находится пока в начальной стадии.

В своем докладе я не намерен анализировать какую-нибудь отдельно взятую категорию в историко-философском или общетеоретическом плане. Я попытаюсь рассмотреть некоторые аспекты реального использования теоретического и методологического наследия Маркса для научного изучения современных социальных процессов.

В общетеоретическом плане я буду иметь в виду только отдельные фундаментальные положения открытого Марксом научного понимания общества. Другими словами, речь пойдет об азбучных истинах марксизма, на недопустимость забвения которых обращает внимание Ю.В. Андропов в своей статье "Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР"¹.

В методологическом плане я хочу обратить внимание на некоторые общие вопросы: дифференциация современного научного знания и связанные с ней нежелательные последствия для реального изучения современных социальных процессов; методологическое значение всех составных частей марксизма-ленинизма для научного изучения социальных процессов; соотношение "имманентного" и базирующегося на привлечении новой информации развития марксизма-ленинизма.

Когда мы говорим о методологическом значении наследия Маркса, надо иметь в виду, что само понятие методологии науки в наше время весьма широко и в результате этого неопределенно. Методология (логика, философия, эпистемология и т.д.) науки существует на различных уровнях. Из всего спектра методологических подходов я осмелюсь выделить два крайних, но между собой связанных уровня или аспекта. Один - это методологическо-логический анализ науки с целью выявления ее структуры, внутренней логики, способов доказательства, объяснения, критериев научности, водораздела между наукой и ненаукой и т.д. Второй - это методологическо-логический анализ отнюдь не с "имманентной" целью, а с целью выявления возможностей содержательного раскрытия изучаемых явлений действительности. На этом уровне методологические вопросы смыкаются с научно-организационными вопросами. Причем, когда речь идет об изучении современных социальных процессов, как мне кажется

¹ "Коммунист", 1983, № 3.

ся, пока недостаточно внимания обращается на тот факт, что марксизм-ленинизм как единственно научная теория общества служит важнейшим интегратором социального знания, выполняя свои методологические функции в органическом единстве своих составных частей - диалектического и исторического материализма, политической экономии и теории научного коммунизма.

Карл Маркс был прежде всего революционером, активным общественно-политическим деятелем, вождем мирового пролетариата. Эту характеристику неоднократно повторяли его ближайший соратник Ф. Энгельс² и великий продолжатель дела Маркса и Энгельса В.И. Ленин³. В то же время Маркс был не только гениальный, но и исключительно многосторонний ученый. Он был одновременно философ, экономист, социолог (основатель теории научного коммунизма), "политолог", историк, юрист. Он интересовался и многими другими областями научного знания, выдвинул ряд перспективных идей в области оснований математики, развития техники, военного дела и т.д. Обе эти стороны - революционер и гениальный многосторонний ученый - были в его деятельности органически связаны и дали тот сплав практических и теоретических результатов, который характеризуется неразрывным единством коммунистической партийности и глубокой научной объективности.

Уже в начале 40-х годов прошлого века, в период формирования своего мировоззрения, Маркс стремился к тому, чтобы теория была бы связана с практикой. Например, саркастический стиль совместного с Энгельсом "Святого семейства" обусловлен не только борьбой материалистов против идеализма, но и борьбой ученых-революционеров против абстрактно-гегелтерского словоблудия вообще. Неразрывная связь с социальной практикой (или в современных методологических терминах: интерпретация и проверка теоретических выводов на основе практики) оставалась девизом Маркса в течение всей его жизни.

В современной логико-методологической литературе порою

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I9, с. I05-I08; т. I9, с. 348-349.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 43-45.

встречаются довольно резкие упреки в адрес "здорового смысла" и "обыденного сознания", противопоставляемого теоретическому сознанию. В этих упреках содержится, с точки зрения "чистой методологии", известная доля истины: любая научная теория действительно выделяет из изучаемой ею реальности определенный аспект или "срез", отражая его с помощью собственно-го, для данной науки специфического, концептуально-терминологического аппарата. В области общественных наук уточнение этого аппарата имеет немаловажное значение, если оно ведет к более глубокому раскрытию изучаемых процессов. Кроме того, хорошее овладение этим аппаратом является свидетельством высокой квалификации специалиста в данной области науки и находит свое отражение также в диссертационной деятельности.

Однако имеется и обратная сторона медали. Это - тенденция к отвлеченному от реальности поверхностному, даже схоластическому теоретизированию справедливо поставленная в упрек обществоведам на XIX и XXVI съездах КПСС. Для этой тенденции характерно не только отсутствие подлинной научности, но и отсутствие "здорового смысла", полная невозможность интерпретации полученных результатов на уровне социальной практики. Как ни парадоксально, но иногда можно слышать от обществоведов в защиту собственных бесплодных конструкций прямые ссылки на "специфику предмета", из-за которой разработанная философская, социологическая, политико-экономическая и т.д. теоретическая концепция в принципе не может быть "переведена" на язык "практического", "обыденного" сознания. Другими словами, весьма живучей оказывается тенденция, против которой Маркс самым решительным образом боролся в течение всей своей жизни. Ведь его знаменитое изречение "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его"⁴ относится не только к философам, но и ко всем марксистам-обществоведам вообще. Связь социальной теории с социальной практикой была и остается важнейшим принципом марксизма-ленинизма.

Я не буду останавливаться на субъективно-личностных причинах, порождающих тенденцию отхода от социальной практики

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

(стремление к "спокойной жизни", групповые интересы "школы", порок даже недостаточная научная компетентность в более широком плане и т.д.). Но нельзя упускать из виду, что такая тенденция имеет известные корни и в самой структуре современной общественно-гуманитарной науки. В результате усиливающейся дифференциации (и соответствующей специализации ученых) как в мировой общественно-гуманитарной науке, так и в той ее части, которая сознательно руководствуется марксистско-ленинской методологией, создалась ситуация, когда количество концептуально-терминологических систем растет значительно быстрее, чем соответствующее им эмпирическое, фактическое содержание. Только один пример из моей области исследований. В западной науке одни и те же факты, относящиеся к культурно-исторической детерминации мышления, изучаются такими гуманитарными дисциплинами, как металингвистика, культурная антропология, социология знания, этнопсихология, философская теория познания. (Перечень, надо подчеркнуть, неполон. В рамках этих дисциплин имеются собственные подразделения, не говоря уже о различных философско-методологических установках многочисленных школ). В результате этого реальная культурно-историческая детерминация мышления оказывается расчлененной, разделенной "по клочкам" на множества, в основном идеалистических, концептуально-терминологических систем.

Нежелательные результаты закономерной для современного этапа развития науки дифференциации сказываются и при научном изучении современных социальных процессов. Учение маркса, на что неоднократно обращал внимание В.И. Ленин, базируется на органическом единстве трех составных частей — диалектического и исторического материализма, политической экономии и теории научного коммунизма. Такое органическое единство необходимо и для научного осмысления социальных процессов в развитом социалистическом обществе. Но в результате дифференциации и специализации иногда получается нечто другое. Философы рассматривают проблемы со своей точки зрения, и вместо реального научного осмысления происходящего ведутся долгие и нудные дискуссии о дефинициях и "предметах исследования". Экономисты берут те же процессы со своей

точки зрения и колеблются как бы между двумя крайностями — между мелкими проблемами конкретной экономики и между сверхабстрактными спорами о дефинициях. Порой и представители научного коммунизма видят свою задачу только в том, чтобы регистрировать достижения и ввести их в сферу пропагандистской работы. Сюда прибавляется еще и то обстоятельство, что эти же процессы, опять-таки каждый со своей точки зрения, исследуют также юристы, социологи, представители теории управления, психологи, представители педагогической науки и т.д., причем не так уж редко и здесь главными результатами бывает лучшие или худшие дефиниции. Сказанное относится, естественно, не ко всем представителям этих специальностей. Речь идет об определенных людях, об определенных тенденциях, из-за которых эффективность общественных наук для современной практики пока весьма мала.

Отрыв от практики никак не может быть оправдан "высоким теоретическим уровнем" исследований. Наоборот, критерием действительно высокого теоретического уровня следует считать связь исследований с социальной практикой. Этого требует от обществоведов и наша партия. "На магистральном направлении развития общественных наук должна находиться проблематика зрелого социализма. Речь идет о том, чтобы, отправляясь от уже добытых истин, двигаться вперед, расширяя наш теоретический горизонт, углубляя представления о важнейших закономерностях экономического, социально-политического и духовного прогресса страны", — говорил К.У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — "Речь идет и о том, чтобы не толковать развитость, зрелость советского общества как его полное совершенство, не идеализировать достигнутое. Надо сосредоточить усилия всех общественных наук на конструктивной разработке методов и средств достижения наших ближайших и перспективных целей"⁵.

Для того, чтобы общественные науки стали действительными помощниками нашей партии в ее деятельности, надо еще сделать очень много. Уже давно настала пора при планировании научной работы более строго различать лично-групповые ("диссертаци-

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 г. Таллин, 1983, с. 33.

онные") интересы и интересы общества. Однако следует иметь в виду, что дифференциация и специализация обусловлены глубокими внутренними процессами, внутренней логикой функционирования и развития современной науки: огромный объем научной информации требует разделения труда между учеными. Хотя разделение труда в масштабе науки в целом складывается стихийно и внутренние закономерности его формирования не известны (в лучшем случае удастся только достаточно полно инвентаризировать результаты каких-то скрытых процессов), нельзя ни в коем случае возлагать слишком больших надежд на внешние, организационные меры воздействия на внутренние процессы, определяющие структуру науки. (Естественно, явную халтуру, будь она даже высокопарно-гедертерски оформлена, необходимо отбросить). Но очень много можно сделать для более эффективной организации социальных исследований, исходя из сложившейся структуры науки. Речь идет не о механической, бумажно-регистрационной координации, а о реальной, целенаправленной деятельности по обеспечению действительно комплексного, междисциплинарного изучения социальных явлений, т.е. такого изучения, которое было бы ориентировано на достижение действительно важных теоретических и практически-значимых результатов.

Подчеркиваю, такие меры могут быть эффективными лишь в том случае, если они базируются на учете реального — имеющегося или ожидаемого — содержания науки. В таком контексте опять-таки целесообразно обратиться к великому примеру Карла Маркса, органически объединившему в своей деятельности черты великого революционера и гениального многостороннего ученого (в современных терминах: комплексно, междисциплинарно работающего ученого). Его теоретические работы не могут быть однозначно разделены по номенклатурным рубрикам ныне существующих научных дисциплин. Например, "Капитал" Маркса — это одновременно и политическая экономия, и философия, и история, и правовая наука, и теория научного коммунизма.

То же относится и к другим фундаментальным теоретическим работам Маркса: с точки зрения структуры современного научного знания они неизменно комплексны, междисциплинарны.

Комплексность, междисциплинарность не есть только внеш-

не-организационная характеристика социальных исследований. Междисциплинарный подход связан с одним важнейшим обстоятельством: научные знания любой эпохи по своей сущности едины, хотя это единство никогда не бывает полным из-за имеющихся в науке "белых пятен" и оно скрыто за существующей дифференциацией научного знания. Поэтому задача междисциплинарного изучения всегда, явно или неявно, связана с решением многих методологических проблем. С точки зрения междисциплинарных социальных исследований следует, как я уже сказал, иметь в виду и методологическое значение всех составных частей теории марксизма в их единстве.

Методологическая роль марксистской философии настолько хорошо осознана, что на ней нет необходимости останавливаться. Иначе обстоит дело с политической экономией и теорией научного коммунизма. Возьмем, например, широко развернувшиеся за последние два десятилетия социологические исследования. Подавляющее большинство из них ведется в отрыве от изучения соответствующих глубинных экономических процессов. Полученные результаты дают в основном информацию о состоянии общественного мнения, а практические рекомендации на основе таких исследований весьма ограничены. Недооценка методологического значения экономической теории Маркса сказывается и в ныне действующих учебных программах вузов. Экономическая проблематика в учебной программе курса исторического материализма сведена к минимуму, сам курс исторического материализма все больше приближается к политологии. По-видимому, настало время специально подчеркнуть методологическую роль политической экономии Маркса для изучения развитого социалистического общества.

Методологические принципы и требования функционируют в различных аспектах. Существуют формально-логические принципы организации и анализа "готового" научного знания, диалектические принципы изучения его содержания и развития, все большую роль приобретают общенаучные категории и методы и т.д. В реальном научном исследовании эти аспекты переплетаются самым различным образом. Только в абстрактном виде можно говорить об их субординации, о различных "уровнях" методологии.

Когда речь идет о методологии изучения социальных явлений, то разработанные Марксом, специфические для марксизма-ленинизма методологические средства обычно делятся на универсально-всеобщие (материалистическая диалектика) и на всеобщие для изучения социальных явлений (материалистическое понимание общества, исторический материализм как общесоциологическая теория). В таком случае методы марксистской политической экономии по сравнению с философией представляют собой как бы более "низший" этаж методологии. Такое деление приемлемо с точки зрения самих методологических принципов, а также с точки зрения объема предметных областей, охватываемых материалистической диалектикой и историческим материализмом. Но такое деление на "высшие" и "низшие" этажи не может быть абсолютизировано при реальном изучении социальных процессов, в котором различные составные части марксизма взаимосвязаны и дополняют друг друга. Важное методологическое значение политической экономии обнаруживается сразу же, когда необходимо изучать происходящие в нашем обществе процессы не с целью их простого описания, а с целью управления ими. Любые сколько-нибудь существенные организационные и политические мероприятия должны базироваться на учете объективных экономических закономерностей, раскрываемых с помощью категориального аппарата марксистской экономической теории, которая наряду с историческим материализмом в определенном отношении тоже выполняет функцию общесоциологической теории.

Конструктивное решение таких фундаментальных для современного этапа практических задач, как правильное сочетание индивидуально-групповых и общенародных целей, региональных и общегосударственных целей, повышение регулирующей функции социалистического принципа распределения по труду, более эффективное использование созданного обществом мощного производственного и научно-технологического потенциала, немислимо без учета методологических средств, детально разработанных Марксом в "Капитале" и в других его работах, а также примененных им самим для прогнозирования будущего социалистического общества (например, в "Критике Готской программы"). В данном случае речь идет не о готовых рецептах для практической деятельности в новых исторических условиях, а о приме-

ненных Марксом методах содержательно-теоретического анализа социально-экономических процессов. Великим образцом для нас остается здесь глубокое научное осмысление социальной действительности - от всемирно-исторических процессов до конкретных задач управления экономикой в условиях перехода от капитализма к социализму - великим продолжателем дела Маркса В.И. Лениным, исключительно эффективно применившим в своем многоплановом анализе социальных явлений методы политической экономии марксизма.

Одной из причин, обуславливающих недооценку методологического значения экономической теории Маркса, является неудовлетворительное положение в самой экономической науке, отрыв частных задач управления социалистической экономикой от фундаментальных принципов экономической теории, ориентация на простую регистрацию существующих в тот или иной период механизмов хозяйствования, а порою и неумение отличать в "Капитале" то, что относится непосредственно к капиталистическому способу производства, от того, что относится к структуре высокоразвитого общественного производства вообще.

Например, еще мало используется понимание экономических законов как объективных, часто противоречивых тенденций в функционировании общественного производства, т.е. понимание, детально разработанное в различных контекстах Марксом в "Капитале".⁶

До сих пор встречаются попытки свести объективные экономические законы социализма к целям, ожидаемым массовым результатам хозяйственной деятельности. Например, если в качестве экономического закона социализма выдвигается "закон планомерного и пропорционального развития", то следует иметь в виду, что в данном случае идет речь не об объективном социальном законе в марксовом смысле, а преимущественно о принципах и целях управления социалистической экономикой.

С другой стороны, если хоть сколько-нибудь внимательно

⁶ Например, см. подробный анализ Марксом законов как тенденций в третьем томе "Капитала", в разделе "Закон тенденции нормы прибыли к снижению" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 484-486). См. также: Багатурян Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. История, содержание, методология. М., 1976, с. 275-300.

читать "Капитал" Маркса, то можно найти множество мест, где анализ осуществляется как бы на двух уровнях: во-первых, общие закономерности взаимодействия производительных сил и производственных отношений при достаточно высоко развитом общественном производстве вообще; во-вторых, специфические формы этого взаимодействия при капиталистическом способе производства.

Только один небольшой пример из "Капитала". Маркс пишет: "Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравнению с массой приводимого им в движение овеществленного труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться"⁷. Это высказывание относится вообще, а не только к капиталистическому, способу производства.

При изучении капиталистической экономики в данном случае на первый план выдвигается вопрос о том, уменьшается ли реально норма прибыли; сам Маркс замечает по этому поводу, что закон (тенденция) прогрессирующего падения нормы прибыли представляет собою "... двойственный закон, согласно которому уменьшение нормы прибыли и одновременное увеличение абсолютной массы прибыли, возникает в силу одних и тех же причин"⁸.

При изучении социалистической экономики важнейшее значение имеет весь аппарат, примененный Марксом для анализа этой общей закономерности развития производства. Однако эта сторона дела в нашей экономической науке пока еще плохо исследована. Например, при анализе высокой производительности труда на каком-либо отдельно взятом участке производства (доярки крупных молочных ферм, машинисты экскаваторов-гигантов, водители автопоездов и т.д.) такой анализ не сопровождается хотя бы приблизительными данными о том, сколько овеществленного общественного труда включает в себя в качестве предварительного условия высокая производительность труда на

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 233.

⁸ Там же, с. 241.

отдельно взятом участке. В результате такого подхода технологический прогресс оценивается только или преимущественно с точки зрения его социальных результатов (облегчение человеческого труда), а не с точки зрения его экономической эффективности, т.е. с точки зрения общественной производительности труда в целом.

Многие вопросы, с которыми сейчас приходится сталкиваться, проанализированы Марксом для его времени. К ним относятся не только основные тенденции изменения эффективности капиталовложений при техническом прогрессе, но и влияние объективных природных условий хозяйствования на его экономические результаты (включая дифференциальную ренту в сельском хозяйстве), действие механизмов перераспределения вновь произведенного общественного продукта, взаимосвязь различных сфер общественного производства и многое другое. Если мы говорим, что экономическая теория Маркса, примененная и развитая В.И. Лениным в новых условиях, имеет реальное методологическое значение и для изучения современных социальных процессов в нашем обществе, то главное в данном случае — и этого требует от обществоведов партия — это открытие глубинных объективных закономерностей социалистической экономики для того, чтобы на основе их знания и сознательного использования можно было бы значительно повысить эффективность социалистического хозяйствования в целом.

Ю.В. Андропов специально выделяет важное значение такой задачи: "Можно снова и снова повторять основополагающую идею Маркса о том, что для ускорения прогресса производительных сил нужны соответствующие формы организации экономической жизни, но дело не сдвинется с места, пока эта теоретическая истина не будет переведена на конкретный язык практики. Во главу угла выдвигается сегодня задача продумать и последовательно осуществить меры, способные дать больший простор действию колоссальных созидательных сил, заложенных в нашей экономике. Эти меры должны быть тщательно подготовленными, реалистическими, а значит, при их разработке необходимо неуклонно исходить из законов развития экономической системы социализма. Объективный характер этих законов требует избавиться от всякого рода попыток управлять экономикой чуждыми

ее природе методами".⁹

Когда речь идет об открытии объективных закономерностей, объективно существующих тенденций, то нет ничего более опасного, чем выдавать желаемое за действительное, цель за закономерность. Необходимо хорошее знание и нежелательных для нас тенденций (таких как образование диспропорций, снижение эффективности капиталовложений, расхождения между ведомственно-групповыми и общенародными интересами, истощение природных ресурсов и т.д.), чтобы против них действительно бороться как в непосредственной сфере материального производства, так и в сфере науки, культуры, образования, здравоохранения.

Людям, считающим своей главной задачей выдавать желаемое за действительное, уместно напомнить слова Маркса: "Но человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю "низким".¹⁰

Я специально остановился на методологической роли экономической теории Маркса, так как на эту сторону дела в философско-методологической литературе обращается пока мало внимания. Выше приведены только отдельные примеры. Соответствующая методологическая проблематика ждет своей разработки, а главное, — экономический аспект должен стать неотъемлемой частью всех (или почти всех) социальных исследований.

С другой стороны, поскольку нас интересует комплексность, междисциплинарность научного исследования современных социальных процессов, сами экономические исследования не могут давать достаточно эффективных практических рекомендаций, если они ведутся в отрыве от других общественных наук, а также в отрыве от технических и естественных наук. Объективность социальных законов отнюдь не означает, что кроме людей и их сознательной деятельности в обществе имеются еще какие-либо внечеловеческие силы. То, что люди сами делают свою историю, руководствуясь своими мотивами и интересами, было для

⁹ "Коммунист", 1983, № 3, с. 13.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 125.

всех домарксистских материалистов настолько само собой разумеющимся, что Маркс обратил свое главное внимание не на обоснование этого тезиса, а на раскрытие тех глубинных факторов, которыми определяются мотивы людей. Маркс никогда не считал, что экономика автоматически определяет общественное развитие. Наоборот, он самым детальным образом исследовал взаимодействие экономического базиса и надстройки не только в общетеоретическом плане, но и в важнейших социально-исторических событиях своего времени ("Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.", "Восемнадцатое брожура Луи Бонапарта", "Гражданская война во Франции" и др.).

После смерти К. Маркса Ф. Энгельс, а в новых условиях В.И. Ленин вели решительную борьбу против попыток превращения марксизма в вульгарный экономический детерминизм. В контексте таких вульгаризаторских попыток исключительно важное значение имеют данные уже после смерти Маркса Энгельсом разъяснения, в том числе характеристика объективности социальных законов, в обобщающей марксистскую философию работе "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии". Здесь Энгельс отмечает, что в отличие от природы (в той мере, как мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека), где действуют бессознательные силы, в обществе "действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели ... Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны".^{II}

Это положение относится к азбучным истинам марксизма. На уровне теории оно открывает длинную цепь причинно-следственных связей, в результате которых в условиях социализма небн-

^{II} Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

вало важное значение приобретает субъективный фактор, включая высокую сознательность народных масс. Но скачок из царства необходимости в царство свободы, осуществляемый благодаря построению социалистического общества, отнюдь не означает абсолютной, некой универсально-абстрактной свободы. Ведь свобода в диалектико-материалистическом понимании — это осознание необходимости, деятельность в соответствии с ней. В аспекте методологии вышеприведенное высказывание Энгельса предупреждает от тривиального (фактически объективно-идеалистического) понимания социальных законов как внешних по отношению к целям людей сил. В том аспекте методологии, который нас здесь специально интересует, важно еще одно: в социальные исследования обязательно должно входить и исследование мотивов, интересов, целеполагания. Поэтому экономические исследования необходимо осуществлять в более широком контексте, с учетом как близких, так и более далеких социальных последствий предлагаемых рекомендаций. Если это требование игнорируется, то в качестве результатно-суммарных движений могут появляться весьма нежелательные последствия.

Один пример. Для Эстонии в настоящее время весьма актуальной проблемой стало продолжающееся уменьшение трудоспособного сельского населения. Этот процесс происходит в таких условиях, когда средний заработок в сельском хозяйстве выше заработка городских рабочих и служащих и когда очень большое внимание уделяется обеспечению хороших жилищно-бытовых условий на селе. Естественно, что причины такого явления должны изучаться комплексно.

При анализе сложившегося положения выяснилось одно интересное обстоятельство. В свое время в Эстонии существовали маленькие сельские начальные школы. Из-за небольшого количества учеников в них невозможно было создавать полные классы. Один учитель вел, как правило, одновременно уроки в двух классах. Из экономических и педагогических соображений эти маленькие школы были ликвидированы и был создан ряд вполне современных средних школ в более крупных сельских центрах. (В условиях Эстонии это означает поездки в школу до 10–20 км.). Но это мероприятие, в свое время соответствующим образом аргументированное представителями педагогической и эконо-

номической наук, дало неожиданный "результатный" эффект: уход из села молодых родителей в тот момент, когда их дети начинают учиться в школе. На повестку дня стал вопрос о восстановлении маленьких сельских школ.

Таких примеров из практики управления социальными процессами можно привести много. Для нашей темы это означает, что только всесторонний учет всех факторов - экономических, социально-бытовых, культурных, технологически-трудовых и т.д. - дает возможность регулировать миграционные процессы между деревней и городом в желательном для общества направлении.

Комплексный характер целеполагания имеет существенное значение для понимания методологической роли теории научного коммунизма. Превращение учения о коммунистическом строе из утопии в науку было у Маркса результатом всей его многогранной научной деятельности: разработки материалистической диалектики, создания теории исторического материализма, открытия объективных закономерностей функционирования и развития экономической жизни, составляющей базис общественно-исторических формаций, а также глубокого изучения множества происходящих в его время классовых битв и других социальных процессов. На этой основе Маркс открыл основные закономерности перехода от капиталистической формации к коммунистической и обосновал также положение о двух фазах будущей коммунистической формации. В соответствии с открытыми им закономерностями Маркс обосновал основные цели классовой борьбы пролетариата и наметил важнейшие стратегические, тактические, организационные средства для достижения этих целей.

С точки зрения методологических задач научного изучения современных социальных процессов роль теории научного коммунизма, коротко говоря, сводится к следующему. Во-первых, теория научного коммунизма по своей сущности интегративна, ее выводы и рекомендации базируются как на учете новых данных социальной практики, так и данных множества общественных, естественно-научных и технических дисциплин. Используя весь комплекс научных знаний, необходимых для решения актуальных и перспективных экономических, политических, социальных, культурных, научно-технических задач, теория научного

коммунизма как бы переводит множественность различных концептуально-терминологических "языков" отдельных дисциплин на язык социальной практики, т.е. на язык "здорового смысла". Во-вторых, научное исследование в принципе не может быть беспелым (хотя цели в науке бывают различные — от глубоко теоретических до актуально-практических; кроме того, следует также различать индивидуально-групповые и общественно-значимые цели).¹² Думается, что теория научного коммунизма в современных условиях может значительно повысить свою методологическую и научно-организационную роль в деле выдвижения конкретных задач научного изучения различных сторон развитого социалистического общества, т.е. в деле обоснования общественно-значимых целей социальных исследований вообще. Речь идет не только о задачах долговременного и крупномасштабного научного прогнозирования, но и о более частных задачах, о научной оценке различных объективно складывающихся закономерностей — тенденций социалистической действительности. Задача научного коммунизма не только объяснять их, но и находить способы управлять ими в нужном для великого дела коммунистического строительства направлении. Думается, что теория научного коммунизма как наука (а не как учебная дисциплина) должна значительно повысить свою роль в этом отношении. Будущее детерминировано отнюдь не прямолинейно, однозначно. То, что выступает как цель массовых действий сегодня, выступает в будущем уже как частица в объективной реальности. Отсюда необходимость укрепления связи науки с социальной практикой для решения ответственных задач социально-значимого целеполагания.

В своем докладе я коснулся только некоторых методологических проблем, связанных с изучением современных социальных процессов. Продолжение дела великого Маркса в наше время неизбежно должно осуществляться на основе комплексного, междисциплинарного подхода. При таком подходе методологическое

¹² На влияние "диссертационных" и групповых интересов как один из факторов, мешающих достижению высокой эффективности научных исследований, обратил внимание К.У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. Таллин, 1983, с. 33.

значение имеют все составные части марксизма-ленинизма: диалектический и исторический материализм, политическая экономия, теория научного коммунизма. Поскольку методологическое значение марксистской философии общепризнано, то я обратил внимание на методологическую роль экономической теории и теории научного коммунизма. Свою задачу я видел не в подробном раскрытии этой роли (в рамках одного доклада это и невозможно), а в постановке задачи, от успешного решения которой на уровне методологии во многом зависит решительный поворот обществоведов от абстрактного теоретизирования к реальному изучению окружающей нас социальной действительности.

Естественно, при комплексном, междисциплинарном изучении социальных процессов важное значение имеют и общенаучные методы, оформившиеся уже после Маркса. Их рассмотрение не входит здесь в мою задачу. Однако главное — это то, что теоретическое и методологическое наследие Маркса и Энгельса, развитое В.И. Лениным и ленинской партией, служит важнейшим интегратором общественных наук, обеспечивая содержательное единство постоянно развивающегося социального знания.

Можно утверждать, что в методологическом отношении "сегодня перед нами гораздо шире и глубже, чем перед современниками Маркса, раскрывается богатейшее содержание его учения. Ведь одно дело — воспринимать идеи исторической необходимости социализма в ее теоретическом виде, и совсем другое — быть также участниками и свидетелями процесса воплощения этой идеи в жизнь".¹³

¹³ Андропов Ю. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — "Коммунист", 1983, № 3, с. 11.

НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА, РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ XIX ВЕКА И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

М.Т. Иовчук

1983 год стал годом знаменательных дат: 165-летия со дня рождения Карла Маркса, 100-летия его смерти, 80-летия Второго съезда РСДРП, на котором была создана В.И. Лениным партия большевиков — первая марксистская партия нового типа. В 1983 году была отмечена 100 годовщина основания первой марксистской организации России — группы "Освобождения труда", которая сыграла видную роль в распространении марксизма в России, в теоретической подготовке создания марксистской партии российского пролетариата.

Марксистское учение во всех его составных частях со времен своего возникновения и до наших дней является интернациональным, зиждется на прочном фундаменте мировой науки и передовой культуры, является высшим идейным достижением человеческой цивилизации.

Маркс и Энгельс отвергали все и всякие попытки "сочинить" всеобщую и одинаковую для всего человечества априорную концепцию "философии истории" или "всеобщей социологии", которой бы автоматически подчинялась общественная жизнь всех стран и народов, независимо от конкретных особенностей их действительной истории, национальной специфики и традиций, интересов борющихся классов данной страны. Опровергая домыслы идеолога либерального народничества Н. Михайловского, приписывавшего марксизму такие фаталистические и антиисторические воззрения на историю, Маркс в письме в редакцию "Отечественных записок" решительно возражал против попыток превратить данный им "исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых

они оказываются".¹

История общества, классовой борьбы в XIX—XX столетиях убедительно подтвердили правильность данного Марксом и Энгельсом научного понимания общественно-исторических процессов, основанного на диалектико-материалистическом принципе "единства в многообразии", показали его непреходящее значение. Раскрывая реальный ход исторического развития общества, его экономической, социально-политической и духовной жизни в условиях сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, выясняя всеобщие закономерности, присущие общественно-историческому процессу (определяющую роль способа материального производства, экономического базиса в жизни общества, решающее значение народных масс в истории, активный процесс революционно-преобразующей деятельности трудящихся классов, особенно пролетариата), марксистская философия и социология прослеживают общие закономерности развития общества в те или иные эпохи, в рамках которых складываются, развиваются и уходят в прошлое общественные формации.

Марксизм вместе с тем никогда не игнорирует, а напротив делает предметом строгого научного анализа специфические особенности и конкретно-исторические формы процессов общественного развития, которые были свойственны различным странам.

Маркса и Энгельса глубоко интересовала история общественных отношений России и ее исторические судьбы. Обращаясь к анализу экономических, социальных и политических процессов развития России, к данным статистики и официальным документам, научным работам, к русской литературе и общественной мысли, особенно к передовым ее течениям, Маркс и Энгельс дали образцы конкретно исторического, диалектико-материалистического подхода к прошлому, настоящему и будущему общественных отношений в России. Они предвидели, что в России наступит "грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые отвечают современному уровню развития Московии"² и полагали, что это может оказать воздейст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 121.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 549.

вие на ход событий в Европе.

Эти идеи Маркса и Энгельса нашли свое отражение, например, в письме Маркса в редакцию журнала "Отечественные записки", а также в ответе на письмо Веры Засулич в 1881 г., четыре варианта которого были написаны Марксом, в статье Ф. Энгельса "О социальных отношениях России" и других работах основоположников марксизма.

В.И. Ленин в своих произведениях творчески развил учение Маркса и Энгельса и сделал из него вывод о том, что "при общей закономерности развития во всей мировой истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития".³ Этот ленинский конкретно-исторический подход к процессам общественного развития положен в основу философских и социологических исследований марксистов в СССР и ряде зарубежных стран.

Идейная борьба в международном рабочем движении, проведенная в 40-90 гг. прошлого века под руководством Маркса и Энгельса против реакционной и либерально-буржуазной идеологии, различных видов оппортунизма, а также анархизма, бланкизма и т.п. экстремистских и других антимарксистских течений, проникавших в среду рабочих в период I Интернационала и в начале деятельности II Интернационала потребовала от марксистов дальнейшего "доставивания" материалистического понимания истории, разработки марксистской теории об активной роли политических и идеологических отношений в жизни общества, о соотношении народных масс и роли личности в истории, о возрастании роли субъективного фактора.

Сравнительно в меньшей мере до конца прошлого века были разработаны теоретические проблемы марксистского учения о революционной партии рабочего класса как ведущей силе грядущего революционного, социалистического преобразования общественной жизни. Эта задача, недооцениваемая рядом лидеров социал-демократических партий II Интернационала, была со всей силой поставлена и решена в начале XX века, благодаря гениальным трудам Ленина, особенно таким, как "Что делать?", его статьям в "Искре", разработанным им проектах программы РСДРП

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

и выступлениях на II съезде РСДРП. В результате творческой, идейно-теоретической и последовательной революционной политической деятельности В.И. Ленина было всесторонне разработано и начало применяться на практике марксистское научно обоснованное учение о партии пролетарской революции, воплотившееся в идеологии и политике партии большевиков — первой марксистской партии нового типа, непримиримой к реакции, капиталистическому строю, буржуазной идеологии и оппортунизму, партии, органически соединяющей в своей политике и деятельности воедино научную теорию и революционную практику, партии последовательного пролетарского интернационализма.

Основоположники научного коммунистического мировоззрения Маркс и Энгельс высоко ценили своих предшественников, чьи учения стали теоретическими источниками марксизма — классическую немецкую философию, классическую английскую политэкономию, французский утопический социализм в связи с французскими революционными учениями вообще. И, тем не менее, марксизм, по своей природе и сущности всегда был чужд "западно-центристской" исключительности. Маркс и Энгельс рассматривали историю мировой философии как лучшую школу философского мышления, обращаясь к философии Востока и античной Греции, к лучшим творениям общественной мысли и культуры России, Индии, Америки и других стран.

С первых же лет формирования марксизма (1843—1844) Маркс и Энгельс, критически перерабатывая диалектику Гегеля и органически сочетая свой диалектический метод с развитием воинствующего материализма, освобожденного от былой метафизической ограниченности и созерцательности, создают новое последовательно материалистическое, научное понимание истории, сердцевиной которого является диалектический и исторический материализм. Нет какой-либо очередности в формировании основ, принципов и идей диалектического и исторического материализма; этот процесс происходит одновременно, синхронно, хотя не все стороны материалистического понимания истории разрабатывались Марксом и Энгельсом в одни и те же сроки. Так, философское обоснование идей научного социализма, начинающееся еще в период работы над "Экономическо-философскими рукописями 1844 г. получает более полное конкретно-историче-

ческое воплощение в последующих работах Маркса и Энгельса в 1845—1846 гг., особенно в "Манифесте Коммунистической партии", а всестороннее экономическое обоснование теории марксизма, начатое Марксом и Энгельсом еще в 40-е гг., получает завершенный вид в труде Маркса "К критике политической экономии" и особенно в его "Капитале" и "Анти-Дюринге" Энгельса.

В трудах Ленина "Карл Маркс" и "Фридрих Энгельс", "Три источника и три составные части марксизма", "Исторические судьбы учения Карла Маркса", "Марксизм и ревизионизм", "Материализм и эмпириокритицизм" и других его гениальных произведениях нашла дальнейшее развитие и подтверждение последовательно проведенная Марксом и Энгельсом диалектическая идея цельности революционной теории пролетариата и неразрывной взаимосвязи всех его составных частей, несовместимое с "плюралистическим" раздроблением его на изолированные части, ко всем и всяким неправомерным попыткам соединения тех или иных положений марксизма с чуждыми ему буржуазными и мелкобуржуазными концепциями. В трудах Ленина разработано глубокое и действенное понимание марксистской социологии, данное им первоначально еще в 1894 г. в книге "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов". Эта традиция ортодоксального, революционного марксизма была путеводной звездой революционного рабочего движения и во второй половине XIX века, во времена Маркса и Энгельса, и в еще более широких масштабах в XX веке, в идейно-политической борьбе ленинизма против чуждых пролетарскому авангарду и несостоятельных попыток расчленить марксизм, оторвать его экономическое учение от научного социализма, а эти составные части марксизма от его философии, подменить диалектический и исторический материализм той или иной буржуазной концепцией (например, неокантианство, неопозитивизм, махизм и т.п.).

Проследивая исторические закономерности развития общества в те или иные эпохи, в рамках которых складываются, развиваются и входят в прошлое общественные формации (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая) Маркс и Энгельс не только не игнорировали, но и наоборот во многих случаях делали объектом своего научного анали-

за те специфические формы процессов общественного развития, которые были свойственны тем или иным странам, в том числе и те, где реальный ход исторических процессов был иным, чем в странах Западной Европы. Одной из таких стран, отличавшихся существенными особенностями экономического, социального, политического и духовного развития в XIX веке была Россия.

х х
х

В последние десятилетия XIX века, в 70–90 годы бессмертное дело основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса продолжила славная плеяда деятелей пролетарского революционного движения – Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Франц Меринг в Германии, Поль Лафарг – во Франции, Антонио Лабриола в Италии, Людвиг Вариньский и Роза Люксембург в Польше, Димитр Благоев в Болгарии, Георгий Плеханов, Вера Засулич в России и другие марксисты.

Если уже в 80–90 гг. XIX в. в ряде европейских социалистических партий усиливаются оппортунистические течения и проявляется примиренческое отношение к ним со стороны некоторых социал-демократических лидеров, то было бы, однако, ошибочно считать, что уже тогда во II Интернационале безраздельно господствовал оппортунизм. До середины 90-х годов огромное идейно-теоретическое и политическое влияние на международное социалистическое и рабочее движение оказывал Фридрих Энгельс.

С середины 90-х гг. XIX века (1894–1898 гг.) на историческую арену российского и международного рабочего движения и научно-теоретической мысли выступил великий пролетарский революционер и гениальный мыслитель Владимир Ильич Ленин.

Серьезным препятствием на пути революционной борьбы в России, особенно в период 80-х – первой половины 90-х гг. XIX века было то, что российское освободительное движение против царизма, передовая общественная мысль того времени все еще находились под влиянием идеологии народничества, его мелкобуржуазно-утопических взглядов о самобытном пути развития России к социализму через сельскую, крестьянскую общину; в 90-х гг. эта идеология выродилась в реформистскую

программу либерального народничества.

Развитию российского освободительного движения препятствовали в то время также проявлявшиеся среди части разночинной интеллигенции мелкобуржуазно-экстремистские настроения и заблуждения, близкие к анархизму и бланкизму, которые уводили революционную мысль и деятельность передовых людей России того времени от единственного верного пути — от организации и просвещения трудящихся масс страны, для подготовки народной, демократической революции.

В то же время в пореформенной России, особенно в 80-90-х гг. среди идеологов российской буржуазии, известная часть "образованного общества" (профессора, студенчество, часть чиновников и другой разночинной интеллигенции) находилась под влиянием буржуазно-либеральных взглядов, близких к западноевропейскому либерализму, катедер-социализму и другим буржуазным течениям. В первой половине 90-х гг. оформилась концепция так называемого "легального марксизма", который в известной мере "предвосхитил" реформистские, оппортунистические воззрения российских последователей бернштейнианства, в частности, так называемых "экономистов" и других оппортунистических отступников от марксизма в конце XIX — начале XX вв. Единственно верный путь социального освобождения и подлинно-прогрессивного развития России, как и другим странам, в то время мог указать и указал революционный марксизм.

Маркс и Энгельс уже в начале 80 гг. возлагали большие надежды на то, что в России должна разразиться грандиозная социальная революция, надеясь, что она может стать сигналом для революции в других европейских странах. Однако до середины 90-х гг. прошлого века в России еще не было такой социально-политической силы, вооруженной передовой революционной теорией, которая могла бы сознательно и организованно повести массы на открытую революционную борьбу с царизмом и капитализмом.

Революционная Россия, говоря словами В.И. Ленина, "марксизм как единственно правильную революционную теорию ... поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветных исканий, обучения, испытания на прак-

тике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы".⁴ И далее Ленин отмечал, что "...революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире".⁵

Не только российские революционеры, но и оппозиционные по отношению к самодержавию передовые люди России в середине второй половины XIX в. (различные течения "просветительства", революционного демократизма, народничества) и другие представители "образованного общества" (профессора, публицисты, общественные деятели либерально-буржуазного направления) проявили интерес к марксизму. Они нередко изучали произведения Маркса и Энгельса, и отзывались на них в легальной печати, знакомили тем самым русских читателей с теми или иными идеями марксизма, давали им ту или иную трактовку, нередко одностороннюю, а иногда и извращенную. Это еще не было распространением марксистской, научно-социалистической идеологии в России. Процесс распространения марксизма в России, который начался в 80-х гг. XIX в., качественно отличный от предшествующего периода, когда происходило лишь ознакомление отдельных русских читателей с трудами и идеями Маркса, все более приобретал интенсивный характер. Ведущую роль в этом интенсивном процессе, как отмечено в Постановлении ЦК КПСС "О 80-летию Второго съезда РСДРП", сыграла первая организация российских марксистов - группа "Освобождение труда", созданная в 1883 г. Г.В. Плехановым.

Плеханов, принимавший уже во второй половине 70-х гг. участие в Петербурге в рабочем движении, которое было тогда стихийным, сблизился с рабочими-революционерами (С. Халтурин, П. Моисеенко и др.) и все более возлагал свои надежды на то, что передовые рабочие смогут развернуть работу среди крестьян и поднять их на революцию. Вскоре он обратил свой взор к опыту рабочего движения Западной Европы. Находясь с 1880 г. в результате преследований царских властей в политической эмиграции - в Швейцарии, во Франции, других странах

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

⁵ Там же.

Западной Европы - Плеханов внимательно и глубоко изучал теорию марксизма, западноевропейскую социально-политическую, философскую, научную и художественную литературу, осваивал опыт европейского рабочего и революционного движения, достижения европейской и мировой культуры, внимательно следил за ходом общественной и культурной жизни в России, устанавливая идейные и политические связи с представителями ее рабочего и революционного движения. Он пытался найти пути, чтобы вооружить участников освободительного движения в России правильной революционной теорией, которая уже овладела сознанием передовой части пролетарских революционеров западноевропейских стран, т.е. марксизмом, научным социализмом. С этой целью Г.В. Плеханов сплотил вокруг себя группу видных революционеров из среды народников, находившихся в эмиграции и входивших ранее, как и Плеханов, в революционно-народническую организацию "Черный передел" (В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатов), которые называли себя в начале 80-х гг. "бывшими чернопередельцами". Он стал одним из участников создания "Русской социально-революционной библиотеки", в которой выходил и переведенные на русский язык произведения марксистской литературы, в первую очередь важнейшие произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, предназначенные для нелегального распространения в России. С книгами этой библиотеки знакомились за границей эмигранты, студенты и другие люди из образованных кругов России и других славянских стран.

Сам Г.В. Плеханов в 1881-1882 гг. перевел на русский язык "Манифест Коммунистической партии" и этот творческий труд привел его к окончательному переходу на позиции революционного марксизма. Этот перевод классического труда основоположников марксизма еще до образования группы "Освобождение труда" в мае 1882 г. в Женеве вошел в "Русскую социально-революционную библиотеку". Маркс и Энгельс дали по просьбе Г.В. Плеханова, переданной через П.Л. Лаврова, к этому переводу "Манифеста Коммунистической партии" свое предисловие, где высказали убеждение в том, что "Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе".

Вскоре после издания "Манифеста Коммунистической партии"

Плеханов и его единомышленники В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И. Игнатов 25 сентября 1883 г. основали в Женеве первую организацию российских марксистов — группу "Освобождение труда" и начали издавать марксистскую "Библиотеку современного социализма".

В.И. Ленин высоко оценивал роль Г.В. Плеханова и созданной им группы "Освобождение труда" в том числе сделанных ими переводов сочинений Маркса и Энгельса, их собственных марксистских работ того периода, в распространении марксистских идей в России. Он называл эту группу "основательницей, представительницей и первейшей хранительницей" "старого течения", т.е. революционного марксизма.⁶

Уже в первые годы своей марксистской теоретической и политической деятельности Плеханов, созданная и руководимая им группа "Освобождение труда", выступали поборниками пролетарского интернационализма, стремились к установлению тесных, братских связей между российским и международным рабочим движением. Они рассматривали освободительную борьбу восходящего класса России — пролетариата, как составную часть революционного движения международного рабочего класса. Пролетарские революционеры Европы с восхищением встретили вещи слова Георгия Плеханова, выступавшего от имени социал-демократов России на первом (учредительном) Международном конгрессе II Интернационала в Париже в 1889 г. "...Революционная Россия ... не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но... наоборот теперешнее ее сближение принесет большую пользу делу всемирного пролетариата... Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может".⁷

Идейно-теоретическая деятельность Плеханова, ставшего пионером пропаганды марксизма в России, а затем видным теоретиком международного рабочего движения, работа его группы "Освобождение труда" в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. — была направлена на решение трех взаимосвязанных

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 180.

⁷ Литературное наследие Плеханова. Т. УШ, М., 1941, с. 86.

Идеологических задач:

- во-первых, на распространение идей научного социализма в целях прочного соединения теории марксизма с практикой рабочего движения в России, идейно-теоретического вооружения социалистических групп и организаций российских рабочих;

- во-вторых, на дальнейшую разработку на основе принципов марксистского учения и международного опыта революционного движения важнейших вопросов теории, проблем общественного развития как в России, так и на общеевропейской арене в интересах пролетариата и других трудящихся классов;

- в-третьих, на последовательную критику распространяемых в Западной Европе и проникающих в революционное движение России немарксистских теорий и взглядов, проистекающих из буржуазно-либерального и мелкобуржуазного мировоззрения, но нередко облекаемых в революционные и даже марксистские одежды.

При этом имелась в виду прежде всего необходимость философско-теоретического обоснования общих задач революционной борьбы и международного единства национальных отрядов международного рабочего класса, выступающих против капитализма и реакции (в том числе российского царизма, являвшегося одним из злейших жандармов Европы). Вместе с тем Плеханов и его группа считали необходимой теоретическую разработку специфических, особенных проблем, стоявшим перед рабочим и революционным движением России - многонациональной страны, в составе которой преобладало крестьянство, где предстояло решать задачи буржуазной революции, уже осуществленные в той или иной степени в ряде стран Запада.

В этих целях Плеханов в 80-х - начале 90-х гг. XIX в. обратился к научно-теоретическому анализу проблем развития капитализма в России пореформенной эпохи, особенностей этого развития, состоявших прежде всего в том, что в стране сохранились многие остатки феодально-крепостнического строя, социальный и политический гнет реакционного, помещичье-монархического государства, а в духовной жизни общества преобладали реакционно-монархические, религиозные, консервативные идеологические течения.

Российские ученики Маркса и Энгельса были призваны дать

идейно-теоретическое обоснование путей, форм и методов революционного преобразования общественной жизни в России — сравнительно молодой стране капитализма, где пролетариат составлял меньшинство населения, но имел большие потенциальные возможности и возрастающую силу для того, чтобы возглавить демократическую, а затем и социалистическую революцию.

Плеханов и его единомышленники, ставшие в начале 80 гг. прошлого века на путь революционного марксизма, своей пропагандой идей научного социализма Маркса и Энгельса среди русских революционеров и других передовых людей России, своей острой и решительной критикой народнических и других ошибочных, утопических взглядов в российском освободительном движении, своей неустанной работой по изучению опыта европейского рабочего движения и передаче его немногочисленным тогда в России пролетарским революционерам, социал-демократической интеллигенции — прокладывали идейно путь революционному российскому рабочему движению, освободительной борьбе трудящихся России, во главе которой в середине 90-х гг. XIX в. становился революционный пролетариат.

Основоположники научного социализма привели к повороту русской революционной мысли к марксизму. Ф. Энгельс в 1884 г., отвечая на письмо В. Засулич о переводе его "Низшей философии" на русский язык, отмечал: "То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезающая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле, нашла себе убежище в России"⁸.

Примечательной чертой марксистской теоретической мысли в России конца XIX в. явилось то, что в центре ее внимания стояли философские вопросы, проблемы идейной борьбы "современного" и "существенно-диалектического" (как часто называл его Плеханов), воинствующего материализма, т.е. диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса против различных антимарксистских и псевдосоциалистических, идеино-политических течений, а также против идеалистической фило-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 104.

софии и социологии.

Вместе с тем, в то время далеко не все представители марксизма во II Интернационале смогли глубоко понять и творчески применить материалистическую диалектику, которая является "живой душой" научного социализма, к революционной практике, к новым условиям революционной борьбы в обществе, начавшем переходить от монополистического капитализма к империализму, от сравнительно мирного периода в рабочем движении к периоду пролетарских революций. Этой слабости и ограниченности, присущей многим теоретикам и деятелям западно-германской социал-демократии последних десятилетий XIX в. не избежал в своей теоретической и идейно-политической деятельности и Плеханов, что особенно проявилось впоследствии в меньшевистском периоде его жизненного пути (1904-1918 гг.). Только В.И. Ленин, начиная с середины 90-х гг. XIX в. смог последовательно и творчески подойти к применению и развитию диалектического метода Маркса и Энгельса к новой исторической обстановке и поднять материалистическую диалектику на более высокую ступень, что не удалось сделать Плеханову и другим марксистским теоретикам II Интернационала.

Однако, при всех недостатках и ошибках, встречающихся в марксистской теоретической деятельности в период 1882-1903 гг., Плеханов был убежденным защитником и страстным пропагандистом революционной теории марксизма, выступал в защиту принципов марксизма, философии диалектического и исторического материализма против всех и всяких "теоретиков" айтимарксизма и ревизионизма, идеалистической философии и социологии. Он на основе наследия Маркса и Энгельса активно и плодотворно разрабатывал в этот период ряд коренных вопросов исторического материализма и научного социализма, обогащая русскую и международную литературу марксизма, особенно философскую талантливими и яркими теоретическими трудами, которые послужили историческому делу марксистского воспитания первых поколений революционеров России и в ряде других стран мира.

В сочинениях Плеханова, созданных в то время, весомо и зримо выступают дух воинствующего материализма, глубокая убежденность в интернациональном значении научного социализ-

ма Маркса и Энгельса, активное стремление дать научно-философский анализ процессов общественного развития и революционного движения XVIII-XIX вв., в них ярко проявились энциклопедическая образованность Плеханова, его блестящий полемический талант и литературное дарование.

Революционная деятельность Плеханова и созданный им группы "Освобождение труда" в первый период ее существования (1883-1894) была ограничена, главным образом, научно-теоретической работой, до того времени, когда после приезда в Женеву в мае 1895 г. В.И. Ленина - организатора и руководителя Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" они смогли установить идейно-политические и организационные связи с растущим революционным рабочим движением России. Хотя идейно-теоретическая работа Плеханова и его группы "Освобождение труда" и имела важное значение для будущего рабочего движения России, но до 1895 г. группа смогла лишь теоретически основать российскую социал-демократию и сделать первый шаг навстречу рабочему движению, которое в России до середины 90-х гг. XIX в. было еще преимущественно стихийным.

Отстаивая и пропагандируя теорию марксизма, принципы научного социализма и пролетарского интернационализма, страстно защищая воинствующий материализм, т.е. диалектический и исторический материализм, Плеханов доказывал (например, в переписке с К. Каутским и в полемике с В. Адлером), что марксисты любой страны не могут молчать, когда в какой-либо рабочей партии пропагандируются немарксистские или ревизионистские взгляды. Отвергая примиренческую точку зрения, осуждая замалчивание отступлений от марксизма под предлогом "невмешательства" в дела других партий, он писал: "Это не только наше право, это наш священный долг - сказать пролетариату, что мы считаем вредным и опасным для него".⁹

Уже в 80-х - первой половине 90-х гг., особенно в своих литературно-критических работах о русских революционных публицистах и писателях (Г. Успенский, С. Каронин и др.) Плеханов, исходя из принципов материалистического понимания истории, открытых Марксом и Энгельсом, и опираясь на реалиста-

⁹ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 2, М., 1973, с. 351.

ческие традиции Белинского, Чернышевского и других революционеров-демократов, стремится обосновать новую, марксистскую научную концепцию в эстетике. Лейтмотивов его сочинений становятся идеи неразрывной взаимосвязи творчества художника и его мировоззрения, зависимости художественного творчества от активной позиции художника в жизни общества и идейной борьбе, и в конечном счете от развития общества и классовой борьбы. "Писатель, — утверждает он, — является не только выразителем выдвинувшей его общественной среды, но и продуктом ее... он вносит в литературу ее симпатии и антипатии, ее привычки и мысли и даже язык".¹⁰

Плеханов был большим знатоком всемирной истории философии и общественной мысли, выдающимся исследователем философского наследия человечества, поборником материалистических и диалектических традиций предшественников марксизма. Не случайно Плеханов начал свой путь к марксистской науке и литературе с глубокого овладения сокровищами философской культуры прошлого, особенно XVIII—XIX столетий. Многие его философские работы в 80-х — 90-х гг. прошлого века посвящены анализу предьстории диалектического материализма и научного социализма, выяснению отношения марксизма к теоретическому, особенно философскому наследью.

В идейно-теоретической деятельности группы "Освобождение труда", руководимой Г.В. Плехановым, активное участие принимала Вера Ивановна Засулич (1849—1919).

В.И. Засулич, начавшая свою революционную деятельность в народническом движении, в 1876 г. совершила террористический акт — стреляла в петербургского губернатора генерала Трепова в знак протеста против издевательств над политическими заключенными. Она была оправдана судом присяжных, после чего скрылась от репрессий царских властей. В 1879 г. после раскола "Земля и Воля" вошла в народническую организацию "Черный передел". Находясь с начала 80-х гг. в политической эмиграции за границей, Засулич стала изучать опыт европейского революционного и рабочего движения, теорию марксизма.

Первоначально Засулич стремилась найти у Маркса подтверждение ошибочного взгляда русских народников, согласно кото-

¹⁰ Плеханов Г.В. Соч., т. 9, М.—Пг., 1923, с. 5.

тому сельская крестьянская община может стать в России непосредственно исходным пунктом социалистической революции, преобразования жизни общества на социалистических началах.

Большой интерес Маркса и Энгельса к историческим судьбам России и ее революционного движения, их доброжелательная поддержка русского издания "Манифеста Коммунистической партии" в переводе Плеханова стимулировали установление личных контактов, а затем дружественных идейно-политических связей первых русских марксистов начала 80-х гг. Засулич, Плеханова и др. с Фридрихом Энгельсом. Засулич, как и Плеханов, глубоко изучая труды Маркса и Энгельса и начав распространение их идей среди российских революционеров, преодолевая былые народнические воззрения, в том числе идеализацию сельской крестьянской общины, способствовала тем самым повороту русской революционной мысли 80-х гг. к научному социализму.

Ознакомление с опытом европейского рабочего движения, истории революционной борьбы, влияние теории Маркса и Энгельса позволяло Засулич освободиться от былых влияний теоретических субъективистских взглядов народняков и увлечения тактикой индивидуального террора. Вслед за Плехановым, который уже в процессе перевода "Манифеста Коммунистической партии" в 1882 г. стал на позиции марксизма, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.И. Дейч, В.Н. Игнатов встали в 1883 г. на путь марксизма и вошли в созданную Плехановым группу "Освобождение труда".

В.И. Засулич, обладающая незаурядным публицистическим талантом и литературным даром, плодотворно работая под руководством Плеханова, внесла большую лепту в идейно-теоретическую и литературно-издательскую деятельность группы "Освобождение труда". Она перевела на русский язык ряд работ Маркса и Энгельса, среди которых "Низета философия" Маркса, "Развитие социализма от утопии к науке" Энгельса ряд других, а также многие разделы и отрывки их произведений и предисловий к ним.

Перу В.И. Засулич принадлежит ряд сочинений, написанных ею в период до 1895 г. и знакомивших русских революционеров с опытом международного рабочего движения и достижениями теоретической мысли западноевропейских стран. Среди них та-

кие произведения, как: "Очерк истории международного общества рабочих" (1887-1888), "Революционеры из буржуазной среды" (1889-1890), "Верлен перед судом исправительной полиции" (1890), книги о великих французских просветителях XVIII века - монографию "Вольтер, его жизнь и деятельность" (1892-1893) и другие работы.

В первый период истории марксизма в России кроме группы "Освобождение труда", которая вела с 1883 г. пропаганду революционной марксистской теории, не было еще ни в самой России, ни за ее рубежом, т.е. среди российской революционной эмиграции, какой-либо иной организации или группы, которая занимала бы столь же идейно определенные марксистские позиции, и в основном верно и активно боролась за распространение марксизма, защищала его революционное учение как группа "Освобождение труда" во главе с Плехановым.

В.И. Ленин не раз отмечал заслуги группы "Освобождение труда". Он писал, что русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа "Освобождение труда"). Он указывал, что литературные произведения этой группы (печатавшиеся без цензуры за границей) впервые излагали систематические и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые как показал опыт всего мира, одни только правильно выражают сущность рабочего движения и его задачи.

Об этих предельно ясных и совершенно определенных оценках первого этапа истории марксизма в России (1883-1894) и роли группы "Освобождение труда" в интенсивном процессе распространения марксизма в российском рабочем и революционном движении, данных основателем и вождем нашей партии, следует еще раз напомнить, ибо и ныне во многих сочинениях, выходящих в зарубежных странах, встречаются неверные оценки, отрицающие, принижающие и искажающие подлинную роль группы "Освобождение труда" в распространении марксизма в России.

Так, в книге ренегата коммунистического движения, бывшего профессора истории философии Варшавского университета Л. Колаковского "Главные течения в марксизме" (выпущенной в Англии) Плеханову, вопреки истине, приписывается догматизм, метафизический и даже вульгарный материализм, фатализм и от-

ступление от принципов марксова гуманизма (самым главным "злом" в деятельности Плеханова изображается его всишествующий материализм, непримиримость к различным течениям буржуазной идеалистической философии второй половины XIX столетия). Более замаскированную, и вместе с тем столь же негативную и неверную трактовку деятельности Плеханова, его теоретическим трудам дает книга "История марксизма" (выпускаемая в Турине), во втором томе которой Плеханову посвящается глава некоего Израэля Гетцлера под хлестким названием "Г.Е. Плеханов: проклятие ортодоксии". Плеханов и его группа "Освобождение труда" неправоммерно и ложно представлены как поборники либерально-буржуазной программы "всесторонней европеизации России", смысл которой состоит в превращении России в развитую капиталистическую страну. Даже истоки пролетарской революционности Плеханова в конце XIX века берутся Гетцлером под сомнение: "Не неравноправие и несправедливость при буржуазии капитализма, а глубокая ненависть к царскому деспотизму и русской отсталости сделали из Плеханова революционером". Отсюда И. Гетцлер выводит и последующую эволюцию Плеханова после 1903 г. к меньшевизму, ибо он, якобы исходя из этой буржуазной концепции "всесторонней европеизации России" отвергает "все максималистские схемы скороспелого завоевания власти", выдвигавшиеся П. Ткачевым, бланкистами и т.п., но также и "ленинскую программу революционной диктатуры 1905 и 1907 годов" И. Гетцлер пытается "отсечь" Плеханова от революционного марксизма XIX в. и лживо представляет дело так, что его "практическая революционная деятельность в России была непродолжительной и имела весьма слабый резонанс среди эмиграции". Что же касается теоретической работы Плеханова, то лицемерно расточая ему похвалы за "вклад в русский марксизм" Гетцлер ставит под сомнение главное в этом вкладе - всиствующий марксизм Плеханова, по сути дела отрицает его положительное влияние на международное рабочее движение. Гетцлер пытается представить дело так, что "проклятие ортодоксий", т.е. верность революционному марксизму в XIX-первые годы XX в. помешало ему верно оценить те "новые" течения в философии и социальной мысли, которые шли по линии "демократического социализма" и соединения марксизма с "цен-

ными результатами" немарксистской мысли. Если верить И. Гетцлеру, то именно ортодоксальность Плеханова-революционного марксиста в 80-90 гг. XIX в. помешали ему творчески подойти к вопросам общественного развития на рубеже двух столетий и сказать гораздо большее влияние на российское и международное рабочее движение.

Гетцлер утверждает, что "детерминизм и вера Плеханова в рациональное познание гармонировали с духом времени натурализма и позитивизма" и отсюда неправомерно выводит якобы всегда присущее Плеханову стремление принять власть буржуазии и капиталистическое развитие как историческую необходимость и с помощью самодисциплины и самоотречения воздержаться от власти до тех пор, когда Россия созреет для социализма. Таким образом, вопреки историческим фактам, Плеханову - революционному марксисту XIX в., автору проектов революционной программы группы "Освобождение труда" антиисторически приписывается та неверная позиция, которую он занял впоследствии в меньшевистский период своей деятельности.

Всячески, при том несправедливо, осуждая непримиримость Плеханова 80-х - 90-х гг. прошлого века в отношении антимарксистских воззрений "катедер-марксистов", ревизионистов и т.п. "критиков марксизма", Гетцлер превращает эту историческую заслугу в проклятие ортодоксии", давящие над Плехановым и выражает лицемерное сожаление по поводу того, что Плеханов "уделял гораздо больше внимания своей марксистской теории", чем конкретным задачам, требованиям и целям русской социал-демократии".

Иногда ошибочные суждения о теоретической деятельности Плеханова и его группы "Освобождение труда" проникают и в некоторые работы ученых зарубежных социалистических стран, а порой и отдельных советских авторов.

Так польский историк философии А. Валицкий в той же "Истории марксизма", изданной в Турине (том 2), связывает развитие социализма в России главным образом с народничеством, проводя ошибочную мысль, что "русский марксизм" вырос из народничества и испытывал его влияние.

Порой в работах по истории революционного движения и марксизма в России не проводится должным образом качествен-

ное различие между тем интенсивным процессом распространения марксизма, в котором видную роль сыграла группа "Освобождение труда" и проникновением идей марксизма в Россию, ознаменование русских читателей с трудами Маркса и Энгельса, которое началось еще с 40-х гг. прошлого века. Известно, что значительный вклад в перевод "Капитала" Маркса внесли народники Г. Лопатин, Н. Даниельсон, Н. Русанов, хотя они никогда не стояли на позициях марксизма.

Российские профессора Н. Зибер, И. Кауфман и некоторые другие представители легальной прессы, также не стоявшие на позициях марксизма в своих статьях и рецензиях в легальной печати знакомили российское общество с теми или иными сторонами учения Маркса и Энгельса, их трудами, однако недопустимо какое-либо сближение, а тем более отождествление идеологии революционного марксизма, распространителями, защитниками, поборниками которой стали Плеханов и его группа "Освобождение труда" с ошибочными и часто неровными трактовками русскими народническими и либерально-буржуазными идеологами (которые подвергнуты не раз критике В.И. Лениным, в том числе в знаменитой статье "Карл Маркс").

Следует напомнить о ленинских оценках трудов Плеханова, начиная с 1882-1883 гг. и деятельности группы "Освобождение труда" и потому, что даже в некоторых исследовательских и научно-популярных работах не всегда проводится четкий, конкретно-исторический подход к вопросам истории марксизма в России того времени.

Ленин придавал особо важное значение тому, что основатель и руководитель группы "Освобождение труда" Г.В. Плеханов указал русским революционерам задачу: образование рабочей революционной партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма.

Уже после победы Великой Октябрьской революции, которой не понял и не принял Плеханов-меньшевик, В.И. Ленин в 1921 г. высоко оценил теоретические заслуги Плеханова в области философии, подчеркнув, что "нельзя стать настоящим коммунистом без того, чтобы изучать - именно изучать все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной

II Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290. Первому периоду деятельности группы "Освобождение труда" (1883-1894), марксистским трудам Плеханова и Засулич этого периода посвящена многочисленная марксистская литература в нашей стране и за рубежом. Краткий анализ историографии российской и зарубежной литературы по этому периоду истории марксизма в России, критика антимарксистских, ревизионистских и других неверных взглядов по этим проблемам и ошибочных оценок мировоззрения Плеханова были даны в ряде изданий, в том числе в труде "История Коммунистической партии Советского Союза" (тт. I и 2); в кн. 2-й "Марксистская философия в XIX веке" (М., 1979), в кн. М.Т. Иовчука "Г.В. Плеханов и его труды по истории философии", М., 1960; в книге Б.А. Чагина "Г.В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии", М.-Л., 1963; в книге И.Н. Курбатовой "Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы "Освобождение труда", М., 1983; в книге М.А. Лифшица "Г.В. Плеханов", М., 1983, и в ряде других работ.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

С.М. Брайович

I

Вопрос о преемственности в развитии философии марксизма охватывает следующую группу проблем: отношение философии марксизма к ее теоретическим источникам, в первую очередь классической немецкой философии, в частности, диалектике Гегеля; отношения философии марксизма к буржуазной и немарксистской философии и культуре вообще; отношение марксистской философии к политике и идеологии рабочего движения, отношение социализма и марксизма; соотношение интернационального и национального в марксизме. Все эти проблемы по-разному проявляются в различные конкретно-исторические периоды и связаны с вопросом о периодизации истории марксистско-ленинской философии.

Впервые проблема преемственности в истории марксистской философии и вопрос о ее периодизации стали предметом разработки в конце XIX и начале XX вв., что было связано с задачей определенной систематизации философии марксизма, ее распространением и применением к анализу приближающейся новой эпохи, эпохи империализма и социалистических революций.

Уже в полемике с Бернштейном революционными марксистами рассматривался вопрос о преемственности взглядов Маркса с диалектикой Гегеля, о классовом и интернациональном в марксизме, об отношении марксизма и социализма и другие.

На эту тему в начале столетия был опубликован ряд работ. Полемика с ревизионизмом Бернштейна наглядно подтвердила необходимость проведения принципиального различия между усвоением и пропагандой идеологии научного социализма с позиций революционного марксизма, с одной стороны, и трактовкой

тех или иных идей марксизма либеральными профессорами, ревизионистами, с другой.

В нашей статье речь в основном пойдет об этом первом периоде в трактовке проблем преемственности развития марксистской теории.

Второй раз тема преемственности стала предметом разработки после победы Октябрьской социалистической революции, что было связано с усвоением и утверждением нового этапа в развитии марксистской философии, идеологии и политики рабочего класса, ведущая роль в котором принадлежит В.И. Ленину и начало которому в силу объективных условий было положено в России.

Эта тема нашла свое теоретическое оформление в известной дискуссии в 1947 г. по поводу книги Александрова "История западноевропейской философии".

Одним из главных вопросов, поставленных в этой дискуссии, был вопрос об отношении марксизма к предшествовавшим идейным течениям, к философии Гегеля, а также вопрос о необходимости разработки истории русской философии, о национальном и классовом моменте в марксизме и ряд других.

В этой связи подвергался критике гегелевская концепция преемственности, указывалось на ее ограниченность.

И, наконец, третий раз в марксистской философской литературе ставилась и рассматривалась проблема преемственности в 60-70 гг., что было связано с возникновением мировой системы социализма, оказывающей все возрастающее влияние на ход всего мирового развития. На первый план выдвигались проблемы общих закономерностей в развитии марксистской теории, этапы развития и особенности периодизации, характеристика основных этапов, соотношение классового и национального, единства структуры и преемственность составных частей марксистского мировоззрения.

В 60-е годы по этим вопросам происходила острая идеологическая борьба между философами-марксистами, отстаивающими единство и преемственность марксистской теории и философии, и ревизионистами, стремящимися подорвать это единство и основать концепцию "мировоззренческого плюрализма".

II

В трактовке проблем преемственности и периодизации истории марксизма, мы сталкиваемся со следующими ошибочными направлениями:

- история марксизма, его составных частей изображается, как явление сверхнациональное, универсальное, при рассмотрении которого национальные проблемы философского развития значения уже не имеют;

- история марксизма, его философии изображается как сумма отдельных национальных философских школ и учений (рассматриваемых последовательно или параллельно);

- история марксистской философии рассматривается как история связей между философскими школами и течениями, при этом подчеркивается влияние западноевропейской философии на философскую мысль других стран и народов.

Эти тенденции или направления не существуют в чистом виде, переплетаются в различных работах, причем неизбежно встает та же дилемма - внимание к национальному или к интернациональному в мировом философском процессе. Нередко эти тенденции или направления выступают в следующих формах:

- марксистская философия отождествляется со стратегией и тактикой рабочего движения, не выделяется ее относительная самостоятельность;

- марксистская философия изображается как академическая, (кабинетная) наука, полностью оторванная от практики борьбы за социализм.

Эти тенденции сохраняются и по настоящее время в современной буржуазной философии истории, они игнорируют одну из сложнейших задач построения всемирной философии (и литературы) - соотнесение национальных философских школ с мировым философским (и литературным) развитием. Очевидно, при исследовании марксистской философии нельзя замыкаться в рамках отдельных стран и исходить из национальных различий и особенностей, надо видеть более глубокие, более существенные

связи. Вся деятельность основоположников научного социализма — К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина — свидетельствует о глубоком и последовательном интернационализме, соответствует коренным интересам пролетариата, международного рабочего и коммунистического движения. Однако, классики марксизма учли, что национальный момент нельзя игнорировать, национальные особенности в развитии философии в той или иной стране неразрывно связаны с классовым моментом. В каждой отдельной стране развитие философии зависит от многообразия конкретных обстоятельств, исторических традиций, особенностей духовной жизни. Осознание развития философии как единого процесса развития человечества, не может осуществляться вне анализа развития философии отдельных стран и народов.

Рассматривая диалектику развития марксистской теории, В.И. Ленин в работе "Наши упразднители" отметил, что "в Германии до 1848 года на первый план выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, а в 50-е и 60-е годы — экономическое учение Маркса. В России до Октябрьской революции акцент делался на применении экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — на марксистской политике, после революции — на марксистской философии".¹

В.И. Ленин учит, что преобладание интереса в той или иной стороне марксизма зависит не от субъективных желаний какого-то, особого типа мышления того или иного народа, а от совокупности исторических условий в той или иной стране.

Важное значение приобрел вопрос о предыстории марксизма в отдельных странах и регионах мира, т.е. то, что Ленин назвал "утробным развитием" марксизма, зависимость этого процесса как от особенностей социальной действительности, так и от уровня развития и степени систематизации философской теории на различных исторических этапах. Здесь следует разграничивать влияние марксизма на индивидуальном уровне, и влияние марксизма на различные типы мировоззрения, которые складывались в той или иной стране, способ, разграничения марксизма с несовместимыми с ним концепциями, и в то же время, включение рационального зерна из прогрессивных учений

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 128.

или же отдельных частей из других систем.

Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей — "недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли".²

Связь философии с жизнью, с социально-политическими, эстетическими и этическими идеями времени была различной по своему характеру в разные периоды развития общества в каждой стране. Все это приводит к феномену, который в философской литературе называется неравномерностью развития философской проблематики. А это в свою очередь обуславливает периодизацию истории философской мысли, которая не является абстрактным повторением основных периодов человеческой истории вообще, она конкретна и специфична для каждого отдельного народа и не повторяется безусловно и целиком в истории других народов. Период в истории философии должен быть соотнесен со специфическими закономерностями, логикой развития самой философии, т.е. предмета исследования. При этом в научной периодизации речь может идти лишь о периодах, вносящих существенно новое в формирование личности, в отношении человека и мира. Понятие "философская культура" шире понятия "философская мысль" или "философская наука". В связи с этим особое значение приобретает вопрос анализа тех форм общественного познания, в которых философские идеи существуют в неспецифическом для них языке выражения.

Выяснить влияние философии на социально-политическую и культурную жизнь народов, преемственность между взглядами философов в плане всемирно-историческом и в масштабе отдельного народа — важнейшая задача историко-философской науки.

Ведь в марксовом методе, в отличие от гегелевского, "логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью".³

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 423.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I3, с. 499.

На рубеже 1843-1844 гг. Маркс формулирует одно из важнейших открытий научного коммунизма, — неразрывную связь философии с практической борьбой революционного рабочего класса. В статьях "К еврейскому вопросу" и "К критике гегелевской философии права. Введение", опубликованных в "Немецко-французских ежегодниках" и ставших своего рода политическим манифестом молодого Маркса, дан первый набросок теории социалистической революции, выдвинуто положение о человеческой эмансипации, которая является "последней формой человеческой эмансипации в пределах существующего до сих пор миропорядка".⁴ Пролетариат есть та реальная сила, которая призвана осуществить человеческую эмансипацию. "Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность".⁵

Анализируя идейно-политическую ситуацию в Германии, Маркс констатирует существование двух противоположных точек зрения, отражающих недовольство существующим положением дел, но отстаивающих ошибочное понимание отношения философии, теории вообще, к действительности.

Маркс говорит о дореволюционной Германии, но его анализ имеет значение и для последующих этапов и исторического развития, для распространения Марксова учения в других странах и во всемирном масштабе.

Одна сторона — это практическая партия (Маркс указывает: "Вы не можете упразднить философию, не осуществив ее в действительности") и другая — теоретическая партия, отрывающая философию от действительности. "Ее основной порок можно свести к следующему: она думала, что можно превратить философию в действительность, не упразднив самой философии".⁶

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 392.

⁵ Там же, с. 429.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 421.

Марксизм в своем развитии, ведя борьбу против различных форм мелкобуржуазного социализма, вызывал и некоторые побочные продукты, непоподобие "легалного марксизма" в России, анархосиндикализма в романских странах, и эта тенденция постоянно будет сопровождать историю социализма и марксизма как в международном плане, так и в рамках отдельных стран. В.И. Ленин писал в 1910 г.: "Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизм при формировании своих задач, усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные "лозунги", те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов".⁷ На одном полюсе "ультралевый" анархизм и авантюризм, на другом полюсе — правый оппортунизм, ни тот, ни другой не имеют ничего общего с подлинно диалектическим методом учения Маркса.

В книге "Молодой Маркс" (философское развитие с 1840—1844)", Г. Лукач высказывает мысль о том, что развитие молодого Маркса осуществляется в "немецких формах, и в идеологическом смысле". "И у основоположников международного научного социализма мировоззрение пролетарской революции осуществляется вначале в национальной форме".⁸ Терминология, применяемая молодым Марксом действительно может быть правильно понята лишь с учетом влияния на Маркса гегелевской диалектики и антропологизма Фейербаха, что в известной мере характеризует не только форму, но и содержание ряда положений. В то же время, несмотря на отдельные моменты старых, впоследствии преодоленных воззрений и терминологию, не соответствующую новому содержанию, в ранних работах Маркса содержатся исходные положения и набросок целостного мировоззрения и программа дальнейших теоретических исследований — поэтому, было бы неправильно, на наш взгляд, говорить о национальной форме философских воззрений молодого Маркса. И тем более неправильно говорить, как это делают некоторые авторы, о марксизме как продукте особого положения той или иной страны.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 88.

⁸ См.: Lukács G. Der junge Marx. Seine philosophische Entwicklung von 1840—1844. Stuttgart, 1965, S. 9.

Молодой Энгельс, находившийся только на пути к научному коммунизму писал: "... коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-нибудь другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации".⁹ В этом же духе еще сто лет назад молодой Маркс писал: "Должна ли философия, чтобы не впасть в противоречие с основными положениями догм, иметь особые принципы для каждой отдельной страны, соответственно поговорке: "что город, то нрав". Должна ли она в одной стране верить что $3 \times 1 = 1$, в другой, что женщины не имеют души, в третьей, что на небе пьют пиво".¹⁰

Абсолютизация точки зрения о национальных формах марксизма находит свое выражение в распространяемой в последние два десятилетия на Западе концепции "мировоззренческого плюрализма" или "поливариантного марксизма".

История марксизма изображается как сумма отдельных национальных марксизмов (противопоставленных друг другу или рассматриваемых последовательно или параллельно. Эта точка зрения отстаивается в трехтомной книге "История марксизма" (II-ое изд. 1961; 3 изд., 1978 г.), которая переведена на ряд европейских языков. За марксизм выдаются немарксистские течения, как бернштейнианство, социал-реформизм, анархо-синдикализм, троцкизм, социальная философия Франкфуртской школы, экзистенциализм Сартра и др., т.е. то, что марксисты рассматривают как отражение марксизма в буржуазной и немарксистской литературе. Странники национальных вариантов марксизма или же особых принципов в той или иной стране спекулируют на историческом характере философского знания, его социальной обусловленности, на том, что формы философского мышления, как и содержание, испытывают влияние экономического базиса, борьбы классов, развития науки и культурн, политики и идеологии в данную историческую эпоху, в том числе и в конкретно-исторических условиях и особенностях данной страны. Изменение в восприятии марксизма выражается в перенесении центра внимания с одной его составляющей части на другую, в уско-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 525.

¹⁰ Там же, с. 101.

ренном развитии последней, о чем шла речь в вышеприведенном высказывании В.И. Ленина. Но эти изменения предполагают сохранение основного "ядра", его углубление и развитие, а не отказ от него, как это делают всевозможные оппортунисты, выдавая это отступление от основополагающих принципов марксизма за творческое его развитие.

Концепция мировоззренческого плюрализма, разделение марксизма по национальным квартирам является переживом уже давно обанкротившихся "теорий", которые в свое время распространялись социал-оппортунистами (Кунов, Реннер). В методологическом плане эта концепция означает перевод на язык теории эклектической теории факторов, есть не что иное как "осознанная эклектика".

IV

Помимо указанных двух существует на Западе и третья тенденция, она называется, региональная или европоцентристская. История марксизма изображается как история связей между философскими взглядами разных стран, рассматривается преимущественно как влияние западноевропейской философской мысли на философскую мысль других стран и народов. Марксизм ограничивается рамками западноевропейской цивилизации. Эта тенденция, как и две предыдущие, базируется на суженной методологической основе, по преимуществу, на материале истории марксизма Западной Европы. Особенности развития этой "области" мировой философии "накладывается" на понимание развития всего мирового революционного процесса. Это, кроме прочего, было результатом более интенсивной разработки истории философии и общественной мысли в западноевропейских странах, что усугублялось причинами политического и идеологического характера. Так в ряде опубликованных на Западе работ последних двух десятилетий широко используются такие термины как "марксизм II Интернационала", "марксизм III Интернационала", вкладывая в эти понятия особое содержание.

Безусловно, несмотря на неоднородный состав теоретиков II-го Интернационала, на различия в их теоретических позициях,

все они олицетворяют в истории общественной мысли известный стиль мышления и деятельности, свойственный именно II Интернационалу. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить об особом типе или стиле мышления и деятельности этих теоретиков, отнюдь не о каком-то особом марксизме II Интернационала. При этом, одни авторы пытаются реабилитировать взгляды ревизиониста Э. Бернштейна и оппортунизм позднего Каутского, выдавая их отступничество от революционного марксизма за "ортодоксальный марксизм" и современный социализм. Другие отрицают теоретическое наследие II Интернационала, изображают его как разрыв с поплинными взглядами К. Маркса, включая сюда учение Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и Б.И. Ленина, их учеников и последователей. Общее между этими тенденциями - отрицание ленинизма как нового высшего этапа в развитии марксизма; их объединяет ненависть к реальному социализму, антикоммунизм.

Первую точку зрения проводят сторонники правой социал-демократии, социал-реформисты.

Резюмируя идеи сторонников этой точки зрения можно отметить следующие основные моменты: 1) попытка удаления из пролетарского движения всего классового, трактовка его как "нравственного", как "фактора культуры", как "манифестацию духа современного человечества"; 2) рассмотрение демократии и насилия как основной дилеммы современного социализма, проповедь теории о несовместимости социализма и демократии; 3) проповедь идеи о "нецелесообразности" обобществления средств производства, выдвижение программы так называемой "социалистической трансформации без катастроф"; 4) изображение реформистского "социализма" (в лице Социнтерна) в качестве органического преемника I и II Интернационала; 5) изображение ленинизма как формы особого "восточного марксизма".

Сторонники этой точки зрения в основном повторяют "аргументы", выдвинутые ренегатами К. Каутским и Э. Бернштейном в борьбе против революционного марксизма. Они рассуждают о незрелости России для проведения социалистической революции, противопоставляют демократию диктатуре, отрывают политику от экономики, обвиняют В.И. Ленина и ленинцев в волюнтаризме и бланкизме, извращают сущность Октябрьской революции и дикта-

туры пролетариата.

Подобно Каутскому и Бернштейну, идеологи современного ревизионизма стремятся фальсифицировать теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, их учеников из периода II интернационала, чтобы нанести удар по идейному и организационному единству международного коммунистического движения и ослабить притягательную силу нового общественного строя.

Противники ленинизма вопреки исторической правде изображают дело таким образом, будто "для Ленина раскол... всегда составлял основной элемент его политики",¹¹ будто раскол внутри социалистического движения в России между революционерами (большевиками) и реформистами (меньшевиками) следовало повторить внутри международного рабочего движения.¹²

Приписывая Ленину и большевикам стремление расколоть международное рабочее движение, фальсификаторы марксизма игнорируют тот факт, что идейный распад II Интернационала, происшедший из-за предательства оппортунистических вождей, не мог не вести к расколу в международном рабочем движении. Они игнорируют большую работу, проводимую В.И. Лениным и его последователями по сплочению революционных элементов II Интернационала, действуя внутри него как главная политическая сила, направленная против оппортунизма.

"Большевизм, писал Ленин, — добил старый, гнилой Интернационал шейдеманов и каутских, реноделей и лонге, гендерсонов и макдональдов... Большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт начавшейся эпохи революций".¹³

Ленинизм вобрал в себя завоевания мирового рабочего класса в "мирную эпоху", т.е. в период деятельности двух предыдущих интернационалов, был преемником и продолжателем лучших традиций международного рабочего движения.

В работе "Империализм и раскол социализма" (1916 г.)

¹¹ "La Revue socialiste", 1964, N II-III, p. 513.

¹² Iazitch B., Drashkovitch M. M. Lenin and the Komintern, vol. 1, 1972, p. 75.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 304.

В.И. Ленин вскрыл связь между оппортунизмом и империализмом, назвал ее "основным вопросом современного социализма", "ибо здесь гвоздь той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистической политики".¹⁴

В борьбе между этими двумя тенденциями – тенденцией буржуазной оппортунистической и тенденцией революционной – пророчески писал В.И. Ленин, будет разворачиваться теперь история рабочего движения.

Другую точку зрения проповедают теоретики левацкого толка. Отрицая подлинно марксистский характер теории II Интернационала, они не делают принципиального различия между взглядами Ф. Энгельса, В.И. Ленина, их последователей и оппортунистическими взглядами К. Каутского, объединяют их под общим термином – "ортодоксальный марксизм". Марксизм отождествляют с "центризмом" и "каутскианством". Под "каутскианством" Ленин понимал взгляд Каутского после 1910 г., когда он стал ренегатом, буржуазные авторы и ревизионисты под каутскианством понимают всего Каутского. Противопоставляя стихийное сознательному и выступая против марксистско-ленинского учения о субъективном факторе, авангардной роли коммунистических партий, левацкие интерпретации смыкаются с правооппортунистическими, стремятся разрушить единство и преемственность в развитии марксизма. Их объединяет общая ненависть к реальному социализму и его идеологии. Изображая ленинизм как форму "восточного марксизма" – левацкие теоретики стремятся противопоставить ленинизму взгляды Р. Люксембург, Л. Грамши и Г. Лукача. С этой целью широко используют термин "люксембургизм", вкладывая в него собственное содержание, а именно ошибочные взгляды Р. Люксембург, ее недостатки, за которые ее критиковал Ленин (по национальному и организационному вопросу и др.).

антикоммунизм – неотъемлемая часть левацкой идеологии. С этой точки зрения оппортунистами были не только Бернштейн и Каутский, но и Плеханов, Ленин и Энгельс. Левацкие теоретики

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 172.

замалчивают непримиримую теоретическую и политическую борьбу, которую последовательно вели во II Интернационале против оппортунизма и ревизионизма В.И. Ленин, его соратники и по ряду вопросов такие верные марксизму социал-демократы, как А. Бебель, Д. Благоев, А. Лабриола, П. Лафарг, К. Либкнехт, Г.В. Плеханов. Стремление умалить значение борьбы революционных социал-демократов против оппортунизма и социал-реформизма является проявлением оппортунизма и антикоммунизма в наше время. Рассматривая "ортодоксальный марксизм" как "догматизм", "экономический фатализм", испльзуя ошибки центристской идеологии (объективизм, экономический детерминизм), они критикуют марксизм-ленинизм с позиции субъективистски истолкованного марксизма и антропологизма. Эта точка зрения восходит к 20-м годам, когда ревизионист К. Корш в работе "Марксизм и философия" (1923 г.) и других своих работах по существу отрицал возможность соединения марксистской философии с рабочим классом. Свою основную задачу К. Корш видел в том, чтобы обнаружить "идеологический", т.е. отчужденный характер официального марксизма после смерти К. Маркса и на этой основе опровергнуть всемирно-историческое значение учения В.И. Ленина.

Толкование Коршем истории марксизма дело в 60-е годы нашего столетия толчок для целого ряда ревизионистских и анархистских выступлений, входящих в состав современного антиленинизма, предпринявшего попытку "очистения" учения К. Маркса от его последующих интерпретаций. В своем историческом действии идеи Маркса, якобы, оторвались от своего создателя, пишет по этому поводу буржуазный идеолог Блуменсберг. Марксизм не есть продукт К. Маркса, заслуга больше всех принадлежит... К. Каутскому, - пишет этот автор. Подобную точку зрения проводит Х.П. Штейнберг в работе "Социализм и немецкая социал-демократия" (1967 г.) и ряд других буржуазных авторов, утверждающих, что в социал-демократических партиях конца XIX - начала XX вв. господствовал идеологический эклектизм и оппортунизм, будто ревизионизм возник как реакция на вульгарно-марксистские догмы.

Во Втором Интернационале, согласно схеме Корша,

начинают расходиться различные части единого целостного учения — политическая экономия, политика, идеология; начинают самостоятельную жизнь, расщепляются научная теория и общественная практика.

Огульное отрицание какого-либо положительного содержания в деятельности социал-демократических партий II Интернационала имело место не только у Корша, но и в работах некоторых других авторов левацкого толка. Ленинизм отрывался от теоретических достижений марксизма периода II Интернационала и получалось, что он появился в некотором теоретическом вакууме. Постулируя положение о сплошном оппортунизме в деятельности II Интернационала, Корш попытался упрекнуть В.И. Ленина в грехах Каутского, софистически смешивая верные и неверные положения Каутского в разные периоды его деятельности. Корш утверждает, будто ленинизм лишен адекватного соответствия современному уровню развития революционной философии пролетариата в западноевропейских странах. В.И. Ленин, согласно Коршу, будто бы возвратился к "дуализму", к преодоленному уже в немецком идеализме противоречию между "мышлением" и "бытием".

Эти ревизионистские мысли Корш развил затем в 1938 г. в рецензии на антиленинскую работу А. Паннекука "Ленин как философ". Эти ложные идеи нашли свое дальнейшее развитие в известной работе Г. Маркузе "Советский марксизм" (1955) и в других работах теоретиков Франкфуртской школы, в сочинениях Э. Маттаса "Каутский и каутскианство" (1957) и др.

Находясь под влиянием этой ложной идеи, некоторые философы, считающие себя марксистами, выдвинули в 60-ые годы требование "реинтерпретации" философского учения Маркса, освобождения его от последующих интерпретаций, в первую очередь от теоретического наследия II и III Интернационалов. Выдвинутая программа "демифологизации" учения Маркса (явно под влиянием герменевтики) своим острием направлена против рассмотрения философии марксизма как философии диалектического материализма, против ленинизма. В русле этой общей схемы действуют те авторы, которые стремятся освободить учение К. Маркса от всех последующих его интерпретаций. Так, Ч. Луппорини в качестве одной из важнейших задач нашего времени

выдвинул требование "освободить К. Маркса от марксизма".¹⁵ Он связывает возникновение марксизма с 1883 годом, когда вышел первый номер "Die Neue Zeit" а его крестным отцом считает самого К. Каутского.

Эта тенденция имеет целью изобразить Маркса как какого-то изолированного мыслителя академического толка, на одном уровне, например, с Платоном, Декартом, Гоббсом, Руссо и др. разорвать связь между марксизмом и социализмом.

IV

Марксизм, как философия и освободительная теория, немалым без связи с рабочим, социалистическим движением. Преемственность в развитии его основополагающих идей осуществляется передачей духовного богатства от одного поколения к другому, от одного народа к другому, при этом каждое поколение находит в нем материал для дальнейшего углубления и разработки.

Однако, этот процесс не протекает прямолинейно, как плавное, простое накопление и изменение знания от низшего к высшему. Что историко-философский процесс не протекает прямолинейно, как простое изменение и как всеобщее совершенствование, известно было уже теоретикам II Интернационала, хотя именно они отдали дань подобному пониманию. На самом деле, научное мышление конца XIX века характеризует эволюционизм (Ч. Дарвин, Э. Геккель, Г. Спенсер, Г. Бокль, Г. Гельгольц, И. Сеченов и др.), представление о развитии как непрерывном и постоянном, внутренне однородном протекании. Историко-философская практика развития, в том числе история марксизма и социализма свидетельствует о том, что постоянное, поступательное развитие сопровождается "перерывами" и временным застоем.

Перерывы в развитии историко-философского процесса являются не "болезнью" или капризами моды, и зависят не от субъективных желаний, и являются не простой случайностью, а вполне закономерны и поддаются философскому анализу и научному объяснению. Вместе с тем такие "перерывы" отнюдь не

¹⁵ См.: "Политика". Београд, 1983, 30 марта.

разрывают всего философского процесса, и если прерывается одна линия и связи, то продолжают другие, порою более длительного и универсального действия.

Об этом свидетельствует история марксизма в период конца XIX и начала XX века, после смерти основоположников научного социализма К. Маркса (1883) и Ф. Энгельса (1895 г.).

В работе "Три кризиса марксизма" (1903) К. Каутский, который считался главным теоретиком немецкой социал-демократической партии и II Интернационала, рассматривает историю марксизма как сменяющие друг друга периоды подъемов и кризисов, через преодоление которых происходило его развитие. Первый период - 40-е годы XIX в. - подъем и развитие социалистической мысли. Июньская битва 1848 г. положила конец этому развитию; победа контрреволюции, гибель революции имели тяжелые последствия для марксизма. Второй период, 60-е годы - новый подъем с 1864 по 1870 г., марксизм шел от одной победы к другой. Поражение Парижской коммуны в 1871 г. явилось поворотным пунктом, марксизм вступил тогда во второй период своего упадка. Новый подъем произошел после 1875 и связан он с образованием социал-демократической партии Германии. С 90-х годов наступает третий кризис марксизма, на этот раз вызванного не практическим движением, для него не было никакого внешнего повода, если не считать смерть второго из отцов марксизма, он возник среди полного победоносного шествия марксизма.

Позитивным в периодизации марксизма Каутским является попытка связать историю марксизма с основными этапами борьбы рабочего класса за свое освобождение, а также и то, что он указывает на некоторую специфику усвоения марксизма в той или иной стране.

Но Каутский стал кризис рабочего движения в той или иной стране выдавать за кризис самого марксизма.

Проблема органического соединения материализма и диалектики в воззрениях Маркса и Энгельса осталось вне сферы внимания Каутского. Вопрос о развитии марксизма как теории он подменяет вопросом о его влиянии и распространении в различных странах. Правильно отмечая, как по мере распространения марксизма возникают и различные его толкования, и что разли-

ца во взглядах марксистов будет возрастать, Каутский не смог дать этому явлению правильное объяснение, придя к неверному выводу и отрицая возможность подлинно научной интерпретации учения Маркса и Энгельса. "Различия точек зрения среди марксистов, возникающие из индивидуальных, социальных и национальных различий, стали настолько крупными, что не следует ожидать, что какое-нибудь общепризнанное понимание марксизма будет признано полностью соответствующим взглядам К. Маркса".¹⁶ В 1913 году он констатировал наличие в марксизме различных течений и что каждая страна имеет выраженную специфику создания особых форм марксизма. "Можно следовательно говорить о марксизме австрийском, голландском, французском, американском, российском. Этот последний приобрел даже две особые формы, одну профессорскую и одну подлинно пролетарскую".¹⁷ Важнейший вопрос, возникающий в этой связи, Каутский обходил молчанием: это вопрос об интернациональной сущности марксизма, а в конечном счете, о его теоретической целостности, необходимо предполагающей как различия, так и единство выражаемой им истины.

Талантливая защита Плехановым революционной сущности марксизма, марксистского диалектического метода в немалой степени способствовала утверждению научно-материалистического взгляда на преимущество и тем самым разрешению вопроса о периодизации марксизма. Плеханов стремился отстоять цельность научно-материалистического мировоззрения, единство его составных частей, отбрасывая попытки "обновления" научного социализма путем соединения его идей с буржуазной идеалистической философией.

Г.В. Плеханов опубликовал работу "О мнимом кризисе марксизма", направленную против "критиков" Маркса, главным образом, Э. Берштейна и К. Шмидта. Редактор журнала "Mouvemente socialiste" Лагардель в 1901 г. обратился к Плеханову с просьбой дать для этого журнала статью "Существует ли кризис

¹⁶ Zum dreissigsten Todestage von Karl Marx. - "Vorwärts", 1913, 14 März, Nr. 62.

¹⁷ Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung, Bd. 1, Berlin, 1927, S. 16.

в марксизме". Выступления Плеханова на тему о "кризисе" марксизма пользовались успехом, они не потеряли значение и в наше время.

Отметим, с тех пор по настоящее время термин "кризис" марксизма используется на Западе не только в буржуазной и ревизионистской литературе, но и среди некоторых философов, считающих себя марксистами.

В заметках на книгу А. Лабриола "Essais sur la conception materialiste de l'histoire". Плеханов обращает внимание на примечание, которое делает Лабриола об итальянском социализме. "Это та форма социализма, которую очень многие называют марксизмом. Но марксизм есть и остается учением, — партии же не могут присвоить себе название учения, ни строить на нем своих прав на существование. — "Я не марксист, — говорил (угадайте кто?)... сам Маркс".¹⁸

Подведем некоторые итоги.

Теоретики II Интернационала внесли вклад в разработку проблем преемственности, предьстории и истории марксизма, его философии. Для своего времени их произведения по истории марксизма имели принципиально важное значение, они могут быть использованы и сегодня для изучения марксистской философии, овладения философской культурой и дальнейших разработок философских проблем, для пополнения идейно-теоретического арсенала в борьбе с буржуазной идеологией.

В то же время по ряду вопросов они не смогли творчески развить учение марксизма и применить его метод — материалистическую диалектику — к новым историческим условиям, и решить проблему преемственности составных его частей. Разработка Лениным периодизации марксистской философии, ее преемственности, метода материалистической диалектики и стала образцом творческого развития марксизма. Применительно к условиям новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций — Ленин обосновал революционные задачи международного пролетариата, обогатил принципиально важными открытиями марксизм, преемственность его составных частей.

¹⁸ Литературно-философское наследие Г.В.Плеханова, т.3. М., 1974, с.299.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

Р.Н. Блэм

Процесс формирования марксизма как цельного учения неизменно привлекает внимание многочисленных исследователей. Особенно это заметно в последние десятилетия, когда работы, посвященные анализу начального периода творческого пути основателей научного социализма, количественно явно преобладают над работами о зрелом марксизме. Вряд ли такое "переключение" внимания можно считать случайным, так как очевидно, что именно начальные этапы развития марксистской мысли играют важнейшую роль в понимании ее сущностных сторон и главной направленности. Н.И. Лаптя удачно заметил, что начало марксизма представляет некую тайну¹, тайна же начала всегда привлекательна, ее надлежит разгадать, чтобы в ней, как в эмбрионе, обнаружить решающие тенденции последующего развития.

Естественно, что, изучая начало марксизма, исследователи выдвигают на первый план те или иные аспекты становящегося учения. При этом чаще всего на первый план выступают определенные конкретные теоретические проблемы, которые приходилось решать молодому Марксу (например, преодоление гегельянства, разрыв с младогегельянцами и т.п.) или подчеркивается значение практической деятельности во время работы в "Рейнской газете". Безусловно, подобный подход отражает реальные исторические факты и не может вызвать каких-либо принципиальных возражений, но только в том случае (к сожалению, часто выпускаемом из виду), если он не упускает при этом главного момента — целостного, комплексного характера генезиса марксизма.²

¹ Лаптя Н.И. Начало марксизма. — "Вопросы философии", 1983, № 1, с. 27.

² "Генезис марксизма есть комплексный процесс, в котором необходимо различать как отдельные его линии (в области

Но признание целостности формирующейся теоретической позиции отнюдь не исключает, а скорее предполагает обнаружение той главной целевой установки, образующей, так сказать, каркас, основу всей позиции, которая составляет своеобразную сверхзадачу и которой, в конечном счете, подчиняются все аспекты становящегося мировоззрения. В построении теории подобная сверхзадача играет роль целевой причины. Функцию целевой причины во взглядах молодого Маркса (как, впрочем, и во всем его дальнейшем творчестве) выполняла идея революционного преобразования мира. "Революционная целеустремленность, — пишет Н.И. Лапин, — стала стержнем помыслов и поступков многогранной личности Маркса, позволившим осуществить выпавшую на его долю титаническую работу".³ Большинство авторов, пишущих о процессе формирования научного социализма, подчеркивают революционный характер мировоззрения молодого Маркса и, как правило, цитируют знаменитый II тезис о Фейербахе — "философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его"⁴. Но, к сожалению, дальше общего признания дело в большинстве случаев не идет.

М.Н. Грецкий и И.Г. Педич, на наш взгляд, весьма убедительно показали, что теоретико-познавательные, методологические и другие подобные изменения в процессе формирования марксизма были детерминированы идеологическими задачами, определяемыми необходимостью выработки программы буржуазно-демократических преобразований, а затем и переходом на пролетарские классовые позиции⁵. Правда, при этом представляется излишнее резким у названных авторов отделение того, что они именуют идеологическим процессом (т.е. постановкой революционных задач) и внефилософскими основаниями от самого ге-

философии, политической экономии, научного коммунизма), так и их органическую связь друг с другом, и который может быть адекватно воспроизведен именно как комплексный". Там же, с. 31.

³ Там же, с. 33-34.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 263.

⁵ Грецкий М.Н., Педич И.Г. К проблеме формирования марксистской диалектики. — "Философские науки", 1979, № 6.

незиса марксизма как цельного учения. Они также не учитывают в достаточной мере того фундаментального факта, что Маркс с самого начала своей творческой деятельности разрабатывал философию революции, что проблемы революции и революционной борьбы ни в коем случае не были внешними детерминатами его взглядов, что эти проблемы выступали как их основополагающее, формообразующее начало.

Думается, что существенным упущением в исследованиях генезиса марксизма является то, что взгляды молодого Маркса почти не связываются с существовавшими в то время концепциями общественного, в первую очередь, революционного изменения (за исключением, пожалуй, гегелевской философии права). А ведь мысли его, направленные на поиск путей радикального преобразования немецкой жизни, на революцию, формировались отнюдь не в идеологическом вакууме.

В связи со сказанным хотелось бы в дальнейшем обсудить два вопроса:

а) отношение молодого Маркса к существовавшим в то время основным концепциям радикального общественного изменения; и вместе с тем

б) основные этапы и особенности эволюции его революционного мировоззрения.

Какие же основные направления в теории общественного изменения (развития) сложились после Великой французской революции? В каком состоянии находилась философия революции к началу 40-х гг. XIX в? Отвечая на эти вопросы, сразу же подчеркнем, что именно французская революция сделала возможным и необходимым появление в сфере социальной философии и общественной мысли собственно теории революции. Можно смело сказать, что эта теория — законная дочь радикальных преобразований, потрясших Францию в конце XVIII в. Они не только побудили философов и социальных мыслителей задуматься над тем, каково историческое место и значение революции (об этом размышляли и в дореволюционные времена), но и обратила их внимание на сущность, механизмы, импульсы, задачи, цели и способы осуществления революционного процесса, заставила глубже проникнуть в причины, его порождающие. Сама постановка и попытки решения этих сложных вопросов были результатом обсу-

дения и обобщения богатейшего революционного опыта, революционной практики.

Основные типы теоретических ориентаций, характерные для XIX в., особенно для первой его половины, также коренились в социальных и идеологических коллизиях великого переворота. Еще в период Великой французской революции возникли различные интерпретации революционного процесса, выражавшие взгляды и настроения основных классовых сил, борьба между которыми определяла главные тенденции антифеодальной революции: с одной стороны, феодальной аристократии, смыкающейся во многих пунктах с крупной буржуазией, с другой, радикальной буржуазии и трудящихся масс (крестьянства, пролетариата, плебейских масс города). Соответственно этому делению отчетливо выявились и различия в оценке революции, отражающие характерные для каждой социальной группировки типы мышления.

В теории революции и, еще шире, в теории социального изменения эти различия довольно резко обозначились в существовании и конфронтации двух главных направлений, которые мы называем политическим и социальным. Эта терминология соответствует в целом распространенному в первой половине XIX в. противопоставлению политической и социальной революции, политической и социальной сфер деятельности. Для целей дальнейшего обсуждения необходимо дать хотя бы краткую характеристику указанных направлений.

Политическое (реалистичско-политическое) направление считает основной целью радикального изменения политическое преобразование, разрушение старой и создание новой политической организации, следовательно, оно стремится к радикальному изменению политико-правовых институтов, в первую очередь, государства. При этом политической цели должны соответствовать и политические средства, т.е. захват политической власти осуществляется организованным меньшинством, а назревшие изменения общественных отношений — вновь созданными или существенно измененными государственными и правовыми институтами. Такое понимание революции оказывается следствием определенной философской, мировоззренческой позиции, важнейшими чертами которой являются реализм (ориентация на сущее), детерминизм и субстанциализм, признание свободы человека лишь

в рамках познанной необходимости.

Социальное (романтико-социальное) направление считает основной целью радикального изменения социальное преобразование, совершающее коренной переворот в системе социально-экономических отношений, уничтожающее отчуждение человека и освобождающее личность. Такое историческое преобразование может быть осуществлено лишь в ходе непосредственной борьбы народных масс, борьбы, в которой решающую роль играет их самодетельность и инициатива. К политической деятельности и к политическим институтам (в первую очередь, к государству) сторонники этого направления относятся отрицательно или, по крайней мере, скептически, считая их либо второстепенными, либо прямо отвлекающими от основных революционных задач и мешающими революционизации масс. Очевидно, что мировоззренческой, философской основой такой революционной позиции является романтическое видение мира, ориентация не на сущее, а на должное, не на воспроизводство существующего, а на творчество совершенно нового мира, не на то, что уже реально есть в действительности, а на возможности в ней зарождающиеся. В противоположность субстанциализму выдвигается принцип свободы (самосознания), как действия противостоящего необходимости, абстрактному индивиду "политиков" противопоставляется конкретная чувствующая и мыслящая автономная личность⁶.

Какую же позицию занимал молодой Маркс? Каково было его отношение к существующим революционным концепциям? Как общая революционная ориентация детерминировала его философскую эволюцию и, наоборот, как эта эволюция оказывала воздействие на понимание им революции?

Вначале заметим, что при оценке революционных взглядов молодого Маркса нельзя исходить лишь из текстов и прямых высказываний, одобряющих революции и революционные методы. Необходимо учитывать и другие важные моменты, такие как невозможность в условиях политической реакции открыто и прямо высказывать свои мысли, цензурные стеснения и, как следствие

⁶ См. подробнее статью автора "Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли". - "Уч. зап. ТГУ", вып. 599, Тарту, 1982.

всего этого, эзопов язык, недостаточную развитость самой революционной теории и, наконец, главное — общий дух и общую направленность становящегося учения. При оценке революционности молодого Маркса в литературе встречаются две крайности, с одной стороны, видят в нем законченного революционера чуть ли не с пеленок, с другой, признают его за такового лишь на основе совершенно недвусмысленных высказываний.

Думается, что общий революционный характер взглядов молодого Маркса, его страстное желание радикально преобразовать существующий в Германии политический строй подтверждается многочисленными фактами. Во всяком случае в первых его научно-философских исследованиях ("Тетради по эпикурейской философии" 1839 г.) можно зафиксировать явную неудовлетворенность окружающим миром, непреклонное стремление к его изменению, неприятие светских и религиозных богов. Он приветствует гегелевскую философию, которая "восстает против мира явлений" и выступает против тех гегельянцев, которые неправильно понимают "нашего учителя, что умеренность есть нормальное проявление абсолютного духа", называя их "половинчатыми умами". Маркс противопоставляет таким умеренным умам, думающим, "что можно поправить дело... мирным договором с реальными потребностями", тех "цельных полководцев", которые подобно Фемистоклу, стремятся "совершенно покинуть город и основать новые Афины на море, в иной стихии"⁷. Историческое значение гегелевской философии он видит в том, что она является предвестницей и предшественницей эпохи общественных переворотов, эпохи бурь. "Но не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией. Обыкновенные арфы звучат в любой руке; золотые арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря"⁸.

Не подлежит сомнению, что важнейшим (если не определяющим) мотивом юношеской диссертации Маркса был поиск путей и способов "непосредственного осуществления философии", ее омирщения. В этой связи он анализирует позиции двух направ-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 210.

⁸ Там же, с. 209.

лений, двух партий в философии — позитивной и либеральной. Если первая прокламирует "уход философии в себя", обращение к своим собственным проблемам (своим недостаткам), то вторая ставит перед собой задачу критики или "обращения философии вовне", считая при этом, что проблемой философии, ее внутренним недостатком является "недостаток мира, который надо сделать философским". "По содержанию только либеральная партия, как партия понятия, может привести к реальному прогрессу, между тем как позитивная философия в состоянии привести только к таким требованиям и тенденциям, форма которых противоречит их значению".⁹ Обращает на себя внимание тот факт, что партию прогресса Маркс называет либеральной. Является ли это дополнительным аргументом в пользу защищаемой некоторыми западными авторами точки зрения, согласно которой молодой Маркс был буржуазно-либеральным демократом?¹⁰ Ни в коем случае. Очевидно, что либеральная партия как партия прогресса противопоставляется здесь позитивной как партии реакции, носителю идеи изменения существующего, носителю идеи его сохранения. Следует иметь также в виду, что в это время для Маркса слово "либеральный" явно не имело того негативного значения, которое оно приобрело позднее. Характерно, что еще в статьях "Рейнской газеты" он выступает не против доктрины либерализма как таковой, а против "мнимого", "осторожного", "половинчатого" либерализма. В то же время такое отношение к либерализму свидетельствует о незрелости революционных взглядов молодого Маркса. Указывая на естественную для формирующихся взглядов незрелость, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что революционность как определяющая черта мировоззрения молодого Маркса обнаруживается не к 1842 г., как это утверждает Н.И. Лапин¹¹, а гораздо раньше. К приведенным выше аргументам можно добавить, что в 1840-41 гг. левые младоге-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 211.

¹⁰ *Neuning G. Offnung oder Untergang. Wien-F/M-Zürich, 1966, S. 160; McLellan. The Young Hegelians and Karl Marx. London-Melbourne-Toronto, 1969, p. 23.*

¹¹ "В мае 1842 г. он уже отчетливо понимает необходимость революционного изменения существующего строя... Отныне революционная целеустремленность стала стержнем мыслей и поступков многогранной личности Маркса" ("Вопросы философии", 1983, № 1, с. 33-34).

гельянцы перешли к радикальной политической критике, включающей призывы "атаковать и расшатывать существующий порядок" и одновременно выступили с горячей защитой французской революции. Сошлемся на авторитетное свидетельство Энгельса: младогегельянство "выдвинуло более смелые политические принципы по сравнению с теми, какие до того времени доводилось слышать немецкому уху, и пыталось воздать должное славы памяти героев первой французской революции".¹² Нетрудно реконструировать подлинный, несомненно революционный, характер взглядов Маркса в эти годы, если учесть тот неоспоримый факт, что среди младогегельянцев он занимал крайне левую позицию.

Как известно, во время работы в "Рейнской газете" в воззрениях Маркса произошли значительные перемены. Они были отмечены и выработкой более определенных и четких революционных взглядов, которые характеризуются в советской марксоведческой литературе как революционно-демократические. Нам нет необходимости приводить многочисленные высказывания, свидетельствующие о произошедшей перемене. Достаточно сослаться на обстоятельные исследования М.А. Лифшица, О. Корню, Т.И. Ойзермана, Н.И. Лапина.¹³ Задача данной статьи другая, а именно: определить основные особенности и характер революционного мировоззрения молодого Маркса, и, следовательно, показать его отношение к существовавшим в то время главным концепциям революционного изменения.

По нашему мнению, начиная с середины 1837 г.^{13а} и до середины 1843 г., он разделял основные принципы политической теории революции. Постараемся доказать этот тезис.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 17.

¹³ Лифшиц М. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М., 1979; Корню О. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1959; Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М., 1974; Лапин Н.И. Молодой Маркс. М., 1968.

^{13а} Как убедительно показал М.А. Лифшиц, анализируя первые поэтические опыты юного Маркса, до лета 1837 г. он был увлечен романтическими (социальными) идеями.

1. Поиск путей омирщения философии, начатый в диссертации, прямо привел Маркса к политическим проблемам. Связь философии с миром понимается им, в первую очередь, как связь с миром политическим, миром реального государства ("царство мира сего" приравняется к государству, практические вопросы отождествляются с вопросами реального государства)¹⁴. Главными вопросами, которые его интересуют, которые поглощают все его внимание, становятся вопросы политические (государственная власть, демократия, бюрократия, политические свободы и т.п.). В своем уважительном отношении к государству, как к сфере разума, где должны решаться все коллизии современности, Маркс явно следовал Гегелю. "Новейшая философия, — писал он, — придерживаясь более идеальных и глубоких взглядов, исходит в своей конструкции государства из идеи целого. Она рассматривает государство как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин повинужь законам государства, повинужь только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума. Sapienti sat."¹⁵

2. Важнейшей особенностью политического подхода к процессам общественного изменения является субстанциализм, — ориентация на необходимость ("субстанциональное отношение есть отношение необходимости")¹⁶ и на сущее ("субстанциальный мир действительности").¹⁷ Приступая к изучению гегелевской философии, девятнадцатилетний студент в шуточной форме выразил то, что, вероятно, больше всего привлекло его во взглядах великого философа:

Кант и Фихте в надзвездном эфире
Идут мир неизвестный вс мгле:
Я ж стараюсь и глубже и шире
То понять, что нашел на земле.¹⁸

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 108; Из ранних произведений, с. 250.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 112.

¹⁶ Там же, с. 234.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 59.

¹⁸ Там же, с. 486.

Стремление к "пониманию земли", к изучению реальной обстановки никогда не покидало Маркса, оно стало определяющим мотивом в период работы в "Рейнской газете". Как известно, разрыв со "Свободными" имел своим основанием резко критическое отношение Маркса к сугубо теоретическому направлению, оторванному от проблем действительной жизни, которое характеризовало берлинских младогегельянцев. "Я призвал их, - писал он, - к тому, чтобы было поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела".¹⁹

Такая реалистическая ориентация сопровождалась подчеркнутым противопоставлением сущего должному. Уже в письме к отцу 10-11 ноября 1837 г. он дважды обращается к этой проблеме. Первый раз, когда он критически осмысливает содержание своего поэтического творчества и упрекает себя за противопоставление сущего и должного ("полная противоположность между тем, что есть и тем, что должно быть")²⁰, второй, - когда речь идет о первых попытках "испытать свои силы в философии" ("здесь прежде всего оказалась серьезной помехой та самая противоположность между действительным и должным, которая присуща идеализму")²¹. Через пять лет в ноябре 1842 г. он опять возвращается к этой теме, выступая против "Свободных" в лице Мейена, "излюбленной категорией которого является - долженствование".²² Контекст, в котором об этом говорится и подчеркивание не оставляют сомнения в крайне отрицательном отношении Маркса ко взглядам, опирающимся на категорию должного.

Обращая внимание на субстанциальную позицию молодого Маркса, заметим, кстати, что для него понятия субстанциального и политического являются однородными. Во всяком

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 369.

²⁰ Там же, т. 40, с. 9.

²¹ Там же, с. 10.

²² Там же, т. 27, с. 369.

случае, политическая сфера рассматривается не только как сфера субстанциальная, но более того, она так и именуется. В "Критике гегелевской философии права" о гегелевском понимании государства, а следовательно, и политики, постоянно говорится как о субстанциальной точке зрения. А еще раньше в "Тетрадах по эпикурейской философии", характеризуя пифагорейцев. Маркс писал: "сама форма их жизни оказывается субстанциальной, политической, но лишь абстрактной".²³ Думается, что в этом же смысле нравственный, справедливый человек отождествляется с человеком политическим.²⁴

3. Если проанализировать относящиеся к этому периоду прямые высказывания молодого Маркса о революции, то становится очевидным, что она мыслится им как революция политическая, смыслом и целью которой является установление нового государственного строя путем коренного преобразования политических структур. Уже в первом своем печатном высказывании о революции (апрель 1842 г.) он замечает, что "материальная революция должна прежде всего одухотворить правительственную власть".²⁵ С той же мыслью мы встречаемся через полгода в "Редакционных примечаниях": "подлинный либерализм... должен стремиться к совершенно новой государственной форме, соответствующей более глубокому, более развитому и свободному народному сознанию".²⁶ Напомним, что подлинный либерализм, который противопоставляется мнимому, олицетворял тогда для молодого Маркса революционную партию прогресса, и образцом такого подлинного либерализма были французские политические революционеры 30-х гг. XIX в.

Работа в "Рейнской газете" стала настоящей политической школой молодого революционера. Уродливость государственного строя, деспотизм и полная неспособность к каким-либо серьезным реформам, с чем постоянно приходилось сталкиваться Марксу-редактору, убеждали его в неостратимости и близости революции. "Комедия, которую разыгрывает над нами деспотизм,

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 54.

²⁴ Там же, т. I., с. 86-87.

²⁵ Там же, с. 42.

²⁶ Там же, т. 40, с. 247.

столь же опасна для него, как в свое время оказывалась опасной трагедия для Стuarтов и Бурбонов... Государство — слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду. Судно, полное глушцов, можно было бы еще, пожалуй, предоставить на некоторое время воле ветра, но оно плыло бы навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глушцы этого и не подозревают. И это судьба — предстоящая нам революция".²⁷ Можно предположить, что задуманная главная работа этого периода, известная под именем "К критике гегелевской философии права" была предпринята Марксом для поиска путей радикального политического преобразования Германии. т.е. как философское обоснование последовательной буржуазной политической революции типа Великой французской. (Во избежание недоразумений подчеркнем, что, называя Великую французскую революцию политической, мы исходим из привычного для XIX века терминологическо-понятийного контекста, согласно которому политической революцией считалась революция, не выходящая за пределы буржуазного мира).

Углубляя свое представление о политической революции, Маркс уже не ограничивается общим признанием ее необходимости, но стремится более детально раскрыть содержание и возможные пути предстоящих перемен. Подчеркнув еще раз, что "для установления нового государственного строя всегда требовалась настоящая революция",²⁸ он характеризует ее как такую революцию, которая совершается не правительственной, а законодательной властью. Правительственная власть способна лишь на "мелкие революции, ретроградные революции, реакционные перевороты", в то время как законодательная власть, являющаяся "представительницей народа, родовой воли", как свидетельствует история, устраняла устаревший государственный строй, "совершала великие органические всеобщие революции".²⁹ Таким образом, задача революции — осуществить радикальный политический переворот, причем наиболее действенным ее средством выступает политический институт (законодательная

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 372.

²⁸ Там же, с. 283.

²⁹ Там же, с. 284.

власть), который выражает и реализует истинную волю народа. Несомненно, что Великая французская революция была для Маркса образцом и моделью желаемой революции.

4. О характере революционной позиции Маркса и происходящих в ней изменений, может быть, нагляднее всего свидетельствует его отношения с близкими ему по духу людьми. Хорошо известно из биографии молодого Маркса, что единомыслие было для него решающим условием совместной деятельности и дружеского общения. В этой связи заслуживает внимания его разрыв со старыми друзьями из "Докторского клуба", в первую очередь, с Б. Бауэром и довольно длительный союз с А. Руге.

Тесное и деятельное сотрудничество Маркса с Б. Бауэром продолжалось до тех пор, пока их политические позиции в основном совпадали. Но после того, как Бауэр возглавил "Свободных" и стал проповедывать аполитизм, Маркс решительно порвал с ним.³⁰ Пожалуй, в наибольшей степени политический характер революционных воззрений Маркса в это время подтверждает его сближение и совместная деятельность с А. Руге — последовательным и убежденным политиком, идеалом которого было свободное государство. "Я называю революцией, — писал он, — перерождение всех сердец и концентрацию всех усилий для борьбы за честь свободных людей, за свободное государство, которое не слушает никакого господина, но слушает только себя, свою общественную сущность".³¹ Свою политическую позицию Руге надолго сохранил неизменной, отвергая, опираясь на нее, любые социальные идеи. Характерно в этом смысле его ка-

³⁰ В "Святом семействе" Маркс, рассматривая эволюцию взглядов Б. Бауэра, выделяет три периода: период консервативной политики, начавшийся в 1840 г., период либеральной политики и, наконец, период, связанный с отказом от всякой политики, который мы бы могли назвать социально-индивидуалистическим. Здесь необходимо терминологическое разъяснение. Социальный тип мышления, основные черты которого были охарактеризованы выше, существует как в революционном, так и в антиреволюционном индивидуалистическом варианте. Младогегельянцев из группы "Свободных" следует в таком случае назвать "социальщиками-индивидуалистами".

³¹ *Deutsch-Französische Jahrbücher*. Leipzig, 1973, S. 103.

тегорическое заявление на страницах "Немецко-французского ежегодника": "мы понимаем под свободой действительную человеческую, т.е. политическую свободу, а не какой-то метафизический голубой туман".³²

Общая приверженность к политической концепции общественного изменения предопределила стремление привлечь к совместной работе и Л. Фейербаха. Т.И. Ойзерман отмечает, что то сильное впечатление, которое произвела на Маркса "Сущность христианства", определяется не проповедью материализма (в 1841-42 гг. он не порвал еще с идеализмом), а антиромантической, антирелигиозной направленностью этого произведения.³³ Полностью соглашаясь с этим доводом, хотелось бы добавить, что для объяснения такого существенного факта надо принять во внимание более широкий политический контекст (куда антиромантизм входит в качестве составного элемента) складывающегося мировоззрения молодого Маркса. А то, что Фейербах был "политиком", хорошо видно хотя бы из такой основополагающей работы рассматриваемого периода, как "Необходимость реформы философии" (1842 г.). Приведем лишь некоторые весьма характерные суждения: "политика должна стать нашей религией", "государство есть средоточие всякой реальности", государство - абсолютный человек, сам себя определяющий, к себе самому относящийся", "практическое стремление человечества есть стремление политическое, стремление к активному участию, в государственных делах, стремление к ликвидации политической иерархии".³⁴

³² Deutsch-Französische Jahrbücher. Leipzig, 1973, S. 89.

³³ Ойзерман Т.И. Указ. соч., с. 141-142.

³⁴ Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. I, М., 1955, с. III-III. Возникает вопрос, как отнестись к часто цитируемому замечанию Маркса в письме к Руге (13 марта 1843 г.) о том, что Фейербах "слишком много напирает на природу и слишком мало на политику"? Во-первых, здесь речь идет о недостаточном внимании к политике, а не об отсутствии такового, и, во-вторых, Маркс не был знаком с данной работой (она увидела свет значительно позднее), но ее идеи несомненно нашли свое отражение в других трудах Фейербаха того же периода.

Как известно, до 1843 г. взгляды Маркса оставались в целом под воздействием гегелевской философии. Совмещается ли это с его революционно-политической позицией? Безусловно, да. Думается, что давно стала анахронизмом однозначная оценка гегелевской философии как антиреволюционной и консервативной. Революция рассматривалась Гегелем в качестве одной из важнейших форм исторического развития. Можно, пожалуй, сказать, что все важнейшие принципы гегелевской диалектики, принципы диалектического развития были философским слепком с тех революционных изменений, которыми знаменита вторая половина XVIII века. А это обстоятельство, в свою очередь, не могло не отразиться на политических оценках, симпатиях и антипатиях философа. В известных словах А.И. Герцена — "философия Гегеля — алгебра революции", очень точно схвачена, скрытая от поверхностных и предубежденных толкователей, суть воззрений немецкого мыслителя. На наш взгляд, концепцию революции, развиваемую Гегелем, следует определить как своеобразную разновидность политической теории революции, основными особенностями которой являются рациональность, реализм (субстанциализм), элитаризм и умеренность.³⁵ Она вполне адекватно выражала классовые позиции тех слоев буржуазии,

35 "Впрочем, для спекулятивного философа, да к тому же профессора на службе прусского короля, не так уж мало признать неизбежность революции во Франции и ее реальную возможность в Англии. Ведь его последнее произведение кончается следующими многозначительными словами, можно сказать, прогнозом-предупреждением: "... оппозиция, сформированная на чуждой существующему составу парламента основе и ощущающая свою неспособность победить в парламенте партию, находящуюся у власти, могла бы уступить соблазну и обратиться за помощью к народу, что привело бы не к реформе, а к революции" (Гегель. Политические произведения. М., 1978. с. 413). Разве это спокойный тон социального диагноза свидетельствует о "страхе перед революцией", как иногда можно прочесть в литературе? Перед нами уже не спекулятивный логик и не абстрактнейший "философ права", обрисовывающий идеи государства, а незаурядный политический мыслитель, устанавливающий реальную историческую возможность будущего развития событий на основе анализа интересов как он сам выражается, "различных классов и слоев общества" (Кассель М. А. Гегель и современный мир. Л., 1982, с. 137-138).

которые, борясь против феодальных политических порядков, упорно шли к власти и вместе с тем стремились осуществить назревшие преобразования без участия народных масс.

С политической концепцией революции у левого крыла младогегельянцев, включая Маркса, было довольно много точек соприкосновения, правда, лишь в течение относительно короткого периода. Но даже в данный период было бы неверным трактовать марксовскую революционную позицию как позицию политика гегелевского толка. Расхождения с Гегелем были, и они усиливались по мере радикализации взглядов молодого Маркса и, в конечном счете, они привели к полному отказу от субстанциальной точки зрения. Следует коротко остановиться на основных моментах этих расхождений. Ведь именно они оказались той "взрывчаткой", которая разрушила, принимаемую Марксом на первом этапе творческого пути, политическую модель революционного изменения мира и которая обусловила переход к более радикальной и адекватной модели.

В первую очередь следует обратить внимание на самый существенный момент — критику гегелевской трактовки сущности государства. (Сам по себе факт, что проблема государства была в это время центральным объектом теоретического анализа, — еще одно убедительное свидетельство в пользу защищаемой нами гипотезы). "Гегель, — пишет Маркс, — стремится везде представить государство как осуществление свободного духа, но где же ищет выхода из всех трудных коллизий в природной необходимости, стоящей в противоречии к свободе".³⁶ Точка же зрения Маркса существенно другая. Для него превыше всего свобода, и он хочет найти в государстве действительные средства и пути ее осуществления. Таким средством и таким путем может быть только демократия. "Демократия есть государственный строй как родовое понятие... В демократии... сам государственный строй выступает как одно из определений, и именно — как самоопределение народа... Демократия есть разрешенная загадка всех форм государственного строя. Здесь государственный строй не только в себе, по существу своему, но и по своему существованию, по своей действительности все снова и

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 283.

снова приводится к своему действительному осяованию, к действительному человеку, к действительному народу и утверждается как его собственное дело. Государственный строй выступает здесь как то, что он есть — как свободный продукт человека".³⁷

Итак, отличие "политика" Маркса от "политика" Гегеля ясно обозначается: в основе гегелевского подхода лежит всеобщее, абстрактный субъект, субстанциальное (=природной необходимости)³⁸, для Маркса субстанциальность неотделима от субъекта, но не абстрактного (государственная власть), а от действительного реального человека. Отсюда поиск таких политических форм, которые имели бы человеческое содержание. "Гегель исходит из государстве и превращает человека в субъективизированное государство. Демократия исходит из человека и превращает государство в объективированного человека"³⁹. Главная особенность взглядов Маркса — политического революционера, революционера-демократа⁴⁰ — в отличие от ортодоксальных политиков, состоит в последовательном демократизме, в ориентации на народ, во все возрастающем интересе к личности, антропологической проблематике. Чем больше указанные проблемы привлекали его внимание, тем решительнее отходил он от гегельянства, тем сильнее было влияние некоторых важных элементов учения Фейербаха. В этой связи следует указать на бросающуюся в глаза близость в понимании сущности истинного государства: государство — объективизированный человек (Маркс), государство — абсолютный человек (Фейербах).

Демократизм, антропологизм — это такие идеи, которые разрывают политическую оболочку, разрушают фундаментальные

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 251-252.

³⁸ Отсюда, между прочим, склонность Гегеля к реформам, предпочтение спокойного, постепенного изменения бурному и быстрому; изменения, совершаемого "само собой", по необходимости, без участия революционного субъекта — народа.

³⁹ Там же, с. 252.

⁴⁰ "Революционный демократизм как идеология социальных "низов" предполагает наличие политической программы, которая высоко оценивает борьбу угнетенных и эксплуатируемых масс, исходит из нее, выражает ее потребности" (Ойзерман Т.И. Указ. соч., с. 112).

принципы политического мышления и создаст необходимые условия для перехода на социальные позиции. Ко второй половине 1843 г. такой переход стал фактом, и доказательства этого можно найти у Маркса в известном предисловии "К критике политической экономии" и еще определеннее у Энгельса в письме к Р. Фишеру, где сказано: "я... не раз слышал от Маркса, что именно изучение им закона о краже леса и положения мозельских крестьян побудило его перейти от чистой политики к изучению экономических отношений и, таким образом, к социализму"⁴¹ (подчеркнуто мною. — Р.Б.).

Отказ от "чистой политики" особенно заметен во второй части рукописи "К критике гегелевской философии права"⁴² и в письмах к Руге, опубликованных позднее в "Немецко-французском ежегоднике". Изменения во взглядах Маркса отражали переход от политической революционности к социальной и, в то же время, от идеализма к материализму. При этом, на наш взгляд, Маркс шел не от материализма к революции, как это обычно трактуется, а от революции к материализму. Сознательно став на защиту интересов "бедной, политически и социально обездоленной массы",⁴³ он в поисках путей ее освобождения, или иными словами, революционного преобразования общества, обратился к изучению социальных проблем (проблем гражданского общества), материальных отношений, что послужило основанием для перехода к материализму.

Маркс в "К критике гегелевской философии права" вводит понятие неполитического государства, которое противопоставляется политическому государству, как "совокупное целое существования народа"⁴⁴ правительственной власти. В неполитическом государстве и народ в целом, и каждая личность играют существенную иную роль, чем в государстве политическом. В то время как "в политическом государстве обнаруживается, что

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 385.

⁴² Лапин Н.И. обратил внимание на различия между двумя частями рукописи. Во второй части "наблюдается возросшее внимание Маркса к гражданскому обществу и его внутренней структуре" (Молодой Маркс, с. 197). Эти различия подтверждают, что существенные изменения во взглядах Маркса произошли именно летом 1843 г.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 125.

⁴⁴ Там же, с. 309.

"абстрактная личность" есть высшая политическая личность⁴⁵, что оно есть господство "псевдо-всеобщего, иллюзорно-всеобщего сословия", в неполитическом государстве народ (родовая воля) составляет основу государственного строя и вместе с тем, преодолевается "раздельность политической и реальной личности, формальной и материальной, всеобщей и индивидуальной личности, человека и социального человека".⁴⁶ Неполитическое государство, в сущности говоря, есть *contradictio in adjecto*, и использование этого явно неудачного словосочетания говорит лишь о том, что Маркс не сразу избавился от старых политических воззрений, пытался в привычные терминологические формы ввести новое содержание. В конечном счете, он приходит к прямому отрицанию политического государства, а вместе с тем и всего политического мира.

Ход рассуждений Маркса примерно следующий: изменение гражданского общества, превращение его в действительное гражданское общество должно привести ко всеобщему участию в законодательной власти и делает гражданское общество политическим. Но речь идет уже не об обычном представительстве, речь идет с реальным участием всех в политических делах, в управлении, а это значит, что "утвердив свое политическое бытие как свое истинное бытие, гражданское общество тем самым, сделало свое гражданское бытие, в его отличии от своего политического бытия, несущественным; а с отпадением одного из оторванных друг от друга моментов отпадает и его противоположность".⁴⁷

К тем же выводам приводит и другое рассуждение. Маркс, делая первые шаги в сторону материалистического понимания истории, устанавливает зависимость политических институтов от системы частной собственности. "Политический строй на его высшей ступени есть ... строй частной собственности. Высшая ступень политического умонстроения есть умонстроение част-

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 344.

⁴⁶ Там же, с. 347. Обращает на себя внимание оппозиция политического и реального, формального и материального, всеобщего и индивидуального при характеристике личностных особенностей, с одной стороны, политического, а с другой, социального человека.

⁴⁷ Там же, с. 361.

ной собственности".⁴⁸ Отсюда с необходимостью следует, что борьба против частной собственности означает борьбу против политического строя, борьба за освобождение человека, за свободу личности в то же время оказывается борьбой против политического мира. В написанном примерно в то же время письме к Руге (сентябрь 1843 г.) Маркс высказывается по этому поводу весьма определенно: "Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос — например, различие между сословной и представительной системой — несколько не значит спуститься с *hauteur des principes*, так как этот вопрос лишь выражает политическим языком различие между господством человека и господством частной собственности".⁴⁹

Начало нового этапа в революционном мировоззрении Маркса особенно отчетливо обнаруживается в майском и сентябрьском письмах 1843 г. к Руге. Так, он считает необходимым искать корни революции в противоречиях промышленного производства и системы собственности. Вот его слова: "Система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатация людей ведет еще гораздо скорее, чем размножение населения, к расколу внутри теперешнего общества, — к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить".⁵⁰ Если корни революции лежат в объективных, материальных исторических условиях, то научно мыслящий революционер не должен исходить из какой-либо заранее готовой схемы общества, а, во-первых, подвергнуть беспощадной критике все существующее, "беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержавшими",⁵¹ и, во-вторых, отождествить критику с действительной борьбой. По-новому решается Марксом вопрос и о силах, способных совершить революцию. Такими силами являются по его тогдашней терминологии, мыслящее и страдающее человечество. Под первым понимаются те, кто способны уяснить самим

⁴⁸ Там же, с. 333-334.

⁴⁹ Там же, с. 380.

⁵⁰ Там же, с. 377-378.

⁵¹ Там же, с. 379.

себе смысл собственной борьбы и дать истинный лозунг этой борьбы. Что касается второго, то здесь, по-видимому, речь идет об угнетенных массах, порвавших с мещанством и покорностью. "Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства... Чем больше времени будет предоставлено ходом событий мыслящему человечеству, чтобы осознать свое положение, а человечеству страдающему, чтобы сплотиться, — тем совершеннее будет плод, который зреет в недрах настоящего".⁵² Наконец, по-новому решается Марксом проблема долженствования. Крайне негативное отношение к этой проблеме, характерное для прошлого этапа, сменяется трезвым и позитивным, причем высказывается весьма глубокая диалектическая идея о связи должного и сущего. Следует, пишет Маркс, "из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее долженствование и конечную цель".⁵³

Дальнейший шаг в сторону социальной концепции революции был одетан Марксом в его статьях из "Немецко-французского ежегодника". Как известно, в них обращается особое внимание на соотношение между политической и человеческой эмансипацией. Не подлежит сомнению, что выделение двух видов эмансипации соответствует делению на политическую и социальную революцию. Политическая эмансипация (политическая революция) направлена против феодализма, гражданское общество (т.е. то, что мы называем теперь социально-экономическими отношениями) которого "непосредственно имело политический характер",⁵⁴ правда, в еще неразвитом, феодальном, корпоративном смысле. "Политическая эмансипация, конечно, представляет собой большой прогресс; ... она является последней формой человеческой эмансипации в пределах существовавшего до сих пор миропорядка".⁵⁵ Иными словами, политическая (=буржуазная) революция

52 Там же, с. 378.

53 Там же, с. 380.

54 Там же, с. 403.

55 Там же, с. 392.

завершает формирования политического мира, существующего миропорядка (этот миропорядок Маркс впоследствии назовет предисторией человечества). Она создает адекватные частно-собственническим отношениям политические институты и обеспечивает в этих рамках свободу человека. Свобода в рамках политической эмансипации, свобода политическая есть индивидуальная свобода, "есть право человека на частную собственность", она основана "не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека",⁵⁶ т.е. фундаментом ее является индивидуализм. Такая свобода носит ограниченный характер, она полностью подчинена естественной необходимости, потребности и частному интересу. И это становится особенно очевидным, подчеркивает Маркс, когда вступает в силу "революционная практика политической жизни", именно тогда "право человека на свободу перестает быть правом, как только оно вступает в контакт с политической жизнью".⁵⁷

Но политическая эмансипация оставляет в неприкосновенности частную собственность, обособление человека от человека, эгоизм и индивидуализм, поэтому она "не является последней формой человеческой эмансипации",⁵⁸ не создает общество подлинной свободы. Только новая революция, которую Маркс называет человеческой эмансипацией и которую он резко противопоставляет политической эмансипации, способна сделать человека свободным человеком. Эта революция, раз навсегда упраздняя частную собственность и все ее проявления, превращает абстрактного человека государства в реального истинного человека, выступающего в своей эмпирической жизни, труде и индивидуальных отношениях как родовое существо, дает ему

⁵⁶ Там же, с. 400.

⁵⁷ Там же, с. 403.

⁵⁸ Там же, с. 392. Политическая эмансипация, отмечает Маркс, явно подразумевая Великую французскую революцию, может выйти за пределы своих предпосылок. Народные массы, стремясь добиться действительной свободы и равенства ("конституироваться в виде действительной, свободной от противоречий, родовой жизни человека"), поднимают руку на частную собственность. В таком случае революция становится непрерывной. Конечным итогом революции, которая перерастает свои цели и в которой средства и цели приходят в конфликт, является поражение.

возможность познать и организовывать свои "собственные силы как общественные силы", кладет конец тому агуманному положению, когда человек вынужден "отделять от себя общественную силу в виде политической силы",⁵⁹ т.е. уничтожает государство со всеми его атрибутами.

Это и есть социальная революция — глубокая, всеохватывающая, народная, гуманистическая революция. Такую революцию способен совершить только класс, который "не может себя эмансипировать, не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества". Таким классом является пролетариат. Вместе с тем Маркс уточняет свой тезис о мыслящем и страдающем человечестве. Мыслящее человечество олицетворяется в философии, страдающее — в пролетариате. "Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие".⁶⁰

Статьи, помещенные в "Немецко-французском ежегоднике", свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что в конце 1843 и начале 1844 г. Маркс разделял основные положения социальной теории революции и что мы вправе говорить о новом этапе в эволюции его революционного мировоззрения. В первую очередь, это подтверждается бросающимся в глаза противопоставлением, именно, противопоставлением, двух типов эмансипаций — человеческой и политической, двух типов революций — социальной и политической. Следует специально подчеркнуть, что дело идет о противопоставлении, поскольку среди авторов-марксистов нет единогласия по этому вопросу.⁶¹ Чтобы не быть голословным, приведем прямое высказывание Маркса: "Утопической мечтой для Германии является не радикальная революция, не общечеловеческая эмансипация, а скорее, частичная, только политическая

⁵⁹ Там же, с. 406.

⁶⁰ Там же, с. 428.

⁶¹ В содержательной книге Н.И. Лапина отрицается даже сам факт противопоставления Марксом этих двух революций (Молодой Маркс, с. 224). С другой стороны, Т.И. Ойзерман подчеркивает наличие этого противопоставления (Указ. соч. с. 250). Примерно такого же взгляда придерживаются О. Корню (Указ. соч., т. I, с. 493).

революция".⁶² Это значит, что речь идет не просто о теоретическом сравнении достоинств и недостатков двух революций, не об ограниченности одной и полноте другой, а о том, что политическая революция изжила себя, она уже в прошлом, время ее миновало не только для Франции, уже прошедшей через политический переворот, но и для Германии, где его вообще не знали. Политическая революция ничего не решает, она не в состоянии освободить страну от средневековья. "В Германии эмансипация от средневековья возможна лишь как эмансипация вместе с тем и от частичных побед над средневековьем. В Германии никакое рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено всякое рабство. Основательная Германия не может совершить революцию, не начав революцию с самого основания".⁶³

Маркс несколько раз обращается к содержательному сравнению двух типов отношений: религиозное - мирское и политическое - социальное (человеческое). Подобно тому как небесная жизнь есть противоположность земной, точно также политическая жизнь ("недействительная всеобщность") есть противоположность социальной (действительной индивидуальной жизни). Подобно тому как решение всех теоретических задач невозможно без полного отказа от религии, точно также без полного уничтожения политического мира невозможно осуществление человеческой эмансипации.

Во-вторых, о переходе на социальные позиции свидетельствует заметное перенесение центра тяжести с вопросов государства и политики на вопросы антропологические, на вопросы, связанные с освобождением человека, причем человека, взятого не в его природных, а в его социальных измерениях. Маркс говорит даже о всеобщем обязательном законе, о категорическом императиве, "поведающем ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом..."⁶⁴.

Наконец, совершенно по-иному ставится вопрос о субъекте

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 425.

⁶³ Там же, с. 428-429.

⁶⁴ Там же, с. 422.

революции. Радикальная революция может быть только революцией народа, и не просто недифференцированного народа вообще, на который, как известно, рассчитывали социальные революционеры-утописты, а такого его авангарда, "такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще, которая уже не может сослаться на историческое право, а только лишь на человеческое право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой полную утрату человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем полного возрождения человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат".⁶⁵

Мы намеренно привели столь пространную цитату из "Немецко-французского ежегодника". В ней, на наш взгляд, содержится квинтэссенция как социально-революционного воззрения вообще, так и специфические особенности его интерпретации молодым Марксом. Характерны бросающиеся в глаза антитезы: партикулярного и универсального, исторического и человеческого, полной утраты человека (отчуждения) и полного его возрождения, одностороннего и всестороннего противоречия. Характерно твердое убеждение в необходимости радикального устранения посредством радикальнейшей революции существующей порочной системы общественных отношений. Характерно отрицание не просто наличного государственного строя, но и всех его предпосылок. Характерен последовательный, глубокий демократизм и гуманизм, стремящийся к одновременной эмансипации всего общества и возрождению и расцвету личности. Наконец, характерна ориентация на идеал, на должное, на создание

⁶⁵ Там же, с. 427-428.

подлинного и истинного человеческого мира. В то же время отчетливо видны элементы совершенно нового подхода к революции, те элементы, которые лягут в основание зрелой марксистской теории революции. В отличие от ортодоксальных социальщиков, которые стремились навязать миру сконструированный ими революционный идеал, Маркс рассматривает революцию как практику, а это значит, что она может быть лишь закономерным результатом развития материальных оснований ("революция нуждается в пассивном элементе, в материальной основе"),⁶⁶ и осуществить ее способен класс, в деятельности которого в наибольшей степени выражаются потребности материального развития. Иными словами, революция, революционная практика есть диалектическое единство пассивного и активного элементов, репродуктивного и продуктивного, сущего и должного. Через год Маркс выразит эту мысль в чеканной формуле: "Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика".⁶⁷

Сказанное еще раз подтверждает сформулированный выше тезис, что рука об руку с разработкой теории революции шел активный процесс выработки основных принципов материалистического понимания истории и что в этом процессе целевой причиной оставалось революционное преобразование мира.

Переход Маркса на социальные позиции повлек за собой и существенные изменения его деловых и дружеских контактов. Так, он решительно порвал с таким законченным "политиком" как Руге и в то же время сохранил и укрепил отношения с социальщиками (Бакуниным, Гессом, Вейтлингом). О причинах разрыва сам Руге высказывался весьма недвусмысленно: "Мой со-редактор... внезапно объявил мне, что не может больше работать совместно со мной, ибо я только политик, а он - коммунист. С сентября 1843 по март 1844-го года он успешно проделал путь к тому "грубому социализму", против которого очень

⁶⁶ Там же, с. 423.

⁶⁷ Там же, т. 42, с. 265.

высказался еще в своем письме".⁶⁸

Второй, социальный этап в развитии революционного мировоззрения Маркса продолжался сравнительно недолго. Уже очень скоро, в середине 1844 г. произошло коренные изменения его взглядов на революцию. В этой связи огромный интерес представляет статья Маркса "Критические заметки к статье "Пруссака" "Король прусский и социальная реформа", написанная в июле 1844 г. Именно в этой статье Маркс впервые формулирует чрезвычайно плодотворный тезис о диалектическом единстве политической и социальной революции. "Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер".⁶⁹ Таким образом, Маркс отказывается от противопоставления социальных и политических преобразований, характерного для, хотя и кратковременного, но важного этапа развития его революционных взглядов. В коренном изменении во взглядах Маркса на революцию, в создании в основных чертах того, что по-праву называется марксистской теорией революции, нашел свое адекватное выражение интенсивно проходивший в то время процесс формирования марксизма как цельного мировоззрения. Анализ нового, высшего этапа в развитии философии революции Маркса задача чрезвычайно интересная и крайне важная, учитывая, что до сих пор нет специального исследования этой темы, но она выходит за рамки данной статьи.

⁶⁸ Цит. по: Серебряков М. В. Поэт Гервег и Маркс. Л., 1947, с. 46. Также же причины называет и Энгельс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 350).

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 448

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА В РАБОТАХ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

С. Каннике

1. "Представление о том, что все люди как люди имеют между собой нечто общее и что они, насколько простирается это общее, также равны, само собой разумеется, очень старо"¹, - писал Ф. Энгельс.

Изучение отношения К. Маркса и Ф. Энгельса к судьбе этого "старого представления" имеет свои особенности: в большинстве случаев их идеи формулируются на основе критики ненаучных взглядов на социальное равенство. Только следуя путем их теоретической борьбы и внимательно выявляя логические связи между отдельными текстами, можно раскрыть то содержание, которое они вкладывали в это понятие.

2. На самом абстрактном уровне понятие равенства выступает как определенное сходство или несходство различных объектов, описываемое либо количественными, либо качественными показателями. Такие (не) сходства даже между социальными явлениями, разумеется, не имеют никакого самостоятельного идеологического значения. Выявленное равенство или неравенство объектов остается, по Марксу и Энгельсу, "рефлексивным определением"² и в нем могут отразиться совсем несущественные признаки явления.

Обратившись к конкретному социологическому анализу взаимодействия общества с его членами, в конце концов, мы подойдем к вопросу о характере обменных, распределительных отношений между ними.³ В ходе же реального процесса распределе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 104.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 442.

³ См.: Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., с. 64-65. См. также: Маркс К., Энгельс, Ф. Соч., т.3, с. 31.

ния неизбежно выявляется совокупность различных свойств, качеств, отношений социальных субъектов (индивидов, групп, классов), являющихся критериями (мерами) распределения и нуждающимися в сравнении и выяснении их пропорционального отношения друг к другу.

Представляется целесообразным, исходя из концепции распределения, разработанной классиками марксизма, выделить следующие уровни сравнения социальных явлений, встречающиеся в их работах: во-первых, равенство как характеристика состояния общества в целом. Нередко, выражая цель, идеал общества, такое понятие равенства выступает как статический аспект процесса распределения, как обобщенное, "суммарное" равенство⁴. Именно с точки зрения обобщающей характеристики состояния общества, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали "неопределенное христианское равенство"⁵, содержанием которого является "... отрицательное равенство перед богом всех людей как грешников..."⁶; феербаховское "равное право всех людей на счастье"⁷, равенство как "высшая гипотеза" у Прудона⁸ или равенство в рамках общественного договора Руссо.⁹

Во-вторых, сравнительно чаще Марксу и Энгельсу приходилось заниматься отдельными аспектами процесса распределения и делать заключения о равенстве или неравенстве их различных моментов. Результатами были не обобщающие оценки, а выводы, следующие непосредственно из акта сравнения, но все-таки не просто "рефлектирующего", а ценностно ориентированного срав-

⁴ В вопросе о взаимоотношениях равенства и справедливости мы поддерживаем развиваемую Д.С. Сулиным идею о справедливости как выражения пропорции, в которой люди равны или неравны друг другу в конкретной ситуации. См.: Сулин Д.И. Равенство, неравенство и справедливость. - В кн.: Вопросы теории и практики научного коммунизма. Уч. зап. Томского университета, № 71, Томск, 1968, с. 17-26. Так, справедливость описывает скорее процесс распределения, чем его окончательный результат, т.е. выражает динамический аспект распределения.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 636.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 21, с. 297.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 140-141.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 144.

нения. По существу, они характеризуют динамические аспекты распределения (структуру справедливости). Их можно назвать "моментами равенства". Вполне понятно, что, как на уровне индивидов, так и на уровне социальных групп и классов, можно выделить огромное число моментов (не) равенства.¹⁰

Маркс и Энгельс, критикуя понимание равенства у своих идеологических противников, постоянно указывали на то, что сконструированные понятия "вечного" и "всеобщего" равенства и справедливости в действительности распадаются на отдельные отношения с преобладающими моментами неравенства.

3. При первом знакомстве со взглядами Маркса и Энгельса на общественное равенство создается впечатление, что они занимались этой проблемой только в интересах теоретической борьбы, а сами считали равенство исчерпанной категорией, обращенной лицом в прошлое. На такую трактовку, кажется, указывают многократные высказывания Энгельса о том, что "... этот принцип лишен положительного содержания..."¹¹ что буржуазное "демократическое равенство есть химера..."¹², а для пролетариата равенство служит только "... агитационным средством, чтобы поднять рабочих против капиталистов при помощи аргументов самих капиталистов..."¹³, поскольку "представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом "свободы, равенства и братства"..."¹⁴.

Чтобы не потерять связь с контекстом этих мыслей, мы должны иметь в виду, во-первых, - полемическую форму упомянутых выражений и, во-вторых, - противопоставление классиками всей предшествующей истории обществу будущего - коммуниз-

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 104 и т. 34, с. 104.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 637.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 642.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 108.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 104.

му. Поэтому необходим анализ представлений Маркса и Энгельса об этом обществе с точки зрения интересующей нас проблемы, с целью установления связи между приведенными нами отрицательными замечаниями и явными положительными оценками принципа равенства — оценками, доходящими до утверждения, что действительное равенство — это и есть коммунизм.¹⁵

4. Если "... для выработки положения "равенство = справедливость" понадобилась почти вся предшествующая история..."¹⁶, то влияние такой идеи не может бесследно исчезнуть. Необходимо, следовательно, установить, какие метаморфозы должны, по мысли Маркса и Энгельса, совершить в коммунистическом обществе общественное распределение и содержащиеся в нем моменты равенства и неравенства.

Коммунизм есть общество свободного и самобытного развития всех индивидов, связь которых заключается "... отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил".¹⁷ В ходе "универсальной деятельности" основу "свободного развития" несомненно создает чувство равенства как "... осознание человеком другого человека как равного себе и отношение человека к другому человеку как к равному ... для обозначения общественного, или человеческого, отношения человека к человеку".¹⁸ В сфере распределения такое отношение связывается с распределением именно на уровне отдельной личности.¹⁹ Из такого равенства "социального значения всех людей"²⁰ непосредственно следует равное удовлетворение потребностей — принцип, развитый Марксом в его "Кри-

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 526-527.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 637.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 441.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 42.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 191.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 17-20.

тике Готской программы".²¹

И все же — этот процесс равного удовлетворения потребностей равных людей в конечном итоге ведет к положению, где понятие равенства лишено своего объекта. Для понимания этого необходимо подчеркнуть то оригинальное содержание, которое Маркс и Энгельс вкладывали в категорию потребности.

Рассуждая о сущности потребностей, автор одного из солидных западных исследований социальной справедливости Д. Миллер допускает вариант распределения общественных благ на основе потребностей людей (наряду с такими основами, как юридические и моральные права и разнообразные "заслуги"), при этом он утверждает, что человеческие потребности лишены эмоциональной и моральной привлекательности, т.е. у людей признание взаимных потребностей не связано с восхищением, одобрением и т.п. чувствами. Следовательно, потребности сами по себе не являются ценностью.²²

Подход основоположников марксизма расходится с подобной трактовкой. Думается, что с их точки зрения, лишенными самостоятельной ценности можно признать лишь самые первичные, биологические потребности. Когда Энгельс отмечает, что в коммунизме тому, кто с педагогичной точностью требует своей равной доли продуктов "... в насмешку выдадут двойную порцию"²³, то такое решение проблемы равенства на основе созданного изобилия мыслимо только в отношении довольно простых нужд.

Марксом и Энгельсом было предсказано возникновение качественно новых потребностей, которые, видимо, обладают самоценностью. Такие потребности (например, потребность в труде, потребность в знаниях) не исчезнут после удовлетворения, их удовлетворение есть сам непрекращающийся процесс духовной и физической жизнедеятельности людей. В силу этого обстоятельства удовлетворение потребностей имеет уже не индивидуальный, а коллективный характер. Поэтому можно заключить, что

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 17-20.

²² См.: Miller D. Social Justice. Oxford, 1976, p. 86.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 637.

проблема равенства здесь снята, во-первых, потому, что новые потребности как самоценности одновременно являются требованиями, обращенными больше к самому индивиду, чем к внешнему миру; во-вторых, в то же время внешнее удовлетворение таких потребностей имеет коллективный характер; в-третьих, учитывая сложную структуру потребностей и длительный процесс их удовлетворения, трудно определить какой-то "уровень равенства" в конкретной ситуации. Такое общество — общество равных уникальных личностей, но не общество равенства в прямом смысле слова. Это, по характеристике Маркса, мир, "... который сам создает свои различия и неравенство которого есть не что иное, как разноцветное преломление равенства".²⁴

Интересна мысль Маркса и Энгельса о том, что в истории до сих пор потребности людей выступали как нечто "третье" в отношении их самих. Это своеобразный вид отчуждения потребностей, но отчуждение не содержания, а формы. Так, в "Немецкой идеологии" отмечается, что буржуа "всегда ставит нечто третье между собой и своей жизнедеятельностью, например "обязанности" или "интерес".²⁵ Из вышесказанного понятно, что потребность в форме интереса — это потребность эгоистической "монады" противостоящей другим себе подобным, и отчужденная сущность такого интереса в том, что он выступает как притязание, требование к другим. При этом извращается и подлинное содержание самой потребности как выразителя индивидуальности именно этого человека. Для фиксации границ взаимного ограничения, в свою очередь, создаются меры, нормы, масштабы сравнения, т.е. способы установления определенного равенства или неравенства. Буржуазный интерес — это уже измеренная потребность, требующая измерения потребностей других, в лучшем случае, — на основе формального равенства в форме права. А в коммунизме, по твердому убеждению Маркса и Энгельса, "индивиды не должны более измеряться каким-то независимым от них *tertium comparationis*, а сравнение д о л ж н о превратиться в их саморазличение, т.е. в свободное развитие их индивидуальности..."²⁶

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 125.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 200-201.

²⁶ Там же, с. 443.

5. Можно утверждать, что данная проблематика получила самое разностороннее освещение в работах Маркса и Энгельса в связи с вопросами буржуазного равенства. При этом они раскрыли не только идеологическую сущность соответствующих буржуазных теорий, а с научной точностью показали, как такие взгляды вырастают из экономических отношений.

Моменты равенства, принимаемые в расчет политической экономией, простые и довольно бедные по содержанию. В основном они выступают: а/ как "... равенство и равнозначность всех видов человеческого труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще..."²⁷, б/ как равенство и неравенство капиталистов на основе располагаемых ими капиталов²⁸, в/ как равенство свободных товаровладельцев - пролетария и капиталиста.²⁹ Маркс показал, как эти различные моменты равенства в экономической сфере с переходом в социально-правовую сферу извращаются и становятся источником острых противоречий. Центральное значение имеет при этом определение процесса распределения на основе законов буржуазной политической экономии, как по своему справедливому - "социальная справедливость или несправедливость определяются одной наукой... - наукой политической экономии"³⁰, хотя эта справедливость "... целиком на одной стороне - стороне капитала"³¹, т.е. она есть воплощенное неравенство. Максимум, на что может надеяться рабочий - это показать противоречивость законов самой капиталистической экономики и противопоставить праву буржуазии свое право, а это значит вступить в борьбу.

Истолковать процесс исчезновения равенства, замаскировать или разоблачить его, становится задачей правовых и моральных взглядов и теорий. "То, что справедливо с точки зрения морали и даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане,"³² - писал Ф. Энгельс. Бывает, что

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 102

²⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 327.

²⁹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 178.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 255

³¹ См. там же, с. 258.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 255.

такая "справедливость" экономики, справедливость как "экономический факт" резко противопоставляет себя справедливости как "нравственному чувству"³³. Содержание этого "морального чувства" определяется по-разному. Во-первых, самым обычным источником морального недовольства (даже со стороны самой буржуазии) являются те ситуации, когда процесс распределения не может следовать этой "справедливости" экономики под влиянием посторонних социальных факторов (случайные условия конкуренции, классовая борьба и т.д.). В определенных рамках такие нарушения законов экономики "естественные" и осуществляются, главным образом, в форме права.

Во-вторых, иногда нравственное недовольство вызывает именно законы капиталистической экономики, так называемая "справедливость" экономики. Тогда законы экономики кажутся нелогичными и несоответствующими первоначальным моментам равенства в экономическом процессе, например, равенству рабочего и капиталиста. С этой точки зрения, право выступает в роли верного слуги экономики и покорно подчиняется всем ее противоречиям, за что платит отсутствием самостоятельного содержания и формальностью. Заимствованная из сферы морали форма договора (как обязанность выполнить данные обещания), перенесенная в юридический мир незаметно теряет свое качество быть отношением между субъектами свободной воли (моральными субъектами) и развивает равнодушие к своему содержанию. "Юридические формы, в которых эти экономические сделки проявляются как добровольные действия участников... - эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определять этого содержания сделок".³⁴

В-третьих, Маркс и Энгельс обращали внимание и на такие случаи, когда "нравственное чувство" в своем недовольстве покидает пределы не только буржуазной экономики, но и права, и ставит на повестку дня коммунистические требования равенства. Так могут поступать социальные "аутсайдеры", исходя из своих условий жизни и опираясь на элементы прежней теорети-

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 373.

ческой мысли (связь эгалитарных требований плебеев с ранне-христианскими взглядами)³⁵, а, может быть, также на чувство равенства, сохранившее свою силу еще со времен родового строя.³⁶

Следовательно, для недовольства правом как носителем идей равенства в буржуазном обществе могут быть различные причины: его можно обвинять в подчиненности логике экономики во имя (естественно мнимых) принципов равенства, или, наоборот, в нарушении им законов экономики, или вообще объявить его иманентным свойством неспособность к равному распределению.

Но правовой нигилизм не был свойственен классикам марксизма. Это показывает представление Маркса о функциях права в первой фазе коммунизма, когда "... равное право здесь по принципу все еще является правом буржуазным, хотя принцип и практика здесь уже не противостоят друг другу..."³⁷. Принципом права остается обмен эквивалентов, т.е. соответствие законам экономики. Но изменились критерии этого обмена как предпосылки и основы конкретной формы права (распределение на основе объема капитала заменяется распределением на основе трудового вклада)³⁸. В результате этого, по Марксу, право существенно сближается с экономикой, точнее распределение следует автоматически из экономического процесса, сливается со справедливостью экономики. И указание на то, что и новое право "... по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право"³⁹, критически затронуто не против известных особенностей буржуазного права (оформление компромисса между различными социальными силами

³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 362-363.

³⁶ См.: Лафарг П. Происхождение идеи справедливости.- В кн.: Проблемы марксизма. Марксизм и этика. Киев, 1925, с.35-62.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 19.

³⁸ См. там же, с. 18-19.

³⁹ Там же, с. 19.

в пользу господствующего класса, идеологический камуфляж этих компромиссов и т.п.), а фиксирует новую реальность, связанную еще с "родимыми пятнами старого общества". Это уже не ограниченность права как самостоятельного явления, а ограниченность самой экономики.

6. Значительная часть взглядов на социальное равенство и справедливость, подвергнутых Марксом и Энгельсом критике, принадлежала представителям социалистических воззрений. "И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самих различных представлений о "справедливости" распределения?"⁴⁰ - подчеркивал Маркс.

В число таких представлений входят и идея Прудона "организовать равенство", исходя из притязания отдельного рабочего "на полный трудовой доход", лассальянский "неурезанный трудовой доход", различные требования о "равной заработной плате" и т.д. Отношение классиков к подобным взглядам ясно выражает критика Ф. Энгельсом книги буржуазного юриста А. Менгера "Право на полный продукт труда". А. Менгер сделал попытку втиснуть все современные социалистические учения в рамки (псевдо) юридических требований, придавая им форму "права на полный трудовой доход", "права на существование" и "права на труд".⁴¹ Энгельс отмечает, что Менгер одушевил требование равенства, столь важное для революционных специалистов от Бабефа до Прудона, сделав это "... несмотря на то, или может быть именно благодаря тому, что оно является самым юридическим из всех упомянутых"⁴². С другой стороны, природа равенства такова, что "требование равенства не менее, чем требование полного трудового дохода, приводило к неразрешимым противоречиям, когда нужно было дать им конкретную юридическую формулировку..."⁴³. И в конце концов, как подчеркивает Энгельс, "право на полный трудовой доход" и "право на

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 16.

⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 503.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 503.

⁴³ Там же, с. 497.

существование" по существу противоречат друг другу.⁴⁴ Не трудно видеть, что указанные противоречия выражают разные аспекты в подходах к общественному распределению.

Поскольку требование "полного" или "неурезанного" трудового дохода" в системах ненаучного социализма не ставит перед собой ясной цели переустройства экономики, то само по себе требование, хотя и противоречат сущности буржуазной экономики, — тем не менее не выходит за пределы буржуазного права. Стремление к соблюдению догмы первоначальных моментов равенства в экономике и праве, в действительности такое требование является лишь "оборотной стороной стремлений буржуазии использовать правовой механизм, чтобы обойти закон обмена эквивалентов в целях повышения прибылей за чужой счет. Даже сам Менгер назвал "право на полный трудовой доход" "... социалистическим коррелятом частной собственности"⁴⁵.

Что касается "права на существование", то оно уже недвусмысленно требует изменения критерия распределения в обществе, объявляя определяющими потребности человека. Таким образом, оно расходится как с принципами распределения пропорционально объему капитала, так и с осуществлением справедливости на основе индивидуального трудового вклада. Это требование имеет опосредованное сходство с принципом распределения в коммунистическом обществе, но в ранних коммунистических учениях оно принимало форму аскетизма в противовес "утонченности цивилизации"⁴⁶ или основывалось просто на чувстве гуманности или милосердия⁴⁷ у мелкобуржуазных социалистов. Удовлетворение этих "потребностей существования" /*Existenzbedürfnisse* /⁴⁸ поддерживает физическое существование членов общества и даже в перспективе не ставит целью свободное развитие личности. Отсюда и тенденция к уравниванию, к "казарменному коммунизму". Такой подход не содержит положи-

⁴⁵ Менгер А. Право на полный продукт труда. СПб., 1906, с. 10.

⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 530.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 255 и т. 21, с. 497.

⁴⁸ См.: Менгер А. Цит. соч., с. 134-136.

тельного идеала равенства кроме самого неопределенного признания равенства людей как живых биологических существ. Если допустить осуществления "права на существование" из "человечности" или "милосердия" в рамках прежнего общества, то такое "право" вполне совместимо с сущностью буржуазного права. Получаем опять обычное для такого права искажение "справедливости" экономикой в форме перераспределения части произведенного продукта. Поэтому, хотя требования к обобщению всех средств производства идут значительно дальше расплывчатых идеалов других социалистических учений - в самом общем плане как тенденция они имеют и совпадающие элементы. Но выразить суть этого общего на языке права - задача тем менее осуществимая, чем ближе эти учения идеалу коммунистического равенства.

Придание отдельным моментам равенства правовой формы иногда целесообразно, поскольку социалисты не отказываются "... от выставления определенных требований и правового характера".⁴⁹ Как показывает весь предшествующий анализ взглядов основоположников марксизма, необходимо различать при этом призывы к изменению критерия распределения социальных благ (меры распределения как предпосылку и основу права) от требований, довольствующихся изменением существующих пропорций распределения, т.е. следует различать качественные и количественные аспекты распределения.

Изменение критерия, меры, масштаба распределения предполагает, кроме области права, коренную перестройку всех общественных отношений. И поэтому ни одной революционной социалистической партии "... не приходило в голову сделать из своей программы новую философию права, и этого не произойдет и в будущем".⁵⁰

7. В заключение подчеркнем, что ценность развитых Марксом и Энгельсом идей именно в том, что они предостерегали от односторонней трактовки социального равенства; доказывая несовместимость различных систем распределения с адекватно понятым социальным равенством в условиях классового общества;

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 515.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 516.

классики не шли по пути прямолинейного отрицания необходимости в таких системах вообще. Требование к преодолению "равенства интересов" буржуа как интересов "самодавляющих мод" ⁵¹, осуществление мечты молодого Маркса об обществе, где неравенство есть не что иное как "разноцветное преломление равенства", это и преодоление "узкого горизонта" старого права. А одновременно с раскрытием многоаспектности социального равенства, Маркс и Энгельс опосредованно доказывали необходимость в новых системах социальной регуляции и распределения, в системах, сложность которых в определенном смысле превышает все им подобные во всех предшествующих классовых обществах.

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 401.

К. МАРКС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВА

И.Н. Грязин

Политико-правовое наследие К. Маркса представляет собой исключительно сложное и многоплановое явление, структурируемое как по времени, так и по контекстам, в которых юридические проблемы К. Марксом рассматривались и анализировались. К настоящему времени советскими учеными-юристами в значительной мере уже решена задача проведения фундаментальных исследований по историографии и генезису правовых взглядов К. Маркса. В первую очередь здесь следует отметить работы Э.Л. Розина, Л.С. Мамута, В.С. Нерсисянца и др.¹ Тем не менее творческое развитие теоретического наследия Маркса в новых социально-политических и идеологических условиях, постоянное возвращение все новых и новых исследований и исследователей к непосредственным источникам марксизма выявляет в текстах Маркса и новые аспекты, акценты, и даже целые концептуальные модели, обладающие принципиальным значением при развитии теории права и которые ранее были нами не замечены или оттеснялись другими проблемами.

Данное сообщение преследует цель рассмотреть лишь некоторые моменты марксовского определения права, приобретающие значение в свете современного развития концепции правопонимания.

Понятие права является по своему характеру и функциям категориальным для всего правоведения, а также включается в систему основных понятий ряда других социальных наук, в том числе и категориальную структуру исторического материализма. В ходе развития философской и общетеоретической мысли такого рода общие категории, являющиеся узловыми точками

¹ Автор выражает благодарность проф. Э.Л. Розину за ценные замечания по поводу рукописи данной работы.

наиболее абстрактных мировоззренческих проблем подвергаются также дальнейшему развитию и анализу. Это относится и к категории права: юридическая наука исследовала, определяла и осмысливала ее заново на каждом новом этапе своего развития. В связи с этим состоявшаяся в 1979 году дискуссия ведущих ученых-юристов СССР об определении права является примечательным событием в нашей философско-правовой жизни.² Не ставя перед собой задачи подведения итогов этой дискуссии, отметим наличие двух наметившихся в ней точек зрения: (а) традиционное определение права как системы норм, санкционированных государственной властью, сохраняет свое значение поныне и не нуждается ни в каких пересмотрах; (б) в условиях существования права при развитом социализме и в силу ряда новых теоретических проблем, традиционное понимание права является узким и не охватывает всего круга явлений, которые должны считаться правом.³ Автору, стороннику второй из приведенных точек зрения, хотелось бы прежде всего уточнить суть проблемы, из которой вытекает необходимость в "расширенном понимании права.

Одним из основных положений марксизма является утверждение объективного характера права. Таким образом, возникновение (а также отмирание) права не является односторонним волевым актом создания (или упразднения), а определенным объективным процессом, являющимся следствием действия социально-

² См.: "Советское государство и право", 1979, № 7 и 8.

³ Концепции традиционного и "широкого" понимания права здесь трактуются несколько иначе, чем у В.С. Нерсесянца (Право и закон. М., 1983, с. 352-354). Дело в том, что, как видно из приведенной характеристики двух позиций, "широкое" понимание права не является следствием включения в это понятие элементов, не являющихся правом (правоотношение, субъективное право и т.п.). Таким образом, "широта" подхода усматривается в расширении объема понятия права на область, которая не покрыва традиционным понятием права, но, тем не менее, может им считаться.

⁴ Следуя концепции В.С. Нерсесянца, позицию, развиваемую в данной работе, можно назвать "юридической" и противопоставить ее "легической" концепции права. ("Юридический" подход основан на идее о приоритете права перед законом, "легический" считает правом лишь закон).

экономических факторов. Характер этих закономерностей таков, что ни государство, ни право не могут возникнуть мгновенно или даже в короткий промежуток исторического времени, а лишь опосредованно некоторыми длящимися во времени промежуточными формами (чем-то вроде "еще-не-совсем права"), и могут родиться из чего-то, не лишнего хотя бы некоторых общих черт с государством и правом. Как раз при изучении этих "не-совсем-прав" и обнаруживается недостаточность традиционного определения права. Собственно говоря, обнаруживается, что приставка "не совсем" сама является лишь неизбежным следствием традиционной трактовки права, ибо существование права простирается объективно за те рамки, которые устанавливаются таким пониманием.

Традиционное понимание права основано на формулировке, известной из "Манифеста Коммунистической партии". Обращаясь в адрес буржуазии, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: "Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса".⁵ Из этого положения нередко делался вывод о том, что любое право в любой исторической период есть лишь возведенная в закон воля правящих классов. Однако вследствие глубокого и всестороннего анализа процесса формирования марксистской теории права Э.Д. Розин приходит к значительному выводу: "В этой знаменитой формулировке К. Маркс и Ф. Энгельс не пытались вывести развернутую дефиницию права и исчерпывающим образом отразить в ней все существенные и специфические признаки данной важной части надстройки."⁶/подчеркнуто мною.- И.Г./ Проблема объема данного определения заключается в том, что через сопоставление права и закона, как результата осуществления государственной власти, право оказывается однозначно и неразрывно связанным с наличием государства и, даже более, может считаться результатом регулятивной деятельности государственных органов.

⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. - К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 443.

⁶ Розин Э.Д. Формирование марксистского политического и правового политического учения. - История политических учений (В.С. Нерсесянц, ред.). М., 1983, с. 429.

Это, однако, явно противоречит материалистическому пониманию общества и уже на этом основании такая трактовка не может считаться адекватной интерпретацией позиции основоположников научного материализма.

Для прояснения возникающей проблемы нам следует обратить внимание на некоторые фрагменты более ранних произведений К. Маркса, в значительной мере посвященных именно философским проблемам права. Как известно, теоретические занятия молодого Маркса были начаты именно с изучения юридических наук и именно через "философию права" Гегеля им были первоначально восприняты философские идеи идеализма, характерные периоду становления мировоззрения Маркса. Этот момент должен с необходимостью быть принят во внимание при анализе ряда принципиальных положений Маркса, относящихся к первому периоду (1842-1844) формирования его воззрений. Тем не менее, в силу характера его социальных убеждений (революционного демократизма, нередко материалистического в своей натурфилософии), можно полагать, что ряд принципиальных положений работ тех лет, не касавшихся собственно-философской тематики, могут быть отнесены к взглядам зрелого Маркса.

С этой оговоркой обратимся к одной из статей Маркса, датированной 1842 годом - "Дебаты по поводу закона о краже леса". Уже в данной работе К. Марксом последовательно проводится мысль о том, что обычай является "предвосхищением установленного законом права"⁷, иными словами право - право в законе, имеет под собой социальную основу, исторически и генетически предшествующую ему. Марксом при этом подчеркивается, что речь при формировании действительного права идет не о любом обычае, а лишь об обычае подавляющего большинства общества. В правящем меньшинстве антагонистического общества рождается не право, а "обычное бесправие"⁸. Либеральное законодательство превращает в закон лишь то, что уже существует реально как право.⁹ Обратным случаем и является, например,

⁷ Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 127.

⁸ Там же, с. 126.

⁹ Там же, с. 127-128.

противоправное понимание собирания валежника бедняками для кражи леса. Следовательно, словами Маркса, закон, в отличие от права, будучи в согласии с "обычным бесправием", может "лгать",¹⁰ т.е. быть объективно неверным. Таким образом, обнаруживается, что развитие права далеко не всегда совпадает с волей правящего класса, в чьих руках находится законодательство и принудительная сила государства. Точно так же, как ни один класс не может приостановить прогресс производительных сил и отменить закономерностей их развития, точно так же он не может приостановить развития права, сопровождающегося объективным развитием всего общества.

Следовательно, взаимосвязь права с государством (через форму закона) не является его необходимым атрибутом, ибо наряду с правом в законе существует и право вне закона, причем последнее может быть даже в противоречии с законом. Представляется справедливым мнение, что в упомянутом фрагменте "Манифеста" имеется в виду именно только буржуазное право (точнее то, что буржуазия выдавала за право), но не право вообще.

Этим, однако, проблема далеко не исчерпывается. За утверждением насчет того, что право не есть закон, следует вопрос - чем же оно является? Исследователями генезиса марксизма в работах Маркса выделяются два основных момента: (1) право представляет собой некоторое фактическое социальное отношение, проявляющееся в форме притязания¹¹; (2) право есть "форма свободы, мера этой свободы, форма бытия этой свободы"¹². Думается, что именно через эти два аспекта выделяются объективная и субъективная сторона права. Мы же далее коснемся другого вопроса, несящего не столько философско-категориальный, сколько социологический характер. Если нормы права не обязательно санкционируются государством, то что в обществе является гарантом их выполнения?

¹⁰ Там же, с. 122.

¹¹ Розин Э.Д. К. Маркс и Ф. Энгельс о соотношении права и закона. - "Актуальные проблемы теории социалистического государства и права". М., 1974, с. 135.

¹² Нарцезяни В.С. Указ. соч., с. 342.

Следует иметь в виду, что выполнение норм само по себе не предполагает обязательно наличия некоторой "карающей инстанции". Если понимать под нормативностью "проявление сущего в значении должного, императивное свойство бытия, когда оно в своей развитости, определенности и необходимости ... выступает как критерий и мерило самого себя",¹³ то очевидно, что норма является внутренней мерой качественно определенного бытия и, следовательно, не требует никаких внешних ограничений (или "санкций"). Однако говоря о нормах человеческого поведения, мы имеем в виду нормы с более узкими рамками, т.е. ограничения в пределах самой меры качественно определенного. (В последнее входят и нормы, интериоризированные субъектом). Таким образом, они являются нормами, ограничениями второго порядка, нарушение которых обнаруживается в рамках данной меры как возможное. И в этом смысле наличие санкций, направленных на исключение нарушений социальных норм, является необходимым, в том числе для права.

Вопрос о гарантированности норм права представляется отнюдь не праздным в силу реального многообразия форм осуществления правозащитных функций, далеко не сводимых к государственному принуждению. Свидетельством этому являются факты наличия правовых систем в обществах, не вступивших в стадию формирования государственности. Такого рода общества можно считать существующими не только лишь на ранних стадиях развития человечества в условиях родовой и племенной организации, но представляющими собой определенную коммунистальную модальность и в более развитых и исторически поздних социальных системах.

Для характеристики такого рода отношений может быть использовано понятие "коммунистас", вводимое Виктором Тернером.¹⁴ "Коммунистас" - это отношения между конкретными, историческими, идеосинкретическими личностями". Анализируя различные конкретные формы коммунистас (орден францисканцев в каталической церкви, толстовское крестьянство, хиппи, бенгальское сахаджия) Тернер приходит к выводу: "Спонтанность и

¹³ Нерсесянц В.С. Указ. соч., с. 342.

¹⁴ Тернер В. Символ и ритуал. М.: 1983, с. 201.

непосредственность коммунитас - в противоположность право-
полютяческому характеру (социальной - И.Г.) структуры - ред-
ко можно поддерживать достаточно долго".¹⁵ В этом смысле
можно считать характерным пример поляризации ордена францис-
канцев на спиритуалов (следовавших идеям самого Франциска) и
квентуалов (связавших орден с миром гражданско-правовых
отношений и церковной иерархией) на основе необходимости
сохранения за орденем, существовавшим в реальном обществе,
наряду с имущественным *ius* (здесь - *ius pauper*) и права
dominium, противоречащим изначальной идеологии самого ордена
и приносящим в него структурные элементы, не свойственные
общим идеям этого движения.¹⁶

Укажем также на исторически и географически более близ-
кий пример - городское право Таллина в XVI веке. Безотноси-
тельно к местному рыцарству и шведской короне в городе дей-
ствовало, как известно, Любекское городское законодательство.
Преследование нарушений закона в городе оставалось в
полном ведении его магистрата. И, что главное в данном приме-
ре, апелляционной судебной инстанцией судебной системы го-
рода являлась не королева, а магистрат города Любека, т.е.
другого города (или государства).¹⁷ В основе этого положения
лежала организация Ганзейского союза и сложившиеся в ней
обычаи, носившие явно не государственный характер. (Члены
Ганзы в силу отсутствия ряда признаков суверенитета не могут
быть рассмотрены как самостоятельные государства, вступившие
в союз, а сам союз - как государство).

Список такого рода примеров может быть без труда продол-
жен. К ним можно добавить и безчисленные случаи существова-
ния норм законов, которые не получают фактической реализа-
ции, хотя и являются формально действующими.

В этой связи крайне знаменательна мысль Маркса о том,
что основы права лежат в фактических взаимоотношениях между
людьми, а далее - между классами.¹⁸ Речь идет, таким обра-

¹⁵ Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: 1983, с. 202.

¹⁶ Там же, с. 215-221.

¹⁷ См.: Егоров Ю. История государства и права Эстонской
ССР. Таллин, 1981, с. 35, 58.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Эн-
гельс Ф. Соч., т. 3, с. 336-337.

зом, о праве как некоторой форме общения, в основе которой лежит диалектика способа производства и производственных отношений. Следовательно, право существует повсюду, там и тогда, где и когда люди вступают в отношения друг с другом, обладая при этом определенными субъективными притязаниями и объективной мерой свободы. Вполне очевидно, что такие отношения не требуют сами по себе обязательного государственного вмешательства посредством закона. Именно поэтому может, например, в рамках буржуазной государственности формироваться в понятиях, в программах пролетарских партий, как вид социального притязания, и пролетарское право, превосходящее право социалистического общества.¹⁹ Формирование классовых антагонизмов, порождающее государство, политизирует общество до той степени, что подчиняет правящим классам все основные элементы политико-правовой надстройки, в т.ч. и право, придавая ему классовый характер. Процесс становления писанного права подтверждает принципиальный вывод о том, что приходящие к власти классы уже находят перед собой некоторое право и начинают свое правотворчество на базе существующих норм, фиксируя в письменной форме не уже существующее обычное право, а вносимые в него изменения,²⁰ т.е., ставя право на службу своим классовым интересам.

Процесс формирования в системе реальных общественных отношений права, выделяющейся из нее совокупности норм, оставляет открытым вопрос об отличии права от социальных норм иного характера, в первую очередь — этических. Разграничение норм права и морали может быть на категориальном уровне обозначено мыслью Маркса о праве как применении равной меры.²¹ В.С. Нерсисян справедливо подчеркивает, что существенным признаком права как формальной степени свободы является "момент формального равенства участников соответствующим

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 316.

²⁰ Diamond A.S. Primitive Law Past and Present. L., 1971.

²¹ Маркс К. Краткая Готской программы — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 19.

него правового общения".²² Формальный характер права как реальной и стабильной меры находит свое выражение и в особой знаковой форме (письменных текстах, ритуалах, символических действиях и т.п.), неизбежно свойственных праву.²³ При этом следует лишний раз подчеркнуть, что право как мера оказывается мерой, по крайней мере, второго порядка — мерой, реализующейся не только в аспекте качественной определенности данного индивида и общества, но мерой, формируемой в процессе реальной интеракции отдельных субъектов (людей, сословий, классов) общественного целого.²⁴

Эта вторичность права как меры обнаруживается в том, что формирование права, хотя и является, в конечном счете, объективным процессом, опосредовано волевой и сознательной деятельностью людей. (Это не означает, что формируемое сознательно воспринимается именно как право. Тем не менее, как уже было отмечено Гегелем, например, сам принцип правового равенства является результатом процесса абстракции, т.е. определенного познания.²⁵ Одни и те же отношения, идентичные в своих сущностных качествах могут оформляться посредством достаточно различных конкретных нормативных установлений, определяемых наряду с социально-экономическими факторами (как основными) и конкретными историческими условиями (традициями, субъективными целями, правосознанием и т.п.). Выделяя наличие субъективно-волевого аспекта в каждом конкретно-исторически данном праве, К. Маркс отмечал: "Само по себе право не только может наказывать за преступление, но и выдумывать их..."²⁶ Тем не менее, применяемая правом мера является отнюдь не субъективным усмотрением или волеизлиянием, а носит объективно-общественный характер. В ходе развития общества правовые отношения перестают рассматриваться как личные и ин-

²² Нерсесянц В.С. Указ. соч., с. 344.

²³ См. напр.: Грязин И.Н. О праве как феномене культуры. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып.653. Труды по философии. Тарту, 1983.

²⁴ См. об этом также: Розин Э.Л. Формирование..., с. 447.

²⁵ Гегель Г.В.-Ф. Философия духа. — Гегель Г.В.Ф. Соч., т. 3, М., 1958, с. 318.

²⁶ Маркс К. Политическое обозрение. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 516.

дивидуальные и приобретает характер всеобщности.²⁷ Иными словами — само качество бытия в качестве вторичной и более узкой меры предполагает наличие социального установления (системы отношений, институтов), выражающего и обеспечивающего соблюдение этой меры, являющейся по своей природе собственно-социальной.

Характеризуя социальное назначение государства, К. Маркс выделял два аспекта — "и выполнение общественных дел, вытекающих из природы каждого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами."²⁸ В контексте сказанного можно предположить, что социальное назначение права при выполнении "общественных дел" любого общества, является как раз производной той его части, которая может существовать и без государственной (законодательной) санкции. Если считать онтической основой права реальные взаимоотношения между людьми и их совокупностями, то логичен вывод, что именно в самой этой области отношений и складываются механизмы, санкционирующие его функционирование. Они могут быть обозначены собирательным термином "публичная власть" или даже вообще "власть".²⁹ В основе всей системы санкций, обеспечивающих реальное право, существующее в обществе, лежит условие участия субъекта в этих отношениях. Крайней мерой наказания может являться полное отвержение субъекта, переступившего меру, принятую и сформированную в данном обществе. (Таким образом, было бы точнее сказать не "объявление вне закона", а "вне права"). В реальной истории существования правовых систем (например, в виде табу) исключение нарушителя из общества (племени, рода,

²⁷ Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 336-337; см. также: Розин Э. Л. К. Маркс..., с. 133-134. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.

²⁸ Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 422.

²⁹ Характерным отличительным признаком власти, обеспечивающим право, является сила или возможность ее применения. (См.: Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 246. В той или иной форме эта идея разрабатывалась в традиции теории естественного права. См., например, Спиноза Б. Политический трактат. — Спиноза Б. Избранные произведения. М.: 1957, т. 2, с. 310).

общины) в разных формах и степенях (от изоляции на некоторый период или ограничения возможных действий до полного изгнания) выступало в относительно неприкрытом виде как основная характеристика публичной санкции.

Обсужденные здесь моменты далеко не исчерпывают всех даже наиболее существенных аспектов, связанных с определением понятия права. Но тем не менее, как я надеюсь, они способствуют пониманию того, что право является феноменом, принципиально отличным от закона и, тем самым, не обязательно и однозначно связанным, как утверждают высказывания Маркса, с государственной организацией общества. Это положение вытекает из принятого в данном сообщении и основанных на приведенных положениях Маркса и Энгельса определения понятия права. Не считая такое определение раскрывающим все стороны столь многогранного явления, как право, я хотел лишь показать, каким образом изменяется наше традиционное представление о праве при таком определении. Отдавая дань традиции, представляется возможным введение для обозначения права вне государственной санкции термина "прото-право".

В целом представляется, что теоретическое наследие К. Маркса допускает возможность такого подхода и направляет нас на его проверку и возможное дальнейшее развитие.

К. МАРКС И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Л.Н. Столович

Так называемая "философия ценностей" возникла во второй половине прошлого столетия. Это была своеобразная реакция на позитивизм - сциентизм XIX века. В противоположность позитивизму, провозгласившему всеядие естественно-научного знания, "положительных" наук, сторонники теории ценностей, названной впоследствии аксиологией, трактовали ценности с позиций идеализма как особый мир, не доступный научному познанию. Отчасти этим теоретически объясняется направленность философии, понимаемой как "наука о ценностях", против марксизма, в особенности против материалистического понимания истории, неправомерно рассматриваемого как разновидность позитивизма.

Один из основателей баденской школы неокантианства Г. Риккерт обвинял марксизм в стремлении "превратить историческую науку в генерализирующее естествознание", превращая всю историю в "экономическую историю".¹ По его словам, "это уже не эмпирическая историческая наука, пользующаяся методом отнесения к ценности, но насильственно и некритически конструированная философия истории. Экономическим ценностям придается здесь до того абсолютное значение, что все, что обладает по отношению к ним значением, превращается в истинное бытие, все же, что не относится к экономической культуре, - в "надстройку" над истинным бытием"². Ценности здесь не отрицаются. Более того, "ценности гипостазируются здесь в истинно и единственно существующее бытие. Различие только в том, что место идеалов головы и сердца заняли идеалы желудка".³

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 159.

² Там же, с. 160.

³ Там же.

Сейчас нет необходимости полемизировать против такой очевидно неадекватной интерпретации материалистического понимания истории. Тем более, что книга "Науки о природе и науки о культуре" была в свое время точно и ярко квалифицирована Г.В. Плехановым, который в своей рецензии не только показал несостоятельность утверждения, что с точки зрения пролетариата "внимание главным образом обращается на экономические ценности", но и ставил вопрос о природе ценности, которая осмысливается марксизмом принципиально иначе, чем неокантианством.⁴

Марксизм никогда не игнорировал ценностного мироотношения человека. В.И. Ленин писал, что "нельзя изучать действительное положение вещей", не квалифицируя, не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т.п."⁵ При этом процесс оценивания не является субъективистски-произвольным, он сам поддежит научному изучению, которое способно определить правильность оценки: "... Только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю".⁶

Вместе с тем, в нашей философской литературе проблематика теории ценности получила права гражданства только с начала 60-х годов. В известной мере подозрительность к теории ценности была связана с ее "первородным грехом" - идеализмом и прямым отвержением материалистического понимания истории, так что кое-кому казалось, что теория ценности по природе своей не может не быть буржуазной и идеалистической. Однако начавшаяся серьезная разработка теории ценности в советской и зарубежной марксистской литературе воочию показала, что идеализм отнюдь не обладает монополией в этой сфере, что в трудах самого основоположника марксизма содержится глубокая концепция ценности, основанная на диалектико- и историко-материалистическом миропонимании.

⁴ См.: Плеханов Г.В. О книге Г. Риккерта. - Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, М., 1957, с. 510, 515.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 240.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 150.

В своих политакономических трудах К. Маркс действительно основное внимание уделял "экономическим ценностям", или стоимости, отнюдь не сводя их, вопреки утверждениям Г. Ривкорта, к "идеалам желудка". Однако научный анализ стоимости при ближайшем рассмотрении оказывается в высшей степени методологически плодотворным для постижения сущности ценности и ценностного отношения. Дело не просто в том, что понятие "стоимость" и категория "ценность" обозначаются на немецком языке одним и тем же словом *Wert*. Поскольку стоимость есть разновидность ценности, экономическая ценность, то есть все основания согласиться с И. Попеловой в том, что "для марксистской аксиологии необходимо основательно протудировать понимание Марксом стоимости, извлечь из него все, что относится к общему понятию ценности".

Следует отметить, что К. Маркс, обосновывая экономическое понятие стоимости, не ограничивался областью политической экономии. В рукописях 40-50-х годов, в "К критике политической экономии", в "Капитале" и примыкающих к нему трудах категория стоимости берется в контексте философски осмысленных общественных отношений. К. Маркса интересует здесь соотношение объективного и субъективного, практического и теоретического, человеческого и вещественного, качественного и количественного, сущности и видимости, а также взаимоотношение экономики и других сфер жизни человека и общества. Поэтому не случайно в работах, казалось бы далеких от эстетики, так много затронуто эстетических проблем.

Это обстоятельство стимулировало нашу эстетику, начиная с середины 50-х годов, при изучении эстетического отношения обращаться к "Экономическо-философским рукописям 1844 года" и другим экономическим работам К. Маркса. При этом предметом внимания сделались не просто отдельные высказывания по эстетическим вопросам, но и сама теория стоимости, которая давала ключ к пониманию сущности общественных свойств вещей и предметов, в том числе эстетических свойств.⁸ Речь шла, ра-

⁷ Попелова И. Этика. О исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965, с. 521.

⁸ См.: Тасалов В. Об эстетическом освоении действительности. — "Вопросы эстетики", I, М., 1958, с. 87-88; Сто-

зумеется, не о сведения эстетически-ценностных свойств явления к стоимости (различие и даже известная противоположность между ними специально отмечались и подчеркивались), а о методологическом значении разработки основоположником марксизма теории стоимости для понимания сущности ценностного богатства мира.

Наряду с этим, высказывалось мнение, что "Капитал" и вообще экономическая теория марксизма проясняют многое в отношении взглядов Маркса и Энгельса на проблему ценностей, но окончательную роль в прояснении этой проблемы играет все же не теория стоимости, а учение об эксплуатации, отчуждения и угнетении трудящихся в условиях капиталистического способа производства и далее — об идеалах социалистической революции".⁹ По мнению И.С. Нарского, ценность противостоит полезности, ибо он считает, что "ценности — это главным образом идеалы общественной, а на этой основе — и личной деятельности". Поэтому "то, что двусмысленно именуют материальными "ценностями", не есть аксиологические ценности".¹⁰ Ссылка же на "Капитал" Маркса и его теорию стоимости /die Werttheorie/, как полагает И.С. Нарский, представляет собой недоразумение: "Der Wert" означает по-немецки как "стоимость", так и "ценность", а от этого слова этимологически в прошлом отделилось слово "würde" (достоинство), но это отнюдь не говорит в пользу отождествления стоимостных и собственно ценностных подходов и оценок. Маркс и Энгельс решительно отвергли тенденции М. Штирнера и А. Вагнера аксиологизировать экономические категории и отношения посредством ссылок на генезис слов".¹¹

Действительно, основоположники марксизма резко возражали против выведения понятий из этимологии слов, их означавших,

лович Л.Н. Некоторые вопросы эстетической природы искусства. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. Л., с. 58-62; Столович Л.Н. Эстетическое в действительности и в искусстве. М., 1959, с. 61-64.

⁹ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969, с. 210.

¹⁰ Там же, с. 214.

¹¹ Там же, с. 210.

хотя придавали этой этимологии немаловажное значение при исследовании происхождения понятий. К. Маркс называет "схоластическими упражнениями" стремление К.Г. Рау и А. Вагнера вывести "потребительную стоимость" и затем "меновую стоимость" из "понятия стоимости" "в соответствие с немецким словоупотреблением".¹² Дело не в том, что при этом аксиологизируются экономические категории, а в том, что эта схоластическая операция, поскольку слово Wert обозначает разные отношения, дает возможность "эксплуатировать эту двусмысленность", смешивая, как это делал Шtirнер, "как коммерческие отношения, так и свойства и взаимоотношения индивидов как таковых".¹³ Или стирать принципиальное различие между стоимостью и потребительной стоимостью в духе Вагнера.

Что же на самом деле показывает этимология слова "стоимость" - "ценность" - "Wert"? В "Теориях прибавочной стоимости" К. Маркс специально обращается к этому вопросу. Проанализировав значение слов "стоимость", "ценность" на санскритском, латинском, готском, древневерхненемецком, англосаксонском, английском, французском, голландском, литовском языках, он делает вывод, что "слова "value, valeur" /ценность, стоимость/ выражают свойство, принадлежащее вещам. И действительно, они первоначально выражают не что иное, как потребительную стоимость вещей для человека, такие их свойства, которые делают их полезными или приятными для человека и т.д. По самому существу дела слова "value, valeur, Wert" этимологически не могут иметь другого происхождения. Потребительная стоимость выражает природное отношение между вещами и людьми, фактически - бытие вещей для человека. Меновая стоимость представляет собой значение, привитое к слову Wert /- потребительная стоимость/ позднее, в результате общественного развития, создавшего меновую стоимость. Это есть общественное бытие вещи".¹⁴

К этой же проблеме К. Маркс возвращается и в своих заме-

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 376, 378.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 219..

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 307.

ваниях на книгу А. Вагнера "Учебник политической экономии". Привлекая обширный лингвистический материал на латинском, греческом, готском, древнем северонемецком, средненемецком, англосаксонском, английском и немецком языках, К. Маркс отмечает, что "если из первоначальной идентичности *Würde* и *Wert* вытекало само собой, как из природы вещей, что это слово относилось к вещам, продуктам труда в их натуральной форме, то впоследствии оно в неизменном виде было прямо перенесено на цены, т.е. на стоимость в ее развитой форме, т.е. на меновую стоимость, что столь же мало имеет общего с существом дела, как то обстоятельство, что то же слово продолжало употребляться для обозначения достоинства вообще, по отношению к почетной должности и т.д. Стало быть, здесь в языковом отношении нет никакого различия между потребительной стоимостью и стоимостью".¹⁵

Этимологический аргумент ни в коем случае не может быть принят во внимание для уяснения сущности экономической категории "стоимость", также, как и для понимания валентности химических элементов (на немецком языке эта валентность обозначается словом, включающим *Wert*, "*Gleichwertigkeit*"). Но это, с другой стороны, не колеблет вывода, делаемого на основе лингвистики, что "общее понятие "стоимость" [*Wert*] простирается из отношения людей к предметам внешнего мира, удовлетворяющим их потребности, что, таким образом, это и есть родовое понятие "стоимости" [*Gattungsbegriff von "Wert"*].¹⁶

Таким образом, К. Марксу важно было подчеркнуть, что существует различие между потребительной стоимостью и стоимостью меновой, которое не снимается происхождением слова *Wert*. Но, вместе с тем, это различие не отрицает того, что есть *Gattungsbegriff von "Wert"* - родовое понятие "ценности", "стоимости", которое "простирается из отношения людей к предметам внешнего мира, удовлетворяющим их потребности". На наш взгляд, это и есть самая общая формула ценностного отношения.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 388.

¹⁶ Там же, с. 378. См. на языке оригинала: Marx K., Engels F. Werke. Bd. 19, Berlin, 1962, S. 364.

Но правомерно ли потребительные стоимости рассматривать как ценности в аксиологическом смысле. В философской литературе высказывается мнение, по которому само понятие "материальная ценность" несостоятельно и полезность, а, следовательно, и потребительная стоимость, в принципе противопоставляется понятию ценности. Поддерживая концепцию И.С. Нарского, М.С. Каган дает ей новое теоретическое обоснование. Ценность, по его мнению, отличается от полезности тем, что первая предполагает значение объекта для субъекта, а вторая есть "межобъектное отношение".¹⁷

Различение понятий "ценность" и "полезность" следует признать правильным. Конечно же, польза пользе рознь. Если речь идет о пользе для растения или животного, то это, разумеется, не ценность. Ценностью является не всякая польза, а только человеческая. Основоположник марксизма не случайно отмечал, что по мере очеловечивания чувств человека как в субъективном, так и в объективном смысле "потребность и пользование вещь утратили свою эгоистическую природу, а природа утратила свою голую полезность, так как польза стала человеческой пользой".¹⁸ Человеческая польза - это не "межобъектное отношение", а значение объекта для человека и общества. На наш взгляд, нет никаких достаточных оснований человеческую пользу стучать от мира ценностей, которые и представляют собой значение явлений для человека и общества.¹⁹ Поэтому, при всем различии, существующем между поня-

¹⁷ Каган М.С. Проблема субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии. - "Философские науки", 1980, № 4, с. 47.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 121.

¹⁹ Мы не можем разделить взгляды, время от времени высказывавшиеся в аксиологии, по которым ценность может иметь не только общественно-человеческое, но и биологическое значение. Так, в одной из работ по теории ценности мы читаем: "Ценность есть отношение получаемой системой информации, которая фиксируется в структуре обратной связи данной системы, к цели". Исходя из такого понимания ценности, ценность может относиться не только к системам личностной, социальной, культурной, но и биологической (см.: Гречаный Б.В. Место и значение общей теории ценности в системе философского знания. - "Единство диалектического и исторического материализма". Л., 1978, с. 53).

тиями "ценность" и "полезность", мы не считаем полезность принципиально противостоящей ценности в том числе полезность материально-практическую. Неправомерно все ценности рассматривать как только духовные. Этому не делают даже многие идеалисты.

Конечно, не следует забывать, что понятие "потребительная стоимость", не говоря уже о стоимости меновой, — это не аксиологическая, а политэкономическая категория. Для политической экономии потребительная стоимость — это "фактор товара", его качественная сторона, благодаря которой он, как отмечается в "Капитале", "удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле".²⁰ "Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью"²¹ к, хотя эта полезность выявляется в процессе исторического развития, она аксиологически нейтральна, т.е. эта полезность и соответствующая ей потребность может быть как нормальной, так и извращенной, общественно благотворной или социально разрушительной. Ценностью, следовательно, обладает не всякая "потребительная стоимость". Предмет, обладающий этой стоимостью, сам представляет собой объект ценностного отношения, которое может быть как положительным, так и отрицательным.

С другой стороны, мы не считаем достаточно точным понимание ценности как значения объекта для субъекта, если под субъектом понимать сознательную активность. Ценность — это значимость предметов и явлений для человека и общества, имея в виду, что и в том и в другом субъект не является как субъективные, так и объективные факторы (не только телесная организация, но и бессознательное психическое, общественно-необходимые потребности, в полной мере часто не осознаваемые). Ценности, потому и объективны, что их значения и регулятивные функции не в полной мере осознаются субъектом, а подчас объективные значения той или иной ценности могут не соответствовать ее субъективным значениям, "личностному смыслу", субъективным оценкам.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

²¹ Там же, с. 44.

И еще в одном плане необходимо различать экономические и аксиологические категории. В замечаниях на книгу А. Вагнера К. Маркс писал, что "было бы чистейшим вздором к анализу товара, — на том основании, что он представляется, с одной стороны, как потребительная стоимость или благо, а с другой стороны, как "стоимость", — "присовокуплять" всякого рода банальные рассуждения о потребительных стоимостях или благах, не относящихся к области товарного мира, каковы "государственные блага", "общинные блага" и т.д., как это делает Вагнер и вообще немецкие профессора, или насчет блага "здоровья" и т.д.". ²² В аспекте же аксиологии несомненно представляют интерес потребительные стоимости или блага, не относящиеся к области товарного мира, в том числе нравственные и общественно-политические ценности.

Однако при всем различии экономических категорий "потребительная стоимость" и "стоимость вообще" от аксиологического понятия "ценность" между ними есть и "поле пересечения", позволяющее использовать методологию марксова анализа стоимости и в области аксиологии. Как выше отмечалось, потребительные стоимости сами по себе ценностно нейтральны, но они могут быть ценностями — ценностями утилитарно-практическими и экономическими. Нельзя забывать, что потребительные стоимости адресуются и к духовным потребностям людей. Достаточно вспомнить, что К. Маркс эстетическое значение алмаза прямо называет его потребительной стоимостью. ²³

Потребительная стоимость, по словам К. Маркса, "является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь". ²⁴ То же можно сказать и о ценности. Поэтому для марксистской теории ценности большое методологическое значение имеет критика К. Марксом натуралистического и фетишистского понимания бытия потребительной стоимости, а также вообще стоимости. Сторонники первого "приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 385.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 14.

²⁴ Там же.

предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее "полезных" свойств то, что она годится в пищу человеку".²⁵ Фетишист "трактует стоимость, если и не как свойство отдельной вещи (рассматриваемой изолированно), то все же как отношение вещей между собой, тогда как она есть лишь выражение в вещах, вечное выражение отношения между людьми, общественно-го отношения, — отношение людей к их взаимной производственной деятельности".²⁵ Ценность ведь также представляет собой "выражение в вещах, вечное выражение отношения между людьми, общественного отношения", хотя, разумеется, иного общественного отношения, чем то, которое воплощено в стоимости.

Раскрытие автором "Капитала" сущности товарного и денежного фетишизма превосходно показывает также механизм извращения ценностных отношений и ценностного сознания в обществе, в котором господствует отчуждение человека и его деятельности. Еще в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" было блестяще выявлено извращающее воздействие денег на человека и человеческие отношения: деньги являются "всеобщим извращением индивидуальностей, которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам".²⁶ При этом речь шла о несомненно ценностных свойствах, таких, как красота и уродство, ум и скудоумие, честность и нечестность, совесть и бессовестность, храбрость и трусость и т.д.

Методологическое значение учения К. Маркса о стоимости для теории ценности несомненно еще и потому, что сам основоположник марксизма шел и понимал экономические категории потребительной стоимости и стоимости вообще как бытия вещей для человека и как вечного выражения общественных отношений от общественного понимания предмета ценностного отношения. "Я могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку". Это положение является примечанием к следующим словам "Экономи-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 26, ч. II, с. 150.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 150.

ческо-философских рукописей 1844 года": "... сама эта вещь есть предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку". И далее: "Мы видели, что человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него человеческим предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него общественным предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете".²⁷

Безусловно, для теории ценности марксизма важны различные стороны учения его основоположников - и раскрытие сущности эксплуатации трудящихся и отчуждения человека²⁸, и учение об идеалах социалистической революции, - но при этом не приходится недооценивать методологическое значение для аксиологии марксистской теории стоимости.

В этом плане представляет интерес интерпретации учения К. Маркса о стоимости применительно к теории ценности в книге чехословацкого философа и эстетика В. Брожика "Марксистская теория оценки", вышедшая на словацком языке в 1976 г. и в русском переводе в 1982 г. Автор ее рассматривает меновую стоимость как экономическую ценность. И хотя стоимость как экономическая ценность "составляет исключение в мире ценностей, ибо она - единственная ценность, которую можно целиком и полностью измерить и количественно выразить", ее анализ в трудах К. Маркса имеет важнейшее методологическое значение для научной теории ценности и оценки, т.к. "именно как исключение в мире ценностей экономическая стоимость пробивает себе дорогу как правило". В книге убедительно показано философско-аксиологическое значение анализа К. Марксом категории "стоимость", ибо она "проявляется лишь в сочетании с потребительной стоимостью, зависит от нее, паразитирует на ее полезности".²⁹

²⁷ Там же, с. 121.

²⁸ В книге "Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса" И.С. Нарский, подчеркивая аксиологическое содержание понятия отчуждения, правильно отмечает, что отчуждение личности означает деградацию и гибель человеческих ценностей" (М., 1983, с. 128).

²⁹ Брожек В. Марксистская теория оценки. М., 1982, с.30, 36.

В. Брожик методологически совершенно правильно исходит из того, что оценка как проявление ценностного сознания человека детерминируется ценностным характером самого общественного бытия, что "оценочное суждение сообщает о ценностной предметности, является отражением специфических сторон общественного бытия".³⁰ Термином "ценностная предметность" - *Wertgegenständlichkeit*. В. Брожик называет объективную сторону ценностного отношения, которая возникает в общественной практике, выступает как опредмеченная деятельность человека, "является точкой пересечения сложной сети социальных отношений, которые, будучи продуктом преобразующей деятельности субъекта, представляют собой объективное поле практических взаимосвязей".³¹

Однако, по мнению В. Брожика, "ценностная предметность" - это не то, что называют "ценностью" - *Wert*. Суть концепции, предложенной в книге "Марксистская теория оценки" заключается в следующем. Ценностная предметность - это лишь объективная основа ценности".³² "Как ценность она реализуется лишь в оценке, исходящей из совершенно определенной общественной потребности субъекта".³³ "Ценностная предметность, или общественное бытие вещи, объективна, ценность же - это субъективный способ, посредством которого ценностная предметность проявляется в оценке".³⁴

Автор книги полагает, что такого рода различия "ценностной предметности" и "ценности" содержится в "Капитале" К. Маркса, где действительно употребляется слово *Wertgegenständlichkeit* - "ценностная предметность" (или "стоимостная предметность") и *Wert* - ценность, или стоимость. Однако обращение к "Капиталу" и другим трудам его создателя показывает, как нам представляется, что в них не находится такого

³⁰ Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982, с. 45.

³¹ Там же, с. 52.

³² Там же, с. 45.

³³ Там же, с. 67.

³⁴ Там же, с. 85.

понимание ценности, при котором она реализуется лишь в оценке. Для К. Маркса Wert как стоимость, или "экономическая ценность", ни в коем случае не есть продукт оценки. Он критикует А. Вагнера как раз за стремление вывести стоимость из стоимостной оценки.³⁵

По взглядам К. Маркса, Wert - стоимость, и потребительная и меновая, несомненно объективны, но не в природно-натуральном, а в социально-историческом смысле, и в этом плане не отличается от того, что В. Брожик называет "ценностной предметностью". Хотя в "Капитале" на самом деле используются слова Wertgegenständlichkeit и Wert, но различие между ними не в том, что первое объективно, а второе субъективно-объективно. По К. Марксу "стоимостная предметность" - это проявление "стоимости", а не наоборот. Так, К. Маркс противопоставляет стоимость/"Wertgegenständlichkeit/" вдовце Куикли и "грубой предметности товарных тел" /"zur sinnlich groben Gegenständlichkeit"/ в том отношении, что в стоимость "не входит ни одного атома вещества природы".³⁶ Wertgegenständlichkeit, таким образом, противопоставляется Gegenständlichkeit, т.е. "стоимостная предметность" противопоставляется "предметности", а не "стоимости".

Немецкий культуролог и эстетик Эрхард Йон в статье "Экономические формы стоимости /Wertformen/ у Карла Маркса и проблемы марксистско-ленинской эстетики" совершенно правильно отмечает, что продукты человеческого труда представляют собой объективно существующие стоимости /Werte/ в конкретном отношении. Автор статьи обращает внимание на то, что в "Капитале" употребляется термин "Wertsein" ("стоимостное бытие")³⁷, характеризующий продукты труда, обладающие и потребительной и меновой стоимостью. Э. Йон также подчеркивает, что Маркс проводил различие между категориями, обозначающими объективное бытие стоимости-ценности /Wertsein/, и категориями типа "оценка", относящимися к сознанию и означающими

³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 379.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 56; Marx K., Engels F. Werke. Band 23. Berlin, 1972, S. 62.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 65; Marx K., Engels F. Werke, Bd 23, S. 70.

субъективное переживание.³⁸

Конечно, нужно иметь в виду, что потребительная и меновая стоимости как экономические явления сами по себе еще не есть ценности в аксиологическом смысле, но только их объективная предпосылка. Но и аксиологические ценности, по нашему убеждению, не возникают в результате субъективной оценки. Они обладают также особой общественно-исторической объективностью как фактор социальной детерминации ценностного сознания.³⁹

Не разделяя понимание В. Брожиком соотношения ценности и оценки, при котором ценность неизбежно субъективизируется, мы хотели бы обратить внимание на "гносеологические корни" его концепции и, следовательно, на ее рациональное зерно. Чехословацкий философ полемизирует, по сути дела, с такими аксиологическими воззрениями, по которым ценность существует в реальности уже в "готовом виде и человеку не остается ничего другого, как перенести ее в свое сознание.

По нашему убеждению, ценность существует объективно, ибо в процессе общественно-исторической практики образуются такие "общественные свойства" (К. Маркс) явлений, предметов, вещей, которые могут оказывать на человека ценностное воздействие. Собственно говоря, эта возможность ценностного воздействия и означает наличие в предмете ценностных свойств, ценности. Ценности, следовательно, существуют объективно, но вне воздействия на человека они являются ценностями потенциально. "Только музыка пробуждает музыкальное чувство", но "для немusыкального уха самая прекрасная музыка не имеет никакого смысла..."⁴⁰. И только тогда, когда ценностный предмет оказывает прямое воздействие на человека, ценности актуализируются, обнаруживают свои функциональные значения. Мы полагаем, что В. Брожик совершенно прав, когда пишет о пони-

³⁸ См.: John E. *Ökonomische Wertformen bei Karl Marx und Probleme der marxistisch-leninistischen Ästhetik.* - "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1978, Heft 5, S. 606.

³⁹ См.: Столович Л.Н. Эстетическая ценность в аспекте социальной детерминации эстетического сознания. - "Вопросы философии", 1982, № 8.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 121-122.

мании "ценности как результата опредмечивания и одновременно предмета деятельности" и о том, что необходимо выделить "потенциальный и актуальный аспекты ценности".⁴¹ Именно ценности. И не нужно распределять эти аспекты между "ценностной предметностью" и "ценностью".

В процессе актуализации ценности происходит ее оценка. Но эта актуализация не сводится к акту оценки. Ценностное отношение шире, чем отношение оценочное. В оценке проявляется осознанное представление о ценности, хотя оно может быть не только истинным, но и ложным. Ценность же воздействует на всего человека, как на его сознание, так и на бессознательное. Разумеется, мы употребляем термин "бессознательное" в материалистической его интерпретации. То, что ценностное отношение включает в себя и сферу бессознательного, проявляется в той большой роли, которую здесь играет интуиция. Ведь и сами критерии оценочных суждений очень часто не осознаются вполне или же осознаются далеко не всегда адекватно. Эстетический вкус как инструмент эстетической оценки и совесть как субъективный критерий моральной оценки — явления в значительной мере интуитивные.

Конечно, только при непосредственном контакте с человеком ценность актуализируется, проявляет свои функциональные свойства, воздействие которых зависит от особенностей самой человеческой личности. Например, таким функциональным значением эстетической ценности является способность вызывать особого рода наслаждение. Эстетическое наслаждение, несомненно, не может возникнуть без актуализации эстетической ценности, без ее восприятия и освоения соответствующим образом подготовленным человеком. Вспомним слова К. Маркса: "Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком".⁴²

При актуализации ценности могут возникнуть новые ценностные значения и даже новые ценности. Так, эстетическое наслаждение есть не только результат актуализации эстетической

⁴¹ Брожик В. Марксистская теория оценки, с. 5.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 151.

или художественной ценности, но особая ценность, так сказать, "вторичная ценность" по отношению к ценности "первичной" — той, что была предметом наслаждения. Наслаждение — не приходится сомневаться — есть ценность для человека, его испытывающего. Однако наслаждение есть и общественная ценность, ибо "чувства, которые способны к человеческим наслаждениям", "утверждают себя как человеческие сущностные силы".⁴³ И эта ценность обладает общественно-историческим содержанием. В "Немецкой идеологии" отмечается "связь наслаждений индивидов каждой эпохи с классовыми отношениями и порождающими их условиями производства и общения, в которых живут эти индивиды, ограниченность прежних форм наслаждения, находившихся вне действительного содержания жизни людей и в противоречии с ним..."⁴⁴.

По сути дела, все духовные состояния человека, связанные с актуализацией ценностей обладают "двойным бытием": и в качестве способа освоения ценности и в виде самой ценности. Человеческие эмоции могут выступать и как оценки и как ценности.⁴⁵ В книге одного из докладчиков "Римского клуба" Эрвина Ласло "Системизм — новое видение мира" ценности рассматриваются как факторы культуры. Основными культурными ценностями, по его мнению, являются рациональность, эмоциональность, богатство воображения, глубина веры, которые находят выражение в философии, религии, искусстве, литературе.⁴⁶ Все эти духовные качества действительно могут быть ценностью в определенных ситуациях как способности человеческой личности, как "человеческие сущностные силы", но это не снимает вопрос о предметных ценностях культуры.

То, что определенные психические свойства человека становятся ценностями, не отрицает методологической важности различения объективной и субъективной сторон ценностного отношения, ценностного бытия, wertsein и оценочного сознания.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 122.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 419.

⁴⁵ См. об этом в книге Б.И. Додонова "Эмоция как ценность" (М., 1978).

⁴⁶ См.: Фролов И.Т. Актуальные философские и социальные проблемы науки и техники. — "Вопросы философии", 1983, № 6, с. 22-24.

Ценностные представления, и способы и критерии, на основе которых производятся процедуры оценивания (эмоции, вкусы, идеалы, нормы, каноны, образцы) могут быть ценностями, но могут и не быть ими. Они являются ценностями, обладая определенными объективными значениями для человека и общества, возникающими в процессе общественно-исторической практики. Не всякие эмоции есть ценность. Отрицательные эмоции отнюдь не ценны. Не любой вкус — ценность. Вкус может быть и дурным. Не всякий идеал прекрасного, т.е. эстетический идеал, есть прекрасный идеал. Идеалы общественной и личной деятельности, безусловно, могут иметь значение ценности, но могут и не иметь, как, например, идеалы фашизма. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что ценности — это и есть идеалы.

Идеалистическая "философия ценностей" возникла в то же самое время, когда основоположники марксизма создавали свои основные труды. И в этих трудах, как мы стремились показать, ставились и решались с диалектико- и историко-материалистических позиций коренные проблемы теории ценности. Сторонники "философии ценностей" противопоставляли ценности научному познанию мира. Ценностное отношение, действительно, отношение особое, не сводимое к научно-теоретическому освоению мира, что К. Маркс понимал более, чем кто-либо другой: "Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, — способом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира".⁴⁷ Но само "практически-духовное освоение этого мира" — ценностное к нему отношение, как и все на свете, может быть и должно быть предметом научно-философского исследования, методологические основы которого и были заложены в трудах К. Маркса. Время, протекшее с тех пор, обнаруживает их все возрастающую актуальность и с точки зрения теории ценности.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 38.

К. МАРКС И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЗНАНИЯ

К.Х. Делокаров, Х. Оманов

Успехи в разработке философских проблем развивающегося естественнонаучного знания с позиций диалектического материализма общепризнаны. Меньше внимания уделяется тем изменениям, которые происходят внутри этой области знания, логике развития философских проблем естествознания. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на один аспект этого процесса — специфику интегративных тенденций в современной науке в контексте марксовской концепции единой науки.

Философия, осмысливая и обобщая различные, подчас противоречивые процессы, происходящие в современной науке, все больше приходит к сознанию истинности предположения Маркса о единой науке. К. Маркс писал: "Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука".¹ Тенденции современных исследований в области философских проблем естествознания, таковы, что отчетливо прослеживается изменение предмета философских исследований в этой области от изучения философских вопросов отдельных теорий к изучению философских вопросов отдельных научных дисциплин и от него — к философскому рассмотрению проблемы взаимосвязи и взаимодействия природы и общества. При этом эволюция проблематики от исследования статуса и философского содержания отдельных понятий тех или иных фундаментальных научных теорий к изучению философских проблем физики или естествознания в целом не самоцель.

В дальнейшем эта работа неизбежно приводит к необходимости исследования социального статуса науки, что связано с

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

изучением проблемы взаимодействия естественных и общественных наук. Синтезирующим центральным в подобного рода работах выступает проблема человека. Осознается движение бессубъектного естествознания к человеку, учету его целей и стремлений. Такой процесс оказывается связанным с традициями марковского подхода к проблеме взаимосвязи истории природы и истории человека. Методология процесса познания, отмечая этот факт, может способствовать более осознанному взаимопроникновению естественных и общественных наук, поскольку переориентация процесса поиска новых форм движения естествознания к общественному и наоборот может стать более осознанной и целенаправленной. Таким образом открываются новые грани ленинской идеи союза философии и естественных наук, которая оказывается тесно связанной с марксовской концепцией единой науки. В подобной ситуации "познавательным идеалом становится уже не физика, а определенное человеческое естествознание"². Естественно, что в подобной теоретико-познавательной ситуации усиливается обратное влияние общественных наук на естественные науки.³ При этом, как отметил Б.Г. Ананьев, происходит "превращение проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки".⁴

Эта ситуация еще не до конца понята исследователями и не всегда связывается с такими марксовыми положениями как то, что Маркс смотрел на развитие общества как на естественно-историческую необходимость или с тем, что существует лишь одна наука — наука истории. Суть происходящих в современном общественном сознании сдвигов — осознание зависимости естественных наук от общественных (и наоборот) и в свою очередь зависимости тех или других от человека, его потребностей.

Цель единой науки — "целостность развития... всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни

² Вихарев Р.А. Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М.: 1981. вып. 3, с. 89.

³ См. там же, с. 197.

⁴ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. с. 6.

было заранее установленному масштабу".⁵ Такая программа не может быть реализована раз и навсегда. Целостность подобного рода — результат овладения как законами природы, так и законами мышления и общественного развития в их единстве и диалектическом взаимодействии. Объективирование или субъективирование одной из сторон — истории природы или истории общества — противоречит исходной цели, ибо без единства природы и общества не может быть достигнута целостность развития человеческих сил. Поскольку сама природа человека исторична, то есть она суть продукт истории, то социальная сущность человека, формирующаяся в истории, опирается на учет природных основ бытия. Марксистская концепция человека не отождествляет и приравнивая социальное и биологическое в личности, тем не менее не игнорирует биологическое в человеке, ибо снятие биологического в социальном диалектическое, поскольку "снять" можно только то, что имеется в основании в какой-то форме.

Концептуальной является мысль Маркса, что "промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку".⁶ Именно в промышленности, в практике раскрывается и проверяется диалектика природы вскрытой естествознанием. Диалектика субъектно-объектная, присущая знанию, в данном случае естествознанию, снимает, точнее, вскрывает диалектику природы. Представляет в связи с этим интерес диалектика "опредмечивания" и "распредмечивания" у Гегеля и Маркса.

Диалектика "опредмечивания" и "распредмечивания" может быть рассмотрена как аспект диалектики субъектно-объектных отношений. Сама же проблема распредмечивания по-разному истолковывается исследователями. Так, Т.И. Ойзерман рассматривая распредмечивание со стороны объекта, истолковывает сам процесс распредмечивания как происходящее одновременно с "опредмечиванием". При этом, по его мнению, возникает общее "единство опредмечивания (человеческой деятельности) и рас-

⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Часть первая. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 595.

предмечивания (природы)"⁷. Такое понимание диалектики опредмечивания и распредемечивания связано у Ойзермана с тем, что, на его взгляд, Маркс в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" писал о "распредемечивании" как о процессе возвышения объективного природного до социального уровня, о его "втягивании" в орбиту социальности, объединяя в рамках общей постановки вопроса природное в самом человеке и природное в объектах приложения его сил.⁸

И.С. Нарский, проанализировав вышеприведенные положения под углом зрения связи "опредмечивания" и "распредемечивания" с трудом и отчуждением, пишет, что у Маркса "распредемечивание" связано с двумя процессами: "с одной стороны, ... имеется в виду процесс, соединенный накрепко с "сущностью труда" и означающий возвышение животного до человека, т.е. подъем биологического - до социального, природного - до общественного. В этом смысле "распредемечивание" берется со стороны природы, объекта. С другой стороны, "распредемечивание" ... рассматривается в соединении с сущностью не труда вообще, но именно труда отчужденного, а значит, со стороны процесса ликвидации отчуждения".⁹ Пользуясь гегелевской терминологией "распредемечивание" представляет собой "выход природного из отчужденного состояния в состояние социальное"¹⁰, ибо, по мнению Г. Гегеля, социальное менее отчужденно, чем неорганическая и биологическая природа, поскольку общество более духовно, чем природа.

Напомним также широко известное положение К. Маркса, что "... Общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы".¹¹

⁷ Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М., 1974, с. 212.

⁸ См.: Нарский И.С. Отчуждение и труд. По страницам произведений Маркса. М., 1983, с. 107.

⁹ См.: Нарский И.С. Отчуждение и труд. По страницам произведений Маркса. М., 1983, с. 106-107.

¹⁰ Там же, с. 107.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, стр. 590.

В этом же русле идут и мысли Энгельса о том, что "... В конце концов природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя".¹²

Приведенные положения, несмотря на то, что они написаны преимущественно в период становления марксовых воззрений на природу, общество и мышление, идейно примыкают к основной цели всей программы Маркса — свободе человека в условиях коммунизма.

Цель марксовой идеи — достижение человеком свободы, ликвидация зависимости от естественности. По Марксу должна быть преодолена не только зависимость от социальных условий, порожденных капиталистическими производственными отношениями, но и от железной необходимости существующей в природе. Преодолев "экономическую необходимость", "экономический детерминизм" человек должен ликвидировать отчужденность и свою зависимость от природы. В этом должна помочь наука, единая наука, которая будет "вращаться" вокруг человека, его целей и потребностей.

Поэтому смысл марксовой формулы (марксового тезиса) о единой науке видимо не в том, что в будущем будет создана одна интегративная наука, синтезирующая все остальные науки. Гипотетичность подобного истолкования современных интегративных процессов не только в том, что на всех этапах развития познания, в том числе и в наши дни, интегративным процессам противостоят процессы дифференциации знания. Поэтому единая наука — не синтез многих частных фактов и теорий, а наука, отвечающая на вопрос "что есть человек" и "его свобода". Маркс и Энгельс специально отмечали, что "свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"¹³, подчеркивая единство, целостность индивида и общества, поскольку конечная общественная цель коммунизма всестороннее развитие каждого и всех одновременно.

В "Тезисах о Фейрбахе" К. Маркс подчеркнул необходимость практического отношений к действительности. По мнению

¹² Энгельс Ф. — Джорджу Уильяму Ламплу от 11 апреля 1893 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, стр. 56.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 4, с. 447.

Маркса, реальность раскрывается не тогда когда действительность берется в форме объекта, а с учетом человеческой чувственной деятельности, практики, субъективно.¹⁴ При таком подходе человек "не только природное существо, он есть человеческое природное существо".¹⁵ Поэтому животные, камни, воздух и т.д. в теоретическом отношении являются частью человеческого сознания, а "в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности".¹⁶

Все эти принципиальной важности положения имеют существенное значение для науки в целом, для истинной трактовки предмета как общественных, так и естественных наук. Подобным же образом все рассуждения Маркса по собственно философским проблемам бытия и познания, специфика новой философии имеет отношение к философским вопросам естествознания, методологии процесса познания. В свете этой формула о развитии общества как естественно-исторической необходимости, на наш взгляд, может быть понята как единство естественного (как природного) и исторического (как социального). Поэтому, хотя Маркс непосредственно и не занимался философскими проблемами естественных наук, но всегда имел в виду принципиальную важность природы в системе человеческих отношений. Вообще вопрос об отношении Маркса к естественным наукам интересен и малоизучен.

Отношение Маркса к естествознанию, его философским проблемам нашло отражение не только в тех высказываниях, когда Маркс непосредственно касался и отмечал действие диалектических законов в естествознании¹⁷ или оценивал методологическую и мировоззренческую значимость таких научных открытий,

¹⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

¹⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 164.

¹⁶ Там же, с. 92.

¹⁷ См.: Маркс К. Капитал. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 318; Маркс - Энгельсу, 22 июля 1857 г. - Маркс К. Энгельс. Соч., т. 31, с. 260.

как теория Коперника¹⁸ или теория Дарвина. Взгляды Маркса по проблеме "философия" и "естественные науки" выражены еще и в ~~тех~~ работах, где, во-первых, Маркс пишет о науке вообще, ее социальной и философско-методологической сути, и, во-вторых, тогда, когда Маркс один или с Энгельсом анализирует суть своего материализма. Эти два последних источника не всегда учитываются при обсуждении данной проблемы. Между тем, при анализе специфики употребления Марксом понятия "наука" выявляются интересные моменты, в частности, и такие, которые имеют непосредственное отношение к философским проблемам естествознания.

Особый интерес представляет концептуальный анализ идей Маркса в "Немецкой идеологии", "Святом семействе", "Экономическо-философских рукописях 1844 года", "Нищете философии", "Тезисах о Фейербахе" о сущности нового материализма в плане решения им проблемы соотношения философии и науки, ибо сущность философии диалектического материализма лучше раскрывается не только в противопоставлении предшествующей философской традиции вообще, Гегелю и Фейербаху в особенности, но и в сопоставлении с другими формами общественного сознания, в частности с наукой. Вообще систематические споры по проблеме "философия и естественные науки" касаются всегда проблема сути философии, его предмета и функции. Поэтому анализ взаимосвязи философии и естествознания одновременно есть раскрытие предмета философии.

Для обсуждаемого нами вопроса — Маркс и его отношение к философским проблемам естествознания, — представляет, как было отмечено выше, интерес обратное исследование проблемы взаимоотношения нового материализма и естественных наук в трактовке Маркса через раскрытие сути его философской позиции. Известно, что Маркс высоко ценил работу Ч. Дарвина "Происхождение видов", неизменно подчеркивая ее философско-мировоззренческую значимость. В связи с этим следует иметь в виду, что именно биология впервые сделала более явным возможность немеханического подхода к миру. Узость и ограничен-

¹⁸ См.: Маркс К. Переловца в № 179
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. III.

ность механицизма, таким образом, стали более явными внутри физики и в смежных областях знания. Восторженное отношение Маркса к эволюционной теории Дарвина, — первой систематической немеханической естественнонаучной теории, — связано, таким образом, и с тем обстоятельством, что новые идеи английского ученого вписывались в структуру нового, диалектико-материалистического мировоззрения.

На это обстоятельство позднее указывал и Энгельс, который в "Диалектике природы" писал: "... чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом..."¹⁹.

Маркс и Энгельс, сформулировав исходные положения диалектического материализма, сформулировали, естественно и принципы взаимоотношения философии и естественных наук, показав ошибочность как их противопоставления, так и их отождествления. Однако, они не имели возможности в деталях заниматься "естественнонаучным наполнением" своих философско-методологических идей о пространстве, времени, причинности, необходимости и т.д. Большое внимание этой стороне диалектического материализма смог уделить Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге" и особенно в "Диалектике природы", которая осталась неоконченной.

Несмотря на это, основоположники нового материализма разработали целостную концепцию бытия и познания, решив на общем философском уровне проблемы, вставшие перед познанием и революционным движением. Поэтому Маркс и Энгельс, а не только Энгельс занимались проблемой соотношения философии и естествознания, ибо вопрос этот является частью более общей проблемы о статусе философии марксизма, ее предмете, функциях по отношению к другим формам общественного сознания и революционной практики. В связи с этим работы Энгельса по диалектике природы суть реализации философско-методологической программы, разработанной Марксом и Энгельсом совместно в та-

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с. 141.

Этих работах, как "Святое семейство", "Нищета философии", "Анти-Дюринге" и т.д. И хотя не все эти работы написаны совместно, они возникли в сотрудничестве Маркса и Энгельса, основные идеи этих работ обсуждались в переписке между ними и т.д. Только предвзятое отношение к историческим фактам, очень сильное желание найти расхождения между Марксом и Энгельсом может привести к желаемым результатам.

Естественно, это не означает, что у Маркса и Энгельса не было своеобразия. Возможно, те или иные примеры, ход рассуждения, а также приводимые факты могли быть различны. Но в главном, существенном они были едины, и единство это в диалектико-материалистическом мировоззрении. Поэтому все попытки противопоставления идей Маркса и Энгельса носят предвзятый характер и не соответствует действительному положению дел.

Ряд интересных мыслей высказал и В.И. Ленин по этому вопросу. В частности, В.И. Ленин положительно оценил утверждение А. Рея о том, что "наука не может решиться считать навсегда изолированными различные разряды фактов, ради которых она разбилась на особые науки. Это деление имеет вполне субъективные и антропоморфические причины. Оно возникает единственно из потребностей исследования, побуждающих размещать вопросы рядами, сосредотачивать внимание отдельно на каждом из них, начинать с частного, чтобы прийти к общему. Природа сама по себе есть целое".²⁰ В.И. Ленин считал такую интерпретацию науки "приближением к диалектическому материализму". В этом положении есть принципиально важная мысль о целостности природы, единстве различных наук, отражающих ее. Поэтому наука в своем развитии преодолевает изолированность, присущую отдельным ее отраслям. Таким образом, интеграционные процессы, происходящие в познании, имеют объективную основу — целостность природы.

Вместе с тем А. Рей преувеличивает элемент субъективности, вносимый исследователем в природу изучаемых явлений, когда он делит науки на физику, химию и т.д. Французский философ считает такое деление субъективным и антропоморфным,

²⁰ Ленин В.И. Философские тетради. — Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 502.

возникающим единственно "из потребностей исследования". Между тем деление наук на отдельные научные дисциплины имеет не только субъективные, но и объективные причины, поскольку природа не только едина и целостна, но она едина в многообразии и объективно имеет различные структурные уровни, формы движения. С точки зрения диалектики единство не исключает многообразия форм, а предполагает его. Подобно этому целостность опирается на множество качественно не сводимых друг к другу элементов.

Что же более фундаментально: единство и целостность мира или его различия и многообразия? С точки зрения диалектики такой вопрос, видимо, не корректно поставлен. Конкретность истины требует более точной, с учетом условий, постановки вопроса.

Принципиальное единство знания отмечают и диалектически мыслящие современные ученые. При этом характерно, что они отмечают не только единство цикла естественных или цикла общественных наук "внутри" себя, но и целостность наук о природе и наук об обществе. Так, основоположник квантовой физики М. Планк писал: "Наука — представляет собой внутренне единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу".²¹ Однако в целом современная наука находится в начале пути осознания всей методологической ценности марксовской формулы о единстве знания. Взаимодействие естествознания и обществознания, имеющее место в современной науке, образование научных направлений, лежащих на стыке наук о природе и наук об обществе, — предпосылка этого процесса. И если прошедший XIX в. в определенной мере был "веком физики", а сейчас только наступает "век биологии", то будущее принадлежит веку единой науки, в центре которой будет находиться человек, то-есть он будет "веком человекознания".

²¹ Планк М. Избранные труды. М., 1975, с. 590.

МАРКС, ЛАССАЛЬ И ГЕРАКЛИТ

М. Абрамов

В декабре 1857 г. Маркс узнал, что его старый знакомый еще по Германии, адвокат и публицист Ф. Лассаль написал большую работу о Гераклите Темном из Эфеса. Это известие вызвало у Маркса сложное чувство. К Лассалю он питал вполне обоснованное (как оказалось впоследствии) политическое недоверие¹. И вот преуспевающий адвокат, известный по громкому процессу, где защищал графиню Софию Гацфельд от тирании мужа, вдруг "взялся за философию, за Гераклита как за гацфельдтский процесс, и, если верить ему, в конце концов выиграл и этот свой процесс"².

Античная культура, философское наследие Древней Греции на протяжении всей жизни воспринималась Марксом интимно и заинтересованно. Его докторская диссертация, как известно, была посвящена сравнительному анализу атомистических учений Демокрита и Эпикура, любимым драматургом был Эсхил. Маркс постоянно читал древнегреческих авторов в оригинале. Такое внимание и пристрастие не случайны. Дело не только в том, что Древняя Греция принадлежала к странам древнего мира "наиболее высокого исторического развития"³. Представляется, что известные слова Маркса о искусстве и эпосе древней Элады, являющиеся до сих пор в известном смысле нормой и недо-

¹ Об отношении Маркса к Лассалю см.: Меринг Ф. Карл Маркс, история его жизни. М., 1957, с. 201-203 и вступительная статья к этому изданию Б. Крылова и Н. Колпинского, с. 10-17. См. также сб.: Памяти Лассаля. ГИЗ Украины, 1925, с. 105-129.

² Маркс - Энгельсу, 22 декабря 1857 г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 193.

³ Маркс К. Передовица в № 179 "Kölnische Zeitung". Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98.

связанным образом — относятся ко всей античной культуре⁴.

Несомненно, что получив в начале 1858 г. на отзыв громадное (60 п.л.) сочинение Лассаля Маркс испытывал некоторую горечь от сознания того, что ему самому уже не придется всерьез заняться греческой философией, Гераклитом, философом любимейшим из всех древних после Аристотеля, тогда как более молодой, приткий скорописец не затруднился разразиться пространнымopusом на сложнейшую тему.

Не удивительно, что первая реакция Маркса — отрицательная. Он высмеивает показную эрудицию Лассаля — "как дешево стоит это нагромождение цитат, когда имеешь время и можешь как г-н Лассаль *ad libitum* (по желанию М.А.) получить присланную на дом всю боннскую университетскую библиотеку"⁵. Признававшего только основательные, доскональные исследования Маркса неприятно поразила та легкость с какой автор взялся за проблему.⁶ Более того, Маркс подозревает, что Лассалем руководили вненаучные мотивы в исследовании. В письме к Энгельсу он рисует сатирическую сценку как тщеславный адвокат разгуливает взад и вперед по улицам Берлина и набивает себе цену", распускает хвост как павлин, и, что ни шаг, то остановка: прикусывание губ и "политический взгляд", как бы говорящий: "вот человек, который написал "Гераклита".⁷

Между тем, "легкое", как его определил Энгельс, отношение Лассаля к феномену Гераклита ничем не оправдано. Систематическое собирание и изучение текстов эфесского мудреца только начиналось. В 1807 г. Ф. Шлейермахер впервые в Герма-

⁴ См.: Из рукописного наследия К. Маркса. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 736. Освоение и популяризация в различных формах, в том числе и в рамках классического образования, античного наследия важнейшая, ничем не компенсируемая задача, важный фактор эстетического и нравственного формирования личности.

⁵ Маркс — Энгельсу, 1 февраля 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 222.

⁶ Косвенно в письме к Лассалю Маркс намекнул на особую трудность проблемы Гераклита, упомянув, что он проделал подобную работу над "гораздо более легким философом Эпикуром. (Маркс — Лассалю, 31 мая 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 457).

⁷ Маркс — Энгельсу, 22 декабря 1857 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 193.

ним издал, извлеченные из различных сочинений древних несколько десятков фрагментов утраченной книги Гераклита "О природе". Его работу продолжил Бернайс в монографии, вышедшей в 1848 г.⁸ Собранные к настоящему времени усилиями ученых многих стран около 130 фрагментов составляют по расчетам некоторых исследователей 1/5 часть всего сочинения. Трудность их прочтения усугубляется "темным" оракульным стилем Гераклита, также как и его принадлежностью к начальной поре философской мысли, когда теоретический инструментарий, логические нормы и законы мышления только начали складываться и осознаваться, а "задолженность" мифологическому мышлению была еще весьма велика...

Все это создавало почву для двух тенденций в истолковании наследия эфесца: архаизации и модернизации. Платон, который приписывает гераклитизму алогизм и релятивизм, относил его к дофилософским формам мышления. в "Теэтете" Платон связывает "несущееся бытие" Протагора с гераклитовскими взглядами и при этом объединяет гераклитовцев и гомеровцев, а также более древних (!).⁹ Влиятельнейшим представителем второй тенденции был Гегель, который приписывает Гераклиту идею единства бытия и небытия, как развертывание спекулятивной мысли о принципе чистого становления. При этом Гегелю несколько не мешает отсутствие терминов бытия (τὸ ὄν) и небытия (τὸ μὴ ὄν) в сохранившихся текстах Гераклита. Ему достаточно высказывания πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι - "все существует и не существует", а также известного фрагмента "В одну и ту же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем."¹⁰

Для представителей обеих тенденций в "гераклитоведении" типично игнорирование переходного характера мышления Гераклита. Его "приближение" к "постигающему в понятиях мышлению", его "отвлеченные построения" выражаются не в абстрактных категориях, а в мощных символах-смысло-образах. Эту особен-

⁸ См.: J. Bernays. Heraclitea. Bonn, 1948.

⁹ См.: Платон. Теэтет. - Платон. Соч. в трех томах. Т. 2. М., 1970, с. 275 (179E).

¹⁰ См.: Материалисты древней Греции М., 1955, с. 45.

ность выделил Маркс, подчеркнувший, что единство утверждения и отрицания Гераклит уясняет при помощи "многих образов". Поэтому нет оснований превращать Гераклита в спекулятивного мыслителя, Гегеля древнего мира.¹¹ Но это и не религиозный пророк, черпающий вдохновение в мистериях или восточных священных преданиях. Он ориентирован на "умозрительные понятия", что явствует уже из первого фрагмента: "Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и таким делам, какия я излагаю, разделяя каждое по природе и разьясняя по существу".¹² (Разрядка моя.— М.А.). Разделение и разьяснение бинарных оппозиций и установление их нетавтологичности и есть "ноетика" Гераклита, его подход к осознанию логических законов тождества и противоречия и к теоретическому нормированному мышлению вообще.¹³

Ясно, что для ответа на вопрос, что в учении Гераклита принадлежит традиционному, дофилософскому мышлению, а что новой, "становящейся" форме рациональности требовались обширные и тщательные, филологические и общеполитические исследования в сочетании с максимальным выявлением социально-культурных условий эпохи Гераклита, в особенности экономической и политической жизни греческих колоний на малоазийском побережье в 6–5 вв. до нашей эры.

К середине XIX века такие исследования проведены еще не были, однако это меньше всего беспокоило Лассаля. Безоговорочное принятие гегелевской интерпретации избавляло его от каких либо сомнений в стратегии исследования, его собственная работа была задумана и осуществлена как "экспансия короткого очерка о Гераклите в гегелевской истории фило-

¹¹ См.: Маркс — Энгельсу, 1 февраля 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 222.

¹² См.: Материалисты древней Греции, с. 41.

¹³ Там же, с. 45–49 (фр. 61, 62, 88; 49а и 91 ср. с. 12.— с. 42.

софий".¹⁴

Но вернемся к марксовой оценке лассалевской книги. Ее "предвзятость" в известной степени объясняется также и тем, что Маркс имел четкое представление о прогегелевской ориентации Лассаля, как историка философии. Напротив, его основательная филологическая подготовка была для Маркса сюрпризом, как он признавался Лассалю, если, конечно, это не просто комплимент.¹⁵

Маркс безошибочно предсказывает направление и дух еще не прочитанной книги, когда пишет Энгельсу: старики-филологи и гегельянци — были, в самом деле, поражены тем, что им довелось снова узреть такой посмертный цветок минувшей эпохи".¹⁶ Маркс, однако, намерен критически отнестись к работе. "Мы все же посмотрим эту вещь сами, и, хотя это даренный конь, все-таки пристально взглянем ему в зубы, — при обязательном условии, конечно, чтобы от Гераклита не пахло чесноком".¹⁷

Получив, наконец, в январе 1858 г. книгу Ф. Лассаля "Гераклит Темный из Эфеса", Маркс сообщает о своем первом впечатлении ("пока только заглянул") от нее в письме к Энгельсу, которое вполне подтверждает его прогноз: выдержана, кажется, в старогегельянском духе. При истолковании и сравнении текстов Лассаля помогла, вероятно, юридическая привычка к герменевтике.

Гегелевское толкование со всеми приемами юридического многословия доставляет нам двойное удовольствие — иронически констатирует Маркс: "во-первых, нам со всеми подробностями воспроизводят диалектические тонкости, которые мы почти уже позабыли; а во-вторых, это "умозрительное наследие" преподносится нам как плод особого филолого-юридического остро-

¹⁴ См.: Patrick G.T.W. *The Fragments of the work of the Heraclitus of Ephesus of Nature*. Baltimore. 1889. В книге дается весьма содержательный обзор гераклитоведения в Германии и Англии XIX века.

¹⁵ См.: Маркс — Фердинанду Лассалю, 31 мая 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 457.

¹⁶ Маркс — Энгельсу, 22 декабря 1857 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 193.

¹⁷ Там же. См. также. Ленин В.И. Конспект книги Лассаля "Философия Гераклита темного из Эфеса". — Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 29, с. 306.

умия и учености г-на Лассалья, направленных против неумозрительных филологов.¹⁸

Простудировав во время болезни книгу Лассалья (См. письмо к Лассалю от 31 мая 1858 г.), Маркс еще более утвердился в своем мнении, высказанном ранее, назвав в письме к Энгельсу от 1. II. 1858 г. труд Лассалья весьма пошлым и жалким произведением. Но на этот раз уничтожительная оценка вызвана не эмоциями, а серьезными претензиями научного характера.

Первая — несамостоятельность теоретической позиции Лассалья. По выражению В.И. Ленина, конспектировавшего книгу, Лассаль буквально "топит" Гераклита в Гегеле.¹⁹ Ученическое отношение автора "Гераклита Темного из Эфеса" к гегелевской диалектике сразу обесценивает для Маркса работу в целом. Лассаль точно школьник, "который на заданном уроке хочет сразу показать, что усвоил и его "сущность" и его "явление", и диалектический процесс. Когда школьник приходит к такого рода умозаключениям, то можно быть уверенным, что точно выразить процесс мысли он может все-таки лишь по заранее предписанному рецепту и в освященных обычаям формах. Точно также и наш Лассаль. Парень как будто задался целью уяснить себе на Гераклите гегелевскую "Логику" и отнюдь не успевает постоянно начинать этот процесс сызнова".²⁰

В.И. Ленин, солидаризируясь с Марксом, приводит выразительный пример "вкладывания Гегеля в Гераклита": "знаменитый фрагмент 30 в буквальном переводе гласит: мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим". Лассаль исправляет Гераклита под Гегеля так: "Мир — был, есть и будет непрерывным становлением, постоянно, но попеременно, переходя из бытия в (текущее) небытие, и из последнего в (текущее) бытие".²¹ Так Гераклит

¹⁸ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Лекции по истории философии". — Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 223.

¹⁹ См.: Ленин В.И. Конспект книги Лассалья..., с. 308.

²⁰ Маркс — Энгельсу, 1 февраля 1858 г., с. 222.

²¹ Ленин В.И. Конспект книги Лассалья..., с. 311.

становится "отцом объективной логики", превратившим натурфилософию в "философию мысли", которая признается принципом бытия" и т.д.²²

В результате, "несмотря на хвастовство этого парня, что до сих пор, дескать, Гераклит был книгой за семью печатями, он не прибавил, в сущности, абсолютно ничего нового к тому, что говорит Гегель в "Истории философии".²³

Между тем, знание гегелевской диалектики создавало для Лассаля определенные возможности. Дело в том, что большинство филологов, указывает Маркс, незнакомо с умозрительными понятиями, преобладающими у Гераклита. Это дает гегельянцу неоспоримое преимущество - понимать то, что не понимает филолог. "Было, впрочем, странно, - замечает Маркс, если бы изучая греческий язык, человек, тем самым, становился знатоком греческой философии, не будучи знатоком немецкой.²⁴ Для Маркса само собой разумеется, что с позиции более развитой и зрелой философской системы "проясняется" более раннее учение. Именно в это время Маркс работает над экономическими рукописями, получивших при первом издании в 1939 г. редакционное заглавие "Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857-1858", где затрагивает сходную проблематику. Так называемое историческое развитие, - пишет Маркс, - покоится на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе. Именно так буржуазное общество относится в предшествующим формациям. Поскольку оно является наиболее многосторонней исторической организацией производства, постольку его понимание его организации дает возможность проникновения в организацию и

²² Ленин В.И. Конспект книги Лассаля..., с. 313.

²³ Маркс - Энгельсу, I февраля 1858 г., с. 223. Малоубедительную попытку "реабилитировать" книгу см. в статье Ф. Меринга "Гераклит" Лассаля в кн. "Памяти Лассаля", с. 123-129.

²⁴ Маркс - Энгельсу, I февраля 1858 г., с. 223.

производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которого оно строится. Эта мысль кристаллизуется в известном афоризме: анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны.²⁵ Однако, возможность познания предшествующих ступеней реализуется только при условии отказа от абсолютизации собственного состояния, т.е. при условии самокритики, на что буржуазная мысль по замечанию Маркса, бывает способна крайне редко.

В этой связи ясно, что точка зрения Гегеля, "который впервые постиг историю философии в целом",²⁶ т.е. понял ее в перспективе как целостный диалектический процесс, давала Лассалю возможность понимать и видеть то, что не понимали и не видели филологи, чья герменевтика не шла далее грамматического и психологического уровня текста-в-себе. Филологи, впрочем, оспаривают эту возможность, абсолютизируя процесс "понимания" и запрещая или дискредитируя "интерпретацию" как неадекватный способ трансляции текста в более широкий культурный контекст.

Вопрос имеет давнюю традицию и восходит еще к старым спорам о допустимости аллегорического толкования мифов, а позднее и Библии.²⁷ В отношении текстов Гераклита вопрос стоит так: правомерно ли усматривание философского, концептуального содержания в них, наряду с обыденным и поэтически-метафорическим контекстом. Г. Чернисс во влиятельной работе, посвященной аристотелевскому истолкованию досократической философии,²⁸ утверждает, что в историко-философском введении в метафизику в так называемой Альфа-Метафизике Аристотель насильственно подогнал первых натурфилософов под свое учение о четырех причинах. Такой подход блокирует всякие попытки

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 731.

²⁶ Маркс — Фердинанду Лассалю, 22 февраля 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 447.

²⁷ Оживление интереса в нашей литературе к данной проблематике зафиксировано в ряде статей, напр., С.М. Браиовича ("Философские науки", 1976, № 6), Г.И. Рузавина и В.Н. Филатова ("Вопросы философии", 1983, № 10).

²⁸ Cherniss H. *Aristotle's criticism of democratic philosophy.* Baltimore, 1935.

истолковать наследие досократиков с позиции последующего развития философской мысли, оставляя при этом, возможность архаизации содержания текстов, "опрокидывая" их в прошлое.²⁹ Но если уж Аристотель, наследнику и систематизатору древнегреческой философской мысли, представителю той же языковой культуры, что и досократики, не дозволяется концептуально реконструировать их наследие, что же говорить о соотношении разноязычных культур, например, римской и эллинской, европейской и индийской или китайской!

Возникает ситуация аналогичная той, что создалась в квантовой механике, когда исходя из соотношения неопределенностей Гейзенберга Н. Бор постулирует принцип дополнительности. Впоследствии Бор распространяет его и на другие научные дисциплины, в том числе и гуманитарные. В нашем случае проблема стоит так: если "понимание" в чем-то непередаваемо ("соотношение неопределенностей"), то является ли любая интерпретация текста-в-себе "дополнительной"? Как нам представляется, тексты досократиков не трансцендентны в отношении к системе мировой культуры вообще и европейской в частности. Их переходный характер от одной, донаучной, к другой, теоретической форме рациональности обуславливает их амбивалентность, но они в принципе транслируемы. Они и были т р а н с л и р о в а н ы.³⁰

Другое дело, что этот процесс выявил такие стороны, аспекты учений досократиков, которые субъективно ими не предполагались. Но так происходит с любым феноменом культуры, особенно с литературными произведениями и произведениями искусства. То, что это имеет место и в философии, несмотря на ясное самосознание многих философов, было очевидно для Маркса. Так указав, что система Гераклита существует только "в-себе", а не в качестве осознанной системы Маркс ссылается

²⁹ Что и было сделано Р. Приером. см.: *Prier R.A. Archaic Logic. Symbol and Structure in Heraclitus, Parmenides and Empedocles Hague-Paris, 1976.*

³⁰ Показательно, что отсутствие в арабском языке глаголь-связки "есть", может быть, основного в философской терминологии эссенциальной древнегреческой мысли, не помешало адекватному и проникновенному развитию восточного (арабского) перипатетизма.

на Спинозу, у которого внутреннее строение системы "совершенно ведь отлично от той формы, в которой он ее сознательно представил".³¹ Доказательством того, что эта мысль высказана не случайно, а является частью продуманной и реализованной методологической программы Маркса, служит его письмо к М.М. Ковалевскому, написанное спустя двадцать с лишним лет. Маркс в нем замечает, что необходимо различать то, что какой либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении". Это справедливо даже для философских систем: так две совершенно различные вещи - то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень".³²

Не следует, однако, упиваться своим превосходством над Спинозой. Наша собственная позиция также должна быть самокритичной, недогматической. Здесь-то и содержится главная претензия Маркса к Лассалю, высказанная им в письме от 31 мая 1858 г: "мне хотелось бы найти в самой книге свидетельского твоего критического отношения к гегелевской диалектике". Отнестись критически для Маркса значит подойти к явлению "стратегически", видеть историческую социально-культурную и теоретическую обусловленность феномена, его генезис и перспективу, не упуская при этом и положительное содержание. В отношении диалектики Гегеля, как метода историко-философского исследования Маркс был убежден, что ее необходимо было подвергнуть преобразованию: "насколько эта диалектика есть безусловно последнее слово всей философии, настолько же крайне важно, с другой стороны, освободить ее от мистической оболочки, которую она имеет у Гегеля".³³ Некритически восприняв гегелевскую диалектику Лассаль по сути дела применил абстрактную готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе" - таков беспощадный приговор Маркса методологии Лассалья, изоблачающий "старомод-

³¹ Маркс - Фердинанду Лассалю, 31 мая 1858 г, с. 457.

³² Маркс - Николаю Францевичу Даниельсону, 10 апр. 1879 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 287.

³³ Маркс - Энгельсу, 1 февраля 1858 г. с. 224.

Нужно судить в молодом человеке, пользующимся репутацией великого революционера".³⁴

... Небольшой эпизод на периферии интеллектуальной биографии Маркса...

³⁴ Маркс - Энгельсу, 1 февраля 1858 г. с. 224.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МАРКСИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В.А. Жучков

Вопрос об отношении марксизма к немецкой классической философии — одному из своих теоретических источников — достаточно подробно и всесторонне исследован как в работах самих классиков марксистско-ленинской философии, так и в обширной литературе на эту тему. Вместе с тем, здесь имеется еще немало и невыясненных вопросов, недостаточно тематизированных аспектов, требующих дальнейшего и специального анализа. В частности, интересно сопоставить некоторые оценки Марксом и Энгельсом гегелевской философии с той идейной борьбой и полемикой, которая имела место между отдельными представителями немецкой классической философии, внутри сложного и противоречивого процесса ее развития от Канта до Гегеля и Фейербаха.

Хорошо известно, что важнейшими теоретическими предпосылками для становления марксистской философии были гегелевская диалектика и материализм Фейербаха, подвергнутые соответствующей критике за идеалистический характер первой и метафизическую ограниченность второго. Очевидно, однако, что возникновение и развитие диалектического материализма вовсе не шло по пути механического соединения "источников", имен и идей и "исправления" недостатков одних с помощью других. Качественное отличие материализма Маркса и Энгельса от французского и феербаховского материализма вряд ли можно объяснить "синтезом" последнего с гегелевской диалектикой, точно также как материалистическую диалектику считать всего лишь результатом "переворачивания" гегелевской диалектики "с головы на ноги". Классики марксизма использовали эти понятия скорее как способ обозначения проблемы, образной характеристики сложного, длительного и внутренне противоречи-

вого процесса формирования нового мировоззрения, расставания со своими собственными ранними иллюзиями и заблуждениями, поиска реальных ответов на старые и новые проблемы.

Богатейший материал для анализа этого процесса содержится в ранних работах Маркса и Энгельса и, в частности, в развешиваемой в них критике гегелевского идеализма, в ходе которой шло постепенное вызревание их собственных материалистических воззрений и которая имеет важное значение для понимания существа осуществленного ими революционного переворота в философии. Не случайно 30 лет спустя в послесловии ко второму изданию "Капитала" в 1873 г. Маркс подтвердил справедливость той критики мистифицирующей стороны гегелевской диалектики, какой он подверг ее в ранних работах.¹

Тем не менее, анализ этой критики с точки зрения более поздних работ, более зрелых, уже сформировавшихся идей и воззрений Маркса и Энгельса позволяет обнаружить в ней некоторые скрытые, эзотерические, не выявившиеся в адекватной форме идеи, еще недостаточно отраженные тенденции и замыслы, еще не доведенные до окончательного логического завершения выводы и обобщения. Именно поэтому при изучении раннего творчества Маркса и Энгельса необходимо использовать те принципы анализа, которые они сами впоследствии выработали в качестве научного метода исследования исторического и историко-философского процесса (метод восхождения от абстрактного к конкретному, диалектического соотношения исторического и логического, принцип реконструкции или выявления "внутреннего строения", "имманентной определенности" философской системы и т.п.²).

В своей критике гегелевского идеализма Маркс и Энгельс не только стремились вскрыть "рациональное зерно" под "мистической оболочкой" системы Гегеля, преодолеть ее противоречия, ошибки и заблуждения, но также косвенно или опосредованно исправить некоторые гегелевские оценки предшествующих философских систем и, в первую очередь, тех, которые вошли в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, М., 1956, с. 211-212; Соч., т. 12, с. 727, 731; т. 29, с. 457; т. 34, с. 287; т. 40, с. 136-137.

состав немецкого классического идеализма. В ранних работах Маркса и Энгельса мы находим сравнительно мало ссылок на имена Канта, Фихте и Шеллинга, а тем более непосредственного анализа их философских идей. Тем не менее в своей критике Гегеля Маркс и Энгельс объективно, по существу затрагивали поставленные ими проблемы, давали их новую, весьма отличную от гегелевской интерпретацию и оценку.

На этом моменте стоит остановиться более подробно. Иногда в литературе, а чаще в педагогической практике порой можно столкнуться с мнением, что гегелевская философия, несомненно представляющая собой высший и наиболее плодотворный продукт немецкой классической философии, вобрала в себя все ценное, что было у ее предшественников. Подобное, несколько телеологизированное, представление является, однако, в значительной степени односторонним и в ряде моментов некритически заимствованным у самого Гегеля. Анализ ранних работ Маркса и Энгельса, особенно их критики в адрес Гегеля, показывает, что сами классики марксизма представляли себе этот процесс несколько иначе.

В самом деле. В философских учениях Канта, Фихте, Шеллинга можно найти немало моментов, которые Гегель либо обошел, либо исказил и реальное проблемное содержание которых получило научную разработку только в философии марксизма. Едва ли не классическим образом может служить кантовское учение о вещи в себе в значении объективной, существующей независимо от познания и сознания реальности. Не случайно это учение стало объектом критики Канта "справа", борьбы между материализмом и идеализмом в послекантовской философии, борьбы, в которой Гегель оказался "по ту сторону баррикад" не только по отношению к Марксу, но и к Канту.

В философии Фихте непреходящее значение сохраняет принцип деятельной, активной человеческой субъективности, сознающей себя через не-Я, через свое эмпирическое проявление, которая сама творит свою историю, создает условия общественного бытия и исторического развития. У Гегеля эта фихтеанская идея получила, если так можно выразиться, дополнительную мистификацию в понятии "хитрость разума", согласно которому представление о том, что человечество само творит свою исто-

рию, оказывается всего лишь иллюзией, а на деле исторический процесс осуществляется согласно абсолютной идее, лишь оцудаем, средством реализации которой оказывается реальный исторический субъект. Единственно действительным, самостоятельным субъектом у Гегеля выступает абсолютный разум, идея, а "действительные субъекты ... становятся ... недействительными".³

В ряде отношений натурфилософские идеи Шеллинга оказались более перспективными и плодотворными, нежели философия природы у Гегеля, не говоря о том, что в решении вопроса о соотношении естествознания и философии он во многом проигрывает по сравнению со своими предшественниками, причем не только в немецкой классической философии.

Можно привести и другие примеры, говорящие о том, что гегелевская философия далеко не всегда и во всем может рассматриваться как завершение и обобщение всей предшествующей истории философии, как диалектическое снятие и синтез всех ее достижений. Мы ограничим свой анализ этой темы вопросом об отношении между философией Канта и Гегеля, точнее даже между отдельными моментами их учений, ставших впоследствии предметом критического анализа у Маркса. Отметим также, что мы не имеем здесь возможности подробно остановиться на гегелевской оценке философии Канта как в целом, так и в деталях. Это — тема особого разговора, необходимость которого давно назрела хотя бы уже по той причине, что поставленная В.И. Лениным задача диалектико-материалистической переработки философии Гегеля включает в себя необходимость и критического анализа генезиса, реального процесса возникновения гегелевской диалектики, действительной логики ее формирования, логики, которая далеко не всегда совпадает с картиной, изображенной самим Гегелем.

Как известно, гегелевская критика кантовского агностицизма, противопоставления вещей в себе и явлений была высоко оценена В.И. Лениным. Усматривая в этой критике образец диалектического подхода к философии Канта, В.И. Ленин вместе с тем указывал, что эта критика была развита Гегелем "всецело

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 224; т. 27, с. 404.

и исключительно с точки зрения более последовательного идеализма"⁴. Двойственность Канта, его колебания между эмпиризмом (= материализмом) и идеализмом Гегель критиковал именно справа, не сумев понять "основную черту" его философии, а тем более дать ее подлинно научную оценку и критику. Мы уже не говорим о многочисленных идеалистических искажениях и фактических неточностях, которые нередко встречаются в гегелевском анализе кантовской философии. Весьма примечательно в этой связи и то, что, анализируя махистскую критику Канта справа за "компромиссную" вещь в себе, В.И. Ленин указывал, что здесь имеет место не только "чудовищное непонимание" Канта, но и "всего хода развития немецкой классической философии"⁵.

В интересующей нас теме мы рассмотрим критику Марксом и Энгельсом некоторых моментов гегелевской философии, в первую очередь ее идеализма, критику, в горниле которой выработались собственные материалистические воззрения классиков марксизма и сквозь призму которой можно выявить некоторые косвенные, неявные оценки кантовской философии, ряд объективных проблемно-содержательных параллелей и моментов соприкосновений.

Свой анализ темы мы начнем, однако, с работы Энгельса 1844 г. "Положение Англии. Восемнадцатый век", с работы, где ни разу не упоминается имя Канта, но которая имеет важное значение для понимания генезиса именно кантовской философии, общей идейной и философской ситуации, в которой она формировалась и ответом на которую в значительной степени явилась.

Ф. Энгельс пишет, что XVIII век был веком революции — социальной в Англии, политической во Франции и философской в Германии. В это время "знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т.е. сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой".⁶ Результатом это-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с. 151, 161, 187-188; ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 370.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 206.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, С. 599.

го сближения с наукой был материализм, имевший своей предпосылкой Ньютона и Локка.⁷

"Борьба против абстрактной субъективности христианства привела философию XVIII века к противоположной односторонности: субъективности была противопоставлена объективность, духу — природа, спиритуализму — материализм...". Но, продолжает Энгельс, XVIII век "не разрешил великой противоположности", а именно: "противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности". Неспособность разрешить это противоречие проходит, считает Энгельс, через всю английскую философию и "толкает ее к эмпирии и скептицизму".⁸

"Из того, что Бэкон не мог своим разумом разрешить противоречие идеализма и материализма, делали вывод, что разум вообще неспособен на это, идеализм был попросту отброшен, и единственный способ спасения стали видеть в эмпирии. Из того же источника исходит критика способности познания и психологическое направление вообще... В конце концов, после всех тщетных попыток разрешить противоречие, английская философия объявляет его неразрешимым, разум — недостаточным и ищет спасения либо в религиозной вере, либо в эмпирии. Юмовский скептицизм еще поныне является формой всякого иррелигиозного философствования в Англии". Скептики отказываются от решения вопроса о существовании бога, отличии духа от тела, о бессмертии души и т.д. Скептицизм "в области метафизической теории ... остается при своей неспособности к окончательному разрешению вопроса"⁹.

В этих замечаниях Энгельс весьма точно характеризует ситуацию, сложившуюся в философии нового времени во второй половине XVIII века. Соотношение философии и естествознания в этот период становилось все более содержательным, многосторонним и дифференцированным, их сближение носило все более

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 608.

⁸ Там же, с. 599-601.

⁹ Там же, с. 601-602.

отрефлексированный, осознанный характер, т.е. осуществлялось на основе выявления своей внутренней, самостоятельной специфики. Бурное развитие методов естественнонаучного познания поставило перед философами вопрос о возможности и правомочности их применения к решению собственно философских проблем, а с другой стороны выдвинуло задачу философского обоснования естественнонаучных методов мышления.

Именно Канту принадлежит историческая заслуга в попытке самостоятельной философской постановки и разработки этой проблемы и в то же время в обнаружении неспособности ее решения традиционными философскими методами, с неизбежностью приводящими либо к скептицизму, либо к догматизму¹⁰. Иначе говоря, односторонности и противоречия метафизического способа мышления Кант впервые сделал самостоятельным предметом философского рассмотрения, и именно эти проблемы пробудили его от "догматического сна" и заставили обратиться к вопросу о происхождении всеобщих и необходимых форм знания, к анализу и критике познавательных способностей субъекта и к постановке вопроса о возможности метафизики в качестве науки, т.е. к построению новой теории познания и системы трансцендентальной философии, призванной разрешить именно те противоречия предшествующей философии, на которые указывает Энгельс.

В ранних работах Маркса и Энгельса большинство непосредственных высказываний о Канте относится преимущественно к его практической философии и связано с характеристикой социально-политического развития Германии, классовой борьбы, идейной жизни и общей духовной ситуации, отражением которой, по их мнению, и была "Критика практического разума". Эти высказывания хорошо известны и носят как правило критический характер, хотя классики марксизма весьма высоко ценили гуманистический и свобододлюбивый пафос кантовской философии. Заметно меньше, особенно в ранних работах, Маркс и Энгельс обращаются к гносеологическим идеям Канта. Однако было бы глупо неверно на основании этого делать вывод, что классики

¹⁰ Кант И. Соч. в 6-ти т., т.3, с.73-76, 85-88; т.4, с.72.

марксизма обошли стороной объективное содержание этих идей. Весьма богатый и интересный материал по этому поводу, позволяющий установить любопытные проблемно-содержательные сопоставления и параллели, можно обнаружить внутри их критики гегелевской философии, и, в первую очередь, абсолютного идеализма.

Но, прежде чем рассмотреть этот вопрос, нужно вспомнить о кантовском учении о вещи в себе или вещи самой по себе, которая, существуя независимо от познающего субъекта, воздействует на его чувственность и доставляет "материю ощущений". Этот материалистический аспект кантовской философии был подчеркнут В.И. Лениным и достаточно подробно и глубоко рассмотрен в марксистской литературе. Отметим лишь, что Кант не только признает за вещью в себе статус объективной реальности, он усматривает в ней и источник чувственного материала, предметного содержания знания, обнаруживая тем самым двойственную структуру предметного знания как субъект-объектного образования, как специфического единства объективного, чувственно-эмпирического, предметного содержания и субъективной формы, трактуемой им в качестве чистых априорных структур сознания.

В крайне искусственной, непоследовательной, априористской и агностической форме Кант настойчиво подчеркивает эту двойственную природу научного знания и, исходя из этого, решительно возражает против отождествления своего трансцендентального идеализма с идеализмом берклианского толка^{II}. Но особенно ценным для нашего анализа представляется его "Заявление по поводу наукоучения Фихте" 1799 г., в котором он объявил философию Фихте "несостоятельной системой", поскольку наукоучение "представляет собой только логику, которая со своими принципами не достигает материального момента познания и как чистая логика отвлекается от его содержания. Попытка выковырять из нее реальный объект представляет собой напрасный и потому никогда не выполнимый труд"¹². Напоминаем в

^{II} См. Кант И. Соч., т. 3, с. 286-289; Кант И. Трактаты и письма, М., 1980, с. 626-632.

¹² Кант И. Трактаты... , с. 625.

этой связи также, что рецензент, на обращение которого отвечал Кант, обвинял последнего в том, что он "колеблется между трансцендентализмом и эмпиризмом" и признает первоначальным принципом не деятельность субъекта, а вещь в себе¹³.

Это заявление Канта интересно не только тем, что с известными оговорками может быть адресовано и к объективно-идеалистическим системам Шеллинга и Гегеля, но и весьма показательными совпадениями с марксовой критикой "логического мистицизма" Гегеля в работе 1843 г. "К критике гегелевской философии права". Маркс пишет, что Гегель "развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу закончившего свое дело мышления, - притом закончившего его в абстрактной сфере логики"¹⁴. "Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики"¹⁵. "Действительные отношения спекулятивное мышление сводит к явлению, к феномену", причем явление, эмпирическое существование у Гегеля "трактуются как реальный момент идеи", эмпирическое у него превращается в спекулятивное и наоборот. Все эти построения Гегеля являются, по выражению Маркса, "явной мистификацией"¹⁶.

Напомним в этой связи, что уже в письме к Герцу от 21 февраля 1772 г., которое исследователи не без основания считают "подлинным часом рождения" критической философии, Кант указывает, что тайна метафизики заключается в решении вопроса о соответствии "интеллектуальных представлений", рассудочных понятий, аксиом чистого разума реальным вещам, предметам, опыту. При этом Кант подчеркивает, что как предмет "не есть причина представлений рассудка", (выступая тем самым против эмпирической трактовки общих понятий рассудка как результата абстрагирования от ощущений), так и рассудок "не есть причина предмета", не порождает объект¹⁷. Для Канта,

¹³ Кант И. Трактаты ..., с. 672.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 232.

¹⁵ Там же, с. 236.

¹⁶ Там же, с. 224, 232, 263.

¹⁷ Кант И. Соч., т. 2, 1964, с. 430-431.

таким образом, с самого начала был неприемлем путь выведения не только реального мира, но и предметного содержания знания из субъекта, из разума, из чистых логических форм. В "Критике чистого разума" он подчеркивает, что предметы нам даются посредством чувственности, т.е. способности получать представления благодаря воздействию вещи в себе на нас, посредством же рассудка они могут лишь мыслиться¹⁸.

Эти рассуждения Канта весьма интересно сопоставить с критикой гегелевской "тайны спекулятивной конструкции", которую осуществили Маркс и Энгельс в "Святом семействе". Здесь они едко высмеивают гегелевскую дедукция действительных вещей ("плодов") из абстрактного представления "плод вообще", попытку представить чувственные, конкретные вещи как "моменты жизни" абстрактной сущности, созданной рассудком¹⁹. Спекулятивный философ осуществляет чудо, "производит действительно предметы природы" из "недействительной рассудочной сущности", из "своего собственного абстрактного рассудка". Это, по мнению классиков марксизма, и означает "понимать субстанцию как субъект", как "абсолютную личность"; такой способ понимания "составляет существенную особенность гегелевского метода"²⁰.

Аналогичную мысль Маркс развивал и в "Экономическо-философских рукописях 1844 г.", где он писал, что посредством отчуждения самосознание может полагать "вещность", но лишь как абстрактную, а не как действительную вещь, лишь "для видимости" сообщая ей роль самостоятельного, действительного предмета²¹.

С этими идеями Маркса близко пересекается известная кантовская критика онтологического доказательства бытия бога, где Кант показывает неправомерность заключения от логической возможности понятий к реальной возможности вещей²². Тот

¹⁸ Кант И. Соч., т. 3, с. 154.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 63-66.

²⁰ Там же, с. 65-66.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 630.

²² Кант И. Соч., т. 3, с. 520.

факт, что эта критика релевантна не только по отношению к традиционным доказательствам бытия бога и докантовской метафизике, но и к гегелевскому абсолютному идеализму, подтверждается еще и тем, что сам Гегель весьма высоко ценил докантовскую метафизику именно за то, что она признавала, что "мысль есть сущность сущего" и рассматривала определения мышления как определения вещей²³. Отличие между своей философией и докантовской метафизикой Гегель усматривал главным образом лишь в том, что в последней эти определения брались в пределах конечного рассудочного мышления, а не бесконечно-разумного, т.е. спекулятивного, которое находится у себя, соотносится с собой и имеет предметом себя, т.е. мысль²⁴. Согласно Гегелю, лишь наличное бытие конечного отлично от его понятия, бесконечное же есть единство бытия и понятия, которое включает в себя бытие²⁵.

В этом и состоит суть абсолютного идеализма Гегеля: в его основе лежит принцип тождества мышления и бытия, но понимаемого, в отличие от традиционной докантовской идеалистической метафизики, как бесконечная и развивающаяся в себе абсолютная идея, внутри себя полагающая различие бытия и мышления и внутри себя это различие снижающая. В спекулятивном мышлении, пишет Маркс в "Критике гегелевской философии права", все зависит от идеи — конкретные отношения и действительные субъекты. Они порождаются идеей и представляют собой сферу ее "конечности", факт берется как мистический результат, а не как таковой. Именно здесь Маркс усматривает "сгусток всей мистики ... гегелевской философии вообще"²⁶.

Нетрудно видеть, что как предмет, так и аргументация марксовской критики имеет несомненное проблемно-содержательное сходство с соответствующими кантовскими рассуждениями по поводу понятий рассудка и идей разума. Тем и другим Кант решительно отказывает в способности превращаться в источник эм-

²³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. I, М., 1974, с. 147, 134.

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия..., т. I, с. 134-135.

²⁵ Там же, с. 174.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 224-226.

пирического существования, реального бытия, полагать из себя (на "мистический манер") различие между предметом и понятием и столь же мистическим образом это различие в себе самих снимать. Правда, одновременно Кант приходит к агностическим выводам, а диалектику объявляет лишь логикой видимости, иллюзией разума, но тем не менее в данном контексте его замисел ограничить притязания разума имеет весьма веские основания и направлен против идеалистического тождества мышления и бытия.

Вспомним в этой связи, что кантов критицизм был направлен в первую очередь против традиционного рационализма (в кантовской терминологии — догматизма) с его принципом совпадения, или тождества, логических и реальных оснований, законов непротиворечивого логического мышления и столь же непротиворечивых законов предметно-чувственного мира. Действительное, эмпирическое существование в системе Вольфа и его сторонников выступало если не как следствие, логический вывод из категории возможного, то как иллюстрация или подтверждение некоей заданной, абсолютной и непротиворечивой априорной конструкции — идеального образования, мыслимого философом-метафизиком как царство вечных и неизменных истин.

Здесь не место останавливаться на длительной истории кантовской полемики с основными принципами идеалистического рационализма, к их опровержению Кант шел, опираясь на собственную естественнонаучную практику, на мучительное сознание неспособности решить "высшие" вопросы человеческого существования и познания с помощью традиционных способов мышления. Но сколь бы противоречивым и неоследовательным ни был осуществленный им "коперниканский переворот" в способе мышления, отказ от идеалистического тождества мышления и бытия, признание самостоятельного, независимо от мышления существующего мира вещей самих по себе и принципиально новая постановка проблемы объект-субъектного отношения как исходной предпосылки теории познания — таково реальное содержание начатых Кантом философских исканий.

И надо сказать, что в своей критике абсолютного идеализма Гегеля Маркс не только не обошел эту сторону дела, но и по существу показал, что идеалистический принцип тождества

мышления и бытия, внутри которого происходит как полагание, так и снятие их различия, фактически делает излишней теорию познания, или, по меньшей мере, изначально предreshает всю ее проблематику.

В "Экономическо-философских рукописях" Маркс показывает, что у Гегеля присвоение предмета есть не только упразднение отчуждения самосознания, но и упразднение предметности, вещиности. Как полагание предметности, вещи, чувственной действительности есть у Гегеля всего лишь видимость, некое "маревно", так и его присвоение оказывается иллюзией, мистификацией действительного познавательного процесса освоения мира в познавательной деятельности.²⁷

В "Тайне спекулятивной конструкции" Маркс указывает, что Гегель "путем искусственной софистики умеет изобразить тот процесс, при помощи которого философ, пользуясь чувственными созерцаниями и представлениями, переходит от одного предмета к другим, как процесс, совершаемый самой воображаемой сущностью, самим абсолютным субъектом". Гегель "внутри спекулятивного изложения дает действительное изложение, захватывающее самый предмет"²⁸.

Обычно в этих словах Маркса видят комплимент в адрес Гегеля. Однако нельзя не видеть здесь и определенного противопоставления, проводимого Марксом между Гегелем и "философом": последний именно осуществляет реальный, действительный познавательный акт, поскольку пользуется "чувственными созерцаниями и представлениями", т.е. опирается на чувственные данные, на опыт, а вовсе не изображает эту деятельность как процесс, совершаемый абсолютным субъектом. К действительному процессу познания (взятому, кстати сказать, ретроспективно) и к действительному результату познания, "захватывающему самый предмет", спекулятивное изложение добавляет лишь "мистический оттенок", к вкусу реального чувственного плода-привкуса абстрактного представления "плод вообще".

Не менее показательны в этом смысле и марксово изложение принципа восхождения от абстрактного к конкретному как мето-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с.628-634.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 66.

да познания, усвоения и воспроизведения действительности и критика гегелевской трактовки этого принципа как процесса возникновения самого конкретного. Маркс пишет, что "правильный в научном отношении" метод познания начинается не с реального и конкретного (имея в виду общие понятия как "хаотическое представление о целом" — например: "население", "капитал" и т.п.), поскольку это не действительные предпосылки, а конкретные, данные в представлении, хаотические понятия, в которых оставлены в стороне простейшие определения, их образующие ("классы", "наемный труд", "стоимость" и т.п.). Поэтому от "конкретного, данного в представлении" надо аналитически переходить ко все более тощим абстракциям, к простейшим определениям и уже отсюда "пуститься в обратный путь", чтобы прийти к представлению о целом "как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями"²⁹.

Для нашей темы в этих рассуждениях Маркса важно то, что он весьма четко различает и даже противопоставляет два типа конкретного: конкретное как результат мыслительной деятельности и конкретное как реальный, действительный исходный пункт познания, начинающегося с чувственных созерцаний и представлений. Гегель же, считает Маркс, "впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления". Иными словами, ошибка Гегеля, по Марксу, в том, что он отождествил идеальное, духовное конкретное с реальным конкретным, данным в чувственном созерцании и представлении, а процесс мыслительного его усвоения и воспроизведения — с процессом возникновения самого конкретного. Мысленная конкретность, считает Маркс, действительно есть продукт мышления, понимания, "однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия"³⁰.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I2, с. 727.

³⁰ Там же, с. 727 (подчеркнуто нами. — В.Ж.).

К этим идеям Маркса близко примыкает "Послесловие ко второму изданию "Капитала" (1873 г.), где он подчеркивает, что в отличие от способа изложения, исследование должно "детально освоиться с материалом", проанализировать различные способы его развития и связи и лишь затем начинается действительное движение теоретической мысли, дающей идеальное отражение материала, которое имеет вид априорной конструкции³¹.

У Гегеля, считает Маркс, процесс мысли превращается в идею, в самостоятельный субъект как творец действительности, которая оказывается лишь внешним проявлением идеи. Гегелевский мистический субъект-объект есть перекрывающая объект субъективность, отчуждающая себя и возвращающаяся к себе - безостановочное кружение в себе, которым движет скука, тоска по содержанию³².

Согласно же Марксу, идеальное есть лишь "переведенное и переработанное в человеческой голове материальное". При этом он полностью соглашается с рецензентом, который указывает, что Маркс в "Капитале" стремится "возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и основой"³³.

Иными словами, теоретическому рациональному познанию как процессу восхождения от "тощих" абстрактных определений объекта к развитой, конкретной теории о нем, как единству многообразного, должно, согласно Марксу, предшествовать своего рода "нисхождение" от конкретного к абстрактному, т.е. такой этап познания, который имеет чувственно-эмпирический характер, где субъект выступает преимущественно как пассивный, подчиненный наличным фактам, чувственным данностям наблюдатель, созерцатель. Диалектике восхождения от абстрактного к конкретному должно предшествовать движение от чувственно конкретного к абстрактному определению этого конкретного, еще не имеющего вида теории, т.е. единства многообразия, це-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 638.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

достоинства и т.п. Правда, выбор фактов, исходных чувственных данных и представлений тоже не должен быть произвольным, а подчиняться некоторой изначальной абстрактной идее, задаче, гипотезе, цели, однако на этом первом этапе познания субъект должен стремиться к максимально "безупречной" констатации фактов, подчиняться "логике дела", предмету и лишь на этой основе строить о нем теоретические представления, отвечающие всем требованиям научной теории, — принципам всеобщности и необходимости знания, непротиворечивости, полноты и т.п. Но и эта "априорная" конструкция в конечном итоге должна быть подвергнута верификации, фальсификации, т.е. испытанию на "деле", на фактах, в практике.

В этом, собственно, и состоит диалектика познавательного процесса не как "безостановочного кружения в себе", а бесконечного движения, перехода от объекта к субъекту и наоборот, в котором осуществляется бесконечное расширение субъективного знания и бесконечный "захват" новых и все более широких предметных областей.

Разумеется, Кант был далек от подобного понимания познания, тем не менее первой и исходной предпосылкой его гносеологии является признание реального объекта, воздействующего на чувственность и доставляющего эмпирическое содержание познания. Пассивная чувственность и активный рассудок, восприимчивость созерцаний и спонтанность мышления выступают у Канта двумя необходимыми, друг друга не "снимающими" и не поглощающими предпосылками познавательного процесса. Но дело не только в том, что кантовская теория познания строится на постоянном соотношении противоположностей — объективного и субъективного, чувственного и рассудочного, содержательного и формального и т.п. Важно то, что его обоснование возможности опыта строится как постепенное развертывание исходных абстрактных понятий объекта и субъекта, обозначенных первоначально понятием "вещь в себе", в полное и всестороннее знание о предметах опыта, в научно-теоретическое представление о природе.

Мы не имеем здесь возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на структуре кантовского обоснования опыта, но даже самый беглый ее анализ наводит на мысль, что ее об-

щая конструкция, общая логика имеет известное сходство со способом восхождения от абстрактного к конкретному, от неизвестной вещи в себе, неопределенного явления чувственного созерцания к развитой теории опыта как "единству многообразного", соответствующего принципам математического естествознания нового времени. При этом познавательный процесс у Канта представляет собой не чисто логическое развитие понятия, не спекулятивное саморазвертывание идеи, а субъективно-объективный процесс, т.е. деятельность, складывающаяся в результате взаимодействия и единства противоположностей, благодаря чему исходное абстрактное объект-субъектное отношение, выраженное в двух значениях вещи в себе ("предмет и душа"), конкретизируется в развернутое учение о природе, ее всеобщих законах и о субъекте, его познавательных способностях.

Конечно, у Канта все эти идеи выражены в превратной - агностической и дуалистической форме, но вместе с тем он избегает односторонностей не только эмпирической и рационалистической гносеологии, метафизически выдвигающих на первый план какой-либо один аспект познавательного процесса, но и идеалистического монизма типа Фихте или Гегеля. У последних бесконечное Я, абсолютный разум или дух "снимают" "конечность" как чувственности, так и рассудка, как объекта, так и субъекта и превращают их лишь в "моменты" бесконечного абсолютного тождества, "в себе" их различия полагающего и "в себе" же их снимающего, а в своем развитии к самому себе возвращающегося. Именно поэтому у Гегеля восхождение от абстрактного к конкретному есть лишь возвращение идеи к самой себе, к своему началу, к тому, что уже изначально было дано, предзаложено в исходном абстрактном отношении, а по существу заимствовано в научном, историческом или обыденном опыте и лишь подвергнуто спекулятивно-диалектической реконструкции.

Кант отказывает разуму в способности познавать бесконечное, но вместе с тем он отказывает ему в мистической способности порождать конечное из себя, ограничивая его познавательные возможности чувственно данными явлениями опыта. В этом смысле кантовский агностицизм имеет явно выраженную антиметафизическую тенденцию, направленную против претензий

догматического рационализма на познание сверхчувственных сущностей, абсолютных и бесконечных истин и т.п. В то же время в учении о регулятивном применении диалектического разума Кант признает за последним способность к бесконечному продвижению вперед на пути решения конечных задач, освоения конкретных предметных областей, бесконечных в своем внутреннем содержании, но доступных каждый раз лишь конечным образом, соответствующим конкретным формам предметно-чувственной деятельности.

В этом смысле Кант, хотя и в агностической форме, предвосхитил диалектику относительной и абсолютной истины, где последняя достигается только через первые, а познание понимается как бесконечный процесс перехода знания менее конкретного к более конкретному, от старого к новому и т.д. Одним словом, в понимании диалектики абстрактного и конкретного Кант скорее солидаризировался бы с Марксом, чем с Гегелем. Мы не говорим уже о том, что Кант был бы весьма удивлен, прочитав у Гегеля, что у Канта "Я", познающий субъект "доставляет как форму, так и материал сознания" и что его философия есть субъективный идеализм, а вещь в себе — лишь "голая абстракция", не только в том смысле, что рассудочное мышление не имеет о ней никакого знания, позитивных определений, но и в том, что это всего лишь "продукт мышления", а не объективно существующая реальность³⁴.

В своей агностической и дуалистической философии Кант поставил проблему познания, человеческой деятельности в такой форме, которая самым непосредственным образом инициировала возникновение и развитие диалектики у Фихте и Гегеля, в значительной мере, основанной, однако, на идеалистическом "снятии" объект-субъектного отношения, точнее, превращении его в род логического отношения, подчиненного закону допущения противоречия, т.е. перехода в противоположность: от Я к не-Я, от объекта к субъекту и т.п. (хотя сам этот переход допускался ими в рамках некоей более высокой субстанции-субъекта или изначального бесконечного и абсолютного тождества, "вместившего" в себя все эти противоположности без противоречия).

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. I, с. 159, 161. 166

С другой стороны, вместе с устранением кантовской вещи в себе Фихте и Гегель оставили в стороне ряд принципиальных проблем теории познания и человеческой деятельности, которые у Канта были намечены, хотя и не получили адекватного решения. Возврат к этим проблемам, точнее, к их реальному, объективному содержанию осуществили классики марксизма, впервые сумевшие на научной основе поставить и решить основные вопросы познания и деятельности.

Из этого вовсе не следует, что классики марксизма испытывали прямое воздействие идей Канта. Речь идет о том, что они объективно, в силу внутренней логики развития философского познания приходили к тем вопросам, которые в той или иной (зачастую — превратной) форме были поставлены, предвосхищены или имплицировались философскими исканиями родоначальника немецкой классической философии. В то же время было бы неверно недооценивать и непосредственные связи и параллели между кантовскими идеями и соответствующими идеями классиков марксизма. Можно привести немало примеров и фактов, свидетельствующих о наличии глубоких, многосторонних связей между идеями и проблемами Канта и идеями родоначальников марксистской философии. Среди этих связей можно выделить как опосредованные, т.е. воспринятые сквозь призму философии Фихте, Шеллинга и Гегеля и соответствующую ее критику, так и прямые, минуя позднейших представителей немецкой классической философии.

Однако, как внутри этих связей, так и помимо них, существует еще один вид отношений между марксистской философией и наследием Канта, быть может, наиболее важный и интересный в теоретическом отношении и в то же время наиболее трудный для обнаружения и исследования. Этот вид связи или отношений основан на внутреннем, неявном, порой скрытом для фактографического и описательного анализа средстве проблем, их объективного гносеологического состава. Для его исследования необходимо применять метод проблемно-содержательного анализа, теоретической реконструкции, выявления внутренней сущности, "имманентной определенности" философской системы, отличения ее "духа" от "буквы", от внешней, субъективной и, зачастую, весьма превратной формы, в которой философ осознал и

представил реальное содержание своей философии.

Применение указанных методов историко-философского исследования к интересующей нас теме остается важной и во многом еще не завершенной задачей, причем задача эта выходит за рамки сугубо академических интересов. Ведь, как известно, с конца прошлого века и до наших дней ревизионисты и антимарксисты на Западе используют имя Канта либо для "дополнения", либо для "опровержения" Маркса и марксистско-ленинской философии. Поэтому выявление реального соотношения между теоретическим наследием этих мыслителей имеет актуальное значение для борьбы идеологий на современном этапе.

МАРКС И ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОЦЕССЕ

С.Н. Мареев

"Задача философской историографии, — писал Маркс, — заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, еще менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий в виде диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя. Она должна отделить бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместителем и двигательной силой этих рассуждений"¹.

Такова программа. Если бы сущность и явление непосредственно совпадали, часто повторял Маркс, то не нужна была бы никакая наука. Наука только там и нужна, где за тем, что является, усматривается еще нечто существенное. И только там наука имеет место, где имеется это усмотрение. Если в истории философии мы этого деления не проводим, то и нет науки истории философии.

Часто говорят при этом, что в истории философии, как и в истории вообще, явление тоже существенно. И это действительно так: в истории вообще, как ни в одной другой области действительности явление тоже существенно. Но весь вопрос состоит в том, а что собой представляет это "тоже".

Если это "тоже" на практике проявляется так, что несуще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 136.

ственные факты излагаются наряду с существенными, даже с добавлением того, что именно существенно, а что несущественно, то это будет все-таки обыкновенное эклектическое "тоже". В этом разделении как отмечает Маркс, должно быть прослежено единство, взаимная обусловленность. И именно это дает возможность подвергнуть любую историческую форму философии, любую философскую систему, критике, которая, в свою очередь, обуславливает единство сущности и явления. "Этот критический момент при изложении философской системы, имеющей историческое значение, — пишет Маркс, — безусловно необходим для того, чтобы привести научное изложение системы в связь с ее историческим существованием, — в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим"².

Иначе говоря, имманентная критика возможна только лишь благодаря сопоставлению сущности той или иной философской системы с ее историческим существованием, благодаря обнаружению несоответствия, противоречия между тем и другим, которое и выводит эту философскую систему за свои собственные границы, за границы ее исторического существования. Поэтому, кстати, в отношении исторической преемственности оказываются не только так сказать родственные системы, но и противоположные, по внешней форме несовместимые, — идеалистические и материалистические, метафизические и диалектические и т.д. Они несовместимы именно для феноменологического сознания, не идущего дальше явления, дальше внешней формы.

Связь эта проявляется ближайшим образом в необходимом ("логичном") характере историко-философского развития. История философии предстает прежде всего как ряд следующих друг за другом философских систем. Эмпирическим фактом является также то, что все выдающиеся философские учения отрицают друг друга. "Это отрицание может быть абстрактным, метафизическим или же конкретным, диалектическим, но именно оно, отрицание, характеризует каждую философскую систему, а следовательно, и специфику философии, несмотря на то, что непосредственно оно указывает лишь на отличие одних философских

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 136.

систем до других"³.

Один и тот же эмпирический факт, — и это поучительно вообще в отношении фактов в науке, — а именно то, что различные философские системы отрицают друг друга, приводил к совершенно противоположным выводам при различных его интерпретациях. Если история философии это война всех против всех, — заключали скептики, — то значит нет объективной почвы для единой, обязательной для всех философий, и она в принципе невозможна. Но совершенно противоположный вывод сделал из этого Гегель. Если все философские системы отрицают друг друга, рассуждал он, то это может означать только то, что они имеют общее поле для борьбы, с которого они и стремятся вытеснить друг друга. Если бы такового не было, то и не было бы причин для борьбы, для отрицания и для критики. Эту общую почву для всех философских систем Гегель усмотрел в Разуме. "Есть лишь один разум, поэтому и философия только одна и лишь одной быть может"⁴.

Все различия, которые имеются между различными философскими, это различия между различными "моментами" одной и той же философии. И если они отрицают друг друга, то это означает, что отрицательность не есть нечто только негативное по отношению к разуму, а представляет собой его существенный момент, а следовательно и существенный момент самой философии. То есть сущность философии есть диалектика. Она представляет собой ее *differentia specifica*, и с точки зрения этой специфики история философии может рассматриваться как закономерный и необходимый процесс. Поэтому совершенно не случайно то, что именно Гегель во всей полноте представил ту идею, что историко-философское развитие имеет совершенно необходимый и закономерный характер.

Здесь мы имеем тот случай, когда логическая *differentia specifica* дает ключ к пониманию исторического развития. Но сама она также представляет собой итог некоторого исторического развития. И в этом заключается противоречие, которое

³ Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки, М., 1969, с. 54.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. Т. I, М., 1970, с. 270.

разрешается в форме ряда следующих друг за другом философских систем, то есть формой его разрешения является сама история философии со всеми своими совершенно индивидуальными и неповторимыми формами, совершенно уникальными личностями. Если мы от этой формы абстрагируемся, то мы никогда не сможем объяснить, каким образом могло быть разрешено противоречие между сущностью и существованием философии. А в лице диалектики, — в той мере, в какой она научна, — философия действительно приходит в соответствие со своей сущностью, и в этом смысле с появлением научной диалектики завершается определенный цикл философского развития. И если, как это очень часто бывает, гегелевское положение о том, что в его системе Мировой разум пришел к самосознанию, относят только на счет слишком завышенного самомнения философа и истолковывают это как противоречие между положением самой диалектики о бесконечности развития и провозглашением конца истории философии, то это весьма и весьма поверхностное суждение.

Да, развитие человеческого познания не имеет предела. И того, что оно когда-нибудь полностью завершится, не утверждал и Гегель. Развитие человеческого познания прочерчивает во времени и пространстве траекторию, уходящую в бесконечность... Но это не "дурная" бесконечность, не однообразная абстрактная текучесть. Это развитие имеет свой ритм, свои периоды и свои цезуры. Процесс познания не может завершиться, но завершаются его определенные периоды. И если определенный период в развитии, будь то в математике или философии, кем-то и когда-то завершается, то от этого, как было остроумно замечено, не стоит падать в обморок⁵.

Гегель ошибался относительно сроков наступления конца определенного периода в развитии философии. Понадобились серьезные коррективы, внесенные в гегелевскую диалектику Марксом, чтобы этот период завершить. Но то, что с появлением научной диалектики определенный период историко-философского развития завершается, это величайшее прозрение, которое делает честь уму и таланту Гегеля. "Гегелем вообще завершается философия, — как писал Энгельс, — с одной стороны

⁵ См.: Лифшиц М. Чего не надо бояться. — Коммунист. 1978, № 2, с. 109.

потому, что его система представляет собой величественный итог всего предыдущего развития философии, а с другой — потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из этого лабиринта систем к действительному положительному познанию мира"⁶.

Завершение каждого подобного рода периода отмечено довольно отчетливо определенным возвратом к началу, и вместе с этим завершением отчетливо выступает его спиралевидная форма: у истоков философского развития, приведшего к научной диалектике, лежит стихийная диалектика древних, у истоков общественного развития, которое должно привести к коммунизму, лежит первобытный коммунизм. И только тогда, когда определенный период развития завершается, мы можем отчетливо обозревать пройденный путь и видеть его действительную "траекторию". Только отправившись на восток и вернувшись в то же место запада, мы убеждаемся в том, что мы двигались не в "дурную" бесконечность, а по замкнутой, — и в этом смысле конечной, — кривой. Поэтому и разгадка приходит только в конце. Поэтому разгадка истории философии приходит только с появлением материалистической диалектики, подобно тому как разгадка человеческой истории вообще, как считал молодой Маркс, приходит с наступлением коммунизма⁷.

Отсюда понятно, что диалектика есть единственная методология научной истории философии, — и в последней науки ровно столько, сколько ее в диалектике. И поэтому вовсе не случаен тот факт, что именно Гегелю впервые удалось дать всеобъемлющее и систематическое изображение истории философии, ему первому удалось прочертить единую линию развития сквозь два тысячелетия европейской истории.

Историко-философское развитие, — и это часто выставляется в качестве контраргумента против гегелевской трактовки истории философии, — никогда не идет "правильным маршем" (Герцен) вперед. Но если этот факт противопоставляется "правильному" изображению истории философии, то это говорят

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 278—279.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. II6.

только о том, что за этим кроется совсем иное понимание задач науки вообще. Делает честь мысли именно то, как отмечал Гегель, что она, "имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы"⁸. Именно в этом Гегель видел заслугу английской политической экономии: она вскрывает регулярность и закономерность в той области действительности, которая, подобно планетной системе, "являет глазу лишь неправильные движения"⁹. Наука вообще только там и начинается, где за "неправильными" движениями открываются "правильные" движения. Этот диалектико-материалистический по существу взгляд на характер и задачи науки противостоит и противостоит плоско-позитивистскому ее пониманию, которое поэтому никогда не поднималось до понимания истории философии, как и истории вообще, как науки.

Единство логики и истории вообще предполагает взаимопроникновение одного другим. Применительно к истории философии и самой философии это означает, что история философии проникнута логикой, в свете которой она только и может быть понята, а сущность самой философии может быть определена только исторически. Это по существу совершенно меняет характер самого философствования: вместо того, чтобы конструировать некоторую идеальную действительность из головы, чем по преимуществу занималась прежняя метафизика, философ должен внимательно проследить историю философии и посмотреть, к чему она себя определила исторически. Задача состоит не в том, чтобы давать определения философии, а в том, чтобы проследить, как и к чему она сама себя определила. Это и есть диалектическое требование рассматривать предмет в его самодвижении и самоопределении применительно к самой философии. А исторически, как выяснилось, философия определила себя к тому, чтобы быть Логикой, диалектикой, всеобщим методом теоретического и практического освоения человеком окружающей действительности, как природной, так и своей собственной, социальной и духовной.

⁸ Гегель. Сочинения. Т. УП, М.-Л., 1934, с. 218.

⁹ Там же.

"Но это понимание, — как отмечал Энгельс, и это не "мнение", а констатация уже совершившегося во многом реального исторического факта, — наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика"¹⁰.

Теперь философские исследования, в отличие от прежней умозрительной метафизики, ставятся на объективную почву истории философии и "истории" умственного развития ребенка — тех областей знания, из которых должна прежде всего "сложиться теория познания и диалектика"¹¹. А история философии, умственного развития ребенка, равно как история языка, науки, вообще духовного развития человека, превращается в постоянный "участок" работы философа.

Точка зрения единства логического и исторического неразрывно связана с объективным подходом к философии, к определению ее предмета, характера и задач: история философии и есть объективно представшая философия, которая, хотя она и осуществлялась отдельными философствующими субъектами, в целом представляет собой нечто большее, чем простая сумма субъективных мнений отдельных философов. Если мы от этой точки зрения отказываемся, то мы эту объективную почву теряем, и в определении оснований, по которым мы держимся того или иного мнения относительно характера и задач философии, не сможем пойти дальше того, что оно представляет собой некоторую "парадигму", принятую некоторым "сообществом", — таково "последнее слово" современной позитивистской "философии науки".

Но такой подход к определению философии не может быть с такой же легкостью реализован, как в том случае, когда мы

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 316.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.

определяем, сколько зубов у лошади — для этого достаточно посмотреть в пасть лошади и посчитать там число зубов. Философия проявляет себя в истории философии отнюдь не адекватным образом, она сплошь являет "неправильные" движения. И чтобы подмечать здесь определенные тенденции, нужно обладать не только большой историко-философской, но и достаточной логической культурой. Здесь очень мало очевидностей. А главное, там, где нам по традиции представляется что-то очевидным, часто кроется серьезная проблема.

Проблема, например, состоит в том, есть ли какая-нибудь объективная шкала для оценки "величин" того или иного философа, того или иного мыслителя. Если мы положительно отвечаем на этот вопрос, то мы должны признать, что есть единая философия и единая, обязательная для всех Логика, а история философии есть ничто иное, как становление этой философии, этой Логики, а потому мы и можем мерить ею "величину" того или иного философа, той или иной философской системы: она есть ничто иное, как ее собственная мера, ее собственная логика. Если мы, наоборот, отвечаем на этот вопрос отрицательно, то невозможна научная история философии, а возможна только история париков и бород философов, как выражался Фейербах. Тогда единственной объективной шкалой, которой мы можем пользоваться, остается шкала времени. Но время — величина физическая, поэтому нам в действительности ничего не говорит о подлинной философской "величине" тот факт, что Карл Маркс жил в девятнадцатом веке, а Карл Поппер — в двадцатом.

Как ни крути, а в отношении поставленного вопроса мы в конечном счете оказываемся или "гегельянцами", или некритическими позитивистами, и третьего здесь не дано. Решающей в конечном счете в выборе одной из этих двух, противоречащих друг другу, альтернатив может быть только точка зрения практического разума. А здесь всякая логика оказывается бессильной, даже та, которую, казалось бы, все признают, — аристотелевская. Во всяком случае В.И. Ленин, решая для себя вопрос: "обязательна ли хронология насчет дип?"¹², склоняется

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

в пользу "гегелевского" варианта и решительно заявляет: "Нет!"¹³.

Интересная в этом отношении также сравнительная оценка Марксом основателя "позитивной" философии О. Конта и Гегеля. "Я штудирую теперь, — писал он Энгельсу 7 июня 1866 г., — кроме всего прочего, Конта, потому что англичане и французы так много кричат об этом субъекте. Их подкупает в нем энциклопедичность, синтез. Но по сравнению с Гегелем это нечто жалкое (хотя Конт превосходит его как специалист в области математики и физики, то есть превосходит в деталях, ибо в целом Гегель бесконечно выше даже здесь). И этот дрянной позитивизм появился в 1832 году!"¹⁴.

Таков исторический парадокс: в то время, когда уже дано всеобъемлющее изображение развития человеческого "духа", включая все формы его проявления: науку, религию, нравственность, — в это время появляется человек, который решил осчастливить человечество синтетической системой научного знания обо всем, когда уже показано, что знания одновременно научного и одновременно обо всем не может быть. Здесь все показательно — в то, что Конт не умел читать по-немецки, и то, что даже специально для него сделанный французский перевод из Канта не помог ему понять, что решающие аргументы против "прежней метафизики" были уже высказаны до него основателем немецкой классической философии.

Итак, научная история философии — это история, приведенная в соответствие со своей собственной логикой, история "исправленная", но "исправленная" соответственно законам, которые "дает сам действительный исторический процесс". А научная философия — это не выдуманная и не высосанная из пальца философия, а "итог, сумма, вывод истории познания мира"¹⁵, которая находит свое концентрированное выражение в истории философии. При таком понимании философствование, как было сказано, находит свою объективную почву: сами его зако-

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 197.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

ны, законы логики, это уже не вечные, коренящиеся в природе человеческого духа, законы, — саму человеческую природу и человеческий "дух" материалистическая диалектика понимает исторически, — и не конвенционально принятие "обществом" правила и нормы, а всего лишь превращенные формы законов исторического развития. Если я хочу доказать, например, что противоречие является необходимой логической формой человеческого мышления, то я должен показать, что к этому с необходимостью привело историческое развитие логики. Эта историческая необходимость нашла свое выражение в форме кантовской "критической философии", и именно поэтому Кант стоит в центре внимания диалектико-логических исследований, а его трансцендентальная философия остается до сих пор лучшим введением в диалектическую логику.

Именно поэтому та или иная диалектико-логическая идея так прочно срастается со своей историко-философской формой, что мы не можем, например, ни представить, ни помыслить себе идею субстанции без Спинозы — именно того самого исторического Спинозы, который жил в Голландии в XVII столетии и добывал себе на пропитание шлифовкой оптических стекол. Показать, что идея единой субстанции является необходимой идеей человеческого мышления, это и значит показать, что исторический переход от Декарта к Спинозе должен был с необходимостью совершиться, а показать, что Спиноза "велик" и по достоинству занимает выдающееся место в истории новоевропейской философии, и вообще всей мировой философии, — это означает показать, что когда начинают философствовать, то с необходимостью, как выразился Гегель, "душа должна сначала купаться в этом эфире единой субстанции, в которой все, что мы раньше считали истинным, исчезло"¹⁶.

Поэтому и получается так, что там, где за идеей субстанции не признается объективного значения, так в обоснование "великости" Спинозы приводятся его замечательные моральные качества¹⁷. А там, где мы вступаем на зыбкую почву "аксиологии", там обычно кончается наука: нельзя мерить степень на-

¹⁶ Гегель. Сочинения. Т. XI, М.—Л., 1935, с. 285.

¹⁷ См. Рассел Б. История западной философии, М., 1959, с. 588, 597.

учного достоинства философа степенью его благородства и человеческой привлекательности (хотя то и другое очень прочно между собой связано).

Единство логического и исторического является необходимой методологической основой научной периодизации истории философии. Здесь невозможно ограничиться лишь чисто временными терминами или чисто типологическими характеристиками: примерно в одно и то же время жили и творили такие философы, как Гегель и Фейербах, с одной стороны, а с другой — Шопенгауэр и Конт, которые, тем не менее, относятся к совершенно различным периодам истории буржуазной философии, — первые двое к классическому ее периоду, вторые — к так называемому современному. Конт был прямым продолжателем французского Просвещения, которое в Германии уже было критически преодолено, поэтому, как и всякая попытка возродить какую-либо исторически изжившую себя традицию, просвещение в середине XIX в. становится реакционным: после "Жизни Иисуса" Давида Штрауса и "Сущности христианства" Лидвига Фейербаха доказывать, что религия может быть преодолена "позитивной" наукой — это вещь совершенно отличная от аналогичных попыток преодоления религиозных предрассудков в середине XVIII в. во Франции. Не случайно получалось так, что в составе мировоззрения самого Конта религия оказалась не преодоленной, а замененной наукой. Поэтому Фейербахом, а не Контом, закончилась не только немецкая, но и вся буржуазная классическая философия.

Маркс считал, что разложение классической буржуазной политической экономики начинается там, где начинают пытаться освободиться от противоречий за счет "формально логической последовательности"¹⁸. Точно так же классическая буржуазная философия начинает подвергаться вульгаризации и разложению именно там, где отвергается диалектика с ее принципом противоречия. Поэтому Людвиг Фейербах не только последний представитель немецкой классической философии, но и, в определенном смысле, ее первый вульгаризатор, через него идет линия не только к марксизму, но и к реакционной "философии

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 81-82.

жизни" 19.

Методом научной периодизации истории философии, как и вообще методом ее научного понимания, может быть только диалектика, которая и представляет собой высшее достижение классической буржуазной философии в ее гегелевском варианте. Дальше этого варианта диалектики она пойти не может: для этого она должна перестать быть буржуазной.

Но все сказанное не означает, что фактор исторического времени не имеет никакого значения. Если бы, допустим, в середине XIX в. появилась бы философская система, в главных и основных чертах напоминающая собой классический тип, то это все равно не было бы классикой, — это была бы подделка под классику. Классическая философия не может существовать в эпоху общего кризиса капитализма, так же как Ахиллес невозможен в эпоху пороха и свинца, а "Илиада" "наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной" 20.

"Взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство" 21. Классическая буржуазная философия — плод совершенно определенной исторической эпохи, эпохи исторического подъема буржуазии, и она сразу же прекращает свое существование, как только у нее появляется ее законный теоретический наследник. После этого всякая попытка возрождать философскую классику была бы реакционной, как и в искусстве неоклассицизм является всего лишь формой модернизма.

Точка зрения единства логики и истории диктует совершенно определенное отношение к классическому философскому наследию. Если "кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития" 22, то внимательное отношение к теоретическим предшественникам не просто желательно, а обязательно. Ведь это не просто смена одной системы другой, одного принципа дру-

19 См.: Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. М., 1937, с. 63.

20 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. I, с. 48.

21 Там же.

22 Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I, М., 1974, с. 99.

гим, где и философия марксизма всего лишь "одна из", а последовательное разворачивание проблем, где никакая последующая проблема не может быть решена без решения предшествующих, без разрешения тех противоречий, которые обнаруживаются в предшествующих философских системах. Поэтому Фейербах совершенно справедливо считал, что "обязанностью молодого доцента философии является знакомить студентов не с собственными безвестными мнениями и выдумками, а со взглядами признанных, вошедших в историю философов"²³.

ж

ж

ж

Итак, *differentia specifica* философии дает ключ к пониманию ее исторического развития. Но сама она представляет собой итог некоторого исторического развития. В этом находит свое выражение и единство и противоположность логического и исторического. Но своего конкретного выражения это противоречие достигает только тогда, когда формой его разрешения становится историография в собственном смысле слова, или — история в собственном смысле слова становится формой логического движения. Иными словами, здесь мы имеем две формы и два этапа развития единства логического и исторического: абстрактное тождество и собственно конкретное единство того и другого.

Абстрактное тождество логики и истории выражается прежде всего в том, что порядок, так сказать, ступеней развития логической идеи тот же самый, что и порядок философских систем, реализующих эти ступени в истории философии. Дело не в том, что эти два порядка сплошь и рядом не соответствуют друг другу. И задача историко-философского исследования в конечном счете заключается не в том, чтобы это соответствие показать. А дело в том, что различные ступени в развитии "логической идеи", различные категории, сущность и существование, бытие и ничто, возможность и действительность и т.д. отрица-

²³ Фейербах Л. История философии. Собр. произведений в трех томах, т. 3, с. 375.

от друг друга. Поэтому невозможен их формальный логический переход друг в друга. В реальном человеческом мышлении формой их перехода каждый раз является конкретная форма конкретного содержания, которая поэтому не может быть абстрактно-всеобщей формой Логики.

Например, товарное производство представляет собой только лишь возможность капитала, и формой перехода от одного в другое является особенная форма особенной исторической эпохи, которая описана Марксом в главе о первоначальном накоплении капитала в первом томе "Капитала". На эта форма не может служить всеобщей логической формой перехода возможности в действительность. В лучшем случае она может служить более или менее удачной иллюстрацией подобного перехода, в качестве каковой она здесь и приведена. Если мы такой всеобщей формы перехода не найдем, то мы в худшем случае будем иметь голый логический скелет, состоящий из одних категорий без их взаимопереходов (а они-то и составляют суть диалектики), а в лучшем — тот же самый скелет и иллюстрации к нему. По сути именно к этому и сводится в большинстве своем изложение диалектики.

Но по сути своей диалектика стоит на точке зрения особенного. Она не может отыскивать такую всеобщую форму перехода, которая была бы только всеобщей формой, то есть абстрактно-всеобщей. В то же время Логика, как всякая логика, требует, чтобы логическая форма была всеобщей. Это противоречие, как и любое другое диалектическое противоречие, может быть разрешено только на почве такой особенной формы, которая благодаря именно своей особенности была бы всеобщей логической формой взаимоперехода категорий друг в друга. И такой формой может быть историческая форма самой философии, самой диалектики. Вот в этом-то пункте и проявляется логическое, а потому и историческое, значение и Рейнгольда, и Маймона, и Бека, а также массы чисто исторических обстоятельств, забытых и пслузабытых имен, которые заполняют "промежутки" между двумя различными философскими системами и делают возможным переход от одной системы к другой. Поэтому единство Логики и истории проявляется не только, и не столько, в том, что логическое движение повторяет в общем и целом

историческое движение, но и главным образом в том, что история восполняет такие "пробелы" в Логике, которые ничем другим восполнены быть не могут без того, чтобы Логика не утратила свою обезличенность и конкретность.

Здесь получается положение, противоположное тому, как его представлял себе Гегель. "Развитие философии в истории, — писал он, — должно соответствовать развитию логической философии; но в последней должны быть места, которые выпадают в развитии в истории"²⁴. Наоборот: в истории философии должны быть "места", которые выпадают в развитии "логической философии". И именно поэтому история философии органически входит в корпус самой "логической философии", самой Логики. И только это обеспечивает действительную конкретность Логике не только в смысле ее так сказать заземленности, но и в смысле "сращенности" ее элементов, ее категорий, в смысле органичности, имманентности их взаимопереходов и взаимопереливов, то есть в подлинном и исконном смысле этого слова. И только на основе так понятого единства Логики и истории философии можно покончить с таким положением, когда логика сама по себе, а история сама по себе и в лучшем случае привлекается для иллюстраций.

Иначе говоря, при конкретно понятом единстве Логики и истории никогда в принципе не может сложиться такого положения, что история философии пойдет в отвал в качестве "пустой породы" после того, как из нее извлечен экстракт Логики. Такое понимание судеб истории философии возможно только там, где понимание единства логического и исторического не идет дальше абстрактного тождества, совпадения "моментов" и "ступеней", дальше простой одинаковости. Мы извлекаем из истории философии всеобщее и необходимое, но это всеобщее и необходимое суть поднятые самой историей до всеобщности и необходимости ее же собственные единичности и случайности. Поэтому только с помощью конкретного исторического анализа можно показать действительную всеобщность всеобщего и действительную необходимость необходимого в истории философии. И в этом отношении история философии ничем не "хуже" всеобщей истории.

²⁴ Гегель. Сочинения. Т. IX, Л., 1932, с. 266.

История есть прежде всего история, и ее задача состоит прежде всего в установлении фактов — доказательном, документированном и т.д. Но в установлении фактов, имеющих всеобщее и необходимое значение во всей своей так сказать фактичности. Именно такое органическое единство исторического факта и Логики характерно для основоположников и классиков марксизма, которые очень ценили историю, даже больше, чем ее ценил Гегель. Они были в этом отношении большими гегельянцами, чем сам Гегель, потому что материалистическая диалектика стоит на более высокой точке зрения относительно единства логического и исторического.

Как было уже сказано, Логика не только не всегда, но даже очень редко находит свое адекватное отражение в развитии истории философии. Мало того, порядок освоения Логики в истории философии не только не соответствует порядку развития Логики человеческого мышления, но он прямо противоположен последнему. Иными словами, мы имеем здесь дело с частным случаем "оборачивания" исторического в логическом.

Чтобы уяснить себе это, существенно важно различать следующие вещи. Во-первых, историческое развитие самого человеческого мышления, соответственно — его логики. Во-вторых, Логiku человеческого мышления. И, в-третьих, историческое развитие Логики как науки о человеческом мышлении, или историческое развитие философии, поскольку сущность последней и составляет Логика, диалектика, а история философии является движением становления последней, как все движение истории, по словам Маркса, есть "действительный акт порождения коммунизма — роды его эмпирического бытия"²⁵.

В Логике все существенные этапы становления человеческого мышления, начиная с материально-практического освоения человеком действительности, находят свое выражение, и именно в том порядке, в каком они были пройдены человеком исторически. Но в истории Логики последовательно теоретическое освоение этих этапов совершенно противоположное: то, что составляет фундамент исторического и логического развития человеческого мышления, материально-практическая деятельность,

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

было положено в основу Логике только марксизмом, а освоение этой Логике исторически началось с ее логически и исторически производной и превращенной формы, с области внешних и формальных определений человеческого мышления, которые находят свое непосредственное выражение в языке, в речи, — одним словом, с того, что нашло свое историческое выражение в логике Аристотеля.

Что касается истории развития человеческого мышления, то она собственно и составляет предмет Логике. "... Наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления"²⁶. Логика и есть теоретическое изображение этой истории. Но пробиться к этой истории можно только через такие ее проявления, как история языка, отдельных наук, техники и технологии и, наконец, история философия. То есть историю развития мышления мы можем изучать только через ее отражение в истории материальной и духовной культуры человечества.

Диалектическая Логика не может быть ничем иным, как обобщением истории мысли, нашедшей свое выражение прежде всего в истории философия. Но к последней нельзя относиться некритически. "В логике, — писал Ленин, — история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления"²⁷. И Ленин делает акцент на слове "должна". Это долженствование, а не факт. К этому совпадению еще надо идти и идти. "Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники"²⁸. Это долгий и сложный процесс, обязательно включающий в себя взаимную коррекцию — поверку Логике историей, а историю, в свою очередь, — Логикой. И о богатстве Логике можно легко судить по богатству того исторического содержания, которое она в себя собирает, а прежде всего в ней должна уместиться "Наука логике" Гегеля и логика "Капитала" Маркса. Если ни того, ни другого в ней нет, то это будет очень бедная логика,

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366—367.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.

²⁸ Там же, с. 131.

не на много богаче аристотелевской.

Слабый пункт гегелевской трактовки единства логического и исторического состоит в том, что у Гегеля волюно или неволюно происходит отождествление истории развития человеческой мысли с ее так сказать литературным отражением, с историей логики, с историей философии. Отсюда его во многом некритическое отношение к истории логики и некоторые другие слабые пункты, хотя это не отменяет той непреходящей заслуги Гегеля, что именно он впервые в истории философии попытался связать в единое целое историю и Логику.

✱

✱

✱

Ко всему сказанному остается добавить только то, что точка зрения единства логического и исторического существенно меняет представление о предмете философии. Не сам предмет, — в конечном счете он у всякой философии один и тот же, иначе, как было уже сказано, мы никак, даже критически, не могли бы соприкоснуться с ее различными историческими формами, — а именно представление о предмете. Если во всей прежней, недиалектической, — или докритической, как ее еще называют, — философии предмет понимается как некоторая, — в данном случае неважно: материальная или идеальная, — предсуществующая действительность, которую и должна изобразить философия, то материалистическая диалектика, в отличие от этого, не изобретает еще один предмет, наряду с другими "предметами", а берет в качестве предмета само историческое изменение предмета философии, историческое изменение отношения мышления к действительности, которое отразилось в историческом изменении предмета философии: "прежняя метафизика", "критическая философия", стихийная диалектика древних и так называемой естественнонаучный материализм — все это разные типы отношения мышления к действительности.

Закономерность этого развития, которая в общем и целом совпадает с законами развития мышления, — поэтому эта закономерность есть Логики, хотя она включает в себе вещи, далеко, не только "мысленного" свойства, — и есть предмет диа-

лектической философии. Поэтому такая логика "есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития "всех материальных, природных и духовных вещей", т.е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.е. итог, сумма, вывод истории познания мира"²⁹.

Именно такой подход к историко-философскому исследованию, а именно точка зрения единства логики и истории, реализован в книжке Е.С. Линькова "Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга". "Развитие природы, человеческого общества и мышления, — пишет Линьков, — является единственным содержанием мышления. Все наше познание есть отражение действительности. И философия в этом отношении ничем не отличается от остальных наук. Необходимость философии прежде всего определяется необходимостью ее предмета. Однако даже самое поверхностное рассмотрение истории философии обнаруживает, как часто изменялся предмет философии, выступая как нечто случайное. Если бы необходимость не прокладывала себе дорогу через эти случайные моменты, сама философия опустилась бы до случайного. Только наличие необходимости в самом одурачивающем делает историю философии историей единой науки. История философии — это философия в исторической форме. Таким необходимым предметом философии является отношение мышления к бытию. Как бы различны ни были системы философии, все они стихийно или сознательно выражают это отношение. Философия исследует не бытие само по себе, не мышление само по себе, а их отношение друг к другу"³⁰.

Таков исторический итог более чем двухтысячелетнего развития европейской философии. Это не значит, что философы ничем другим не занимались. Они занимались и бытием самим по себе, и мышлением самим по себе, и многим другим. Но, во-первых, не все, чем занимались философы, принадлежит философии, а потому то, что не принадлежит философии, принадлежит только ее истории. А во-вторых, единство логического и исторического, как об этом уже говорилось, только потому и воз-

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

³⁰ Линьков Е.С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. Л., 1973, с. 3.

можно, что логика воплощает в себе историческую отрицательность, а потому она и может "вместить" в себя отрицающие друг друга исторические формы своего собственного существования. Такая Логика не оставляет позади себя ничего существенного, а потому, и как результат и как предпосылку такого своего характера, она имеет своим предметом тождество противоположностей, взаимно отрицающих и взаимно предполагающих друг друга, тождество мышления и бытия, в котором уже сняты и так называемая онтология и так называемая гносеология.

Этот основной предмет в конечном счете всякой философии принимает также форму основного философского вопроса, вопроса об отношении мышления к бытию, "духа" к материи³¹. Но этот основной вопрос философии оставался бы пустой абстракцией, если бы он не рассматривался как процесс — как исторический процесс смены различных форм его решения и как логический процесс его разрешения, соответствующий основным и существенным ступеням его исторического развития. Решение этого основного вопроса философии, что "первично", а что "вторично", это не предпосылка, догматически "принимаемая" тем или иным философом, и не один только результат, а весь процесс философского, логического развития от начала и до конца. Это не мы, материалисты, так решаем, что материя первична, а сознание вторично, — так "решила" История, а мы только ее исполнители, только выговариваем ее решения и ее приговоры. Там, где эта историческая почва в подходе к основному вопросу философии утрачивается, там неизбежно его волюнтаристское и догматическое решение.

Исторический подход к предмету философии, если это конкретно-исторический подход, подход, основанный на конкретном единстве логического и исторического, не знает противоречащих инстанций даже тогда, когда встречаются случаи, казалось бы явно противоречащие тому, что основным предметом философии является отношение мышления к бытию. Позитивизм вообще сознательно отказывается от этого основного предмета философии. На этом основании, конечно, можно было бы просто сказать, что это не философия, и это в определенной мере соот-

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 282.

ветствовало бы истине. Но это все-таки философия, так же как тунеядец все-таки человек, хотя последний является так сказать практическим отрицанием всеобщей человеческой сущности - труда. Это "вырожденный" случай, случай, противоречащий всеобщему закону, но все-таки являющийся его особенным проявлением. Позитивизм и есть именно такой особенный случай, а именно вырожденный случай, вырождение всякой философии, потому, что он есть отрицание основного предмета всякой философии. Но это все-таки философия, потому что это отрицание философии в рамках философии, самоотрицание философии. Сознательный отказ от решения основного философского вопроса - это тоже определенная форма его решения.

Таковы основные моменты проявления единства логического и исторического применительно к самой Логике и ее истории. Это единство требует прежде всего исторического подхода к Логике и ее предмету и логического, диалектико-логического подхода к истории философии. А главное, что Логика и ее история это одна и та же в сущности наука, только в различных формах ее проявления. Это и предпосылка и итог применения принципа единства логического и исторического к Логике и ее истории.

УЧЕНИЕ Э. ГУССЕРЛЯ ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ
ПОНИМАНИЯ К. МАРКСОМ СПЕЦИФИКИ СОЗНАНИЯ

Ю. Матьяс

В последние десятилетия в СССР весьма планомерно и основательно ведется марксистская критика различных немарксистских философских направлений, течений и школ. Эта критика, разумеется, не возможна без более или менее основательного ознакомления философской общественности с категориальным содержанием соответствующих учений. Однако с развитием марксистской критики и знаний в области немарксистской философии, наблюдается некое побочное явление, а именно распространение и использование в марксистской философии некоторых категорий, применяемых немарксистскими философскими учениями в своих специфических целях. На наш взгляд, эта тенденция проявляется и по отношению к феноменологическо-экзистенциалистской философии, идеологическо-политическому мышлению этого же типа.

Имея в виду сказанное, не претендуя на широкие обобщения, нам хотелось бы в этой статье в качестве примера изложить и обосновать мнение о возможности принятия марксистской философией сознания и познания только одной из категорий немарксистской философии — категории интенциональности, время от времени употребляемой и в марксистской философии.¹

Категорией интенциональность в современной психологической науке обозначается "предметность" сознания, свойство сознания, заключающееся в том, что "... мы во всем поведении отнесены к чему-то ..."². Следовательно, подобное свойство

¹ См., например: Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса. — "Вопросы философии", 1968, № 6; Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972, и др.

² Allgemeine Psychologie. I. Der Aufbau des Erkennens. Heftband 1: Wahrnehmung und Bewußtsein (Handbuch der Psychologie in 12 Bänden. Bd. 1). Göttingen, 1974, S. 115.

психологами не придумано, но вся проблема в том, что на основе этого свойства сознания конституировалась и философская категория интенциональности. На ней, в свою очередь, основывается не только определенное философское учение о сознании и познании, а целое направление современной немарксистской философии — феноменологическая философия, соответственно, феноменология, феноменологический тип мышления. Направление это в упомянутом смысле основано в начале XX века немецким философом Э. Гуссерлем (1859—1938). И если мы хотим высказаться о возможности принятия в марксистской философии категории "интенциональность", то мы должны прежде всего обратиться к философскому замыслу Э. Гуссерля.

Хотя Э. Гуссерль первоначально не ставил себе специальную задачу разработать учение о специфической сущности сознания, он все же почти с самого начала своих философских исследований был занят выработкой и — в дальнейшем — разработкой учения о специфике сознания. Правда, все это совершалось в рамках выполнения какой-либо другой задачи, но тем не менее учение Э. Гуссерля о специфике сознания всегда и всем представлялось относительно самостоятельным целостным учением, составляющим центр всей феноменологии и феноменологической философии. В зародыше оно заключалось в рамках критики психологистской логики, потом в рамках новой, непсихологистской "чистой логики", а в дальнейшем — в рамках выработки и разработки собственной феноменологии и феноменологической философии, немислимой без специального учения о сознании как чистом трансцендентальном сознании. Имея в виду то, что учение Э. Гуссерля о специфике сознания в основном сформировалось в его ранних произведениях, в этой статье нельзя не исходить из этих, хотя и ранних, но в феноменологическом смысле вполне фундаментальных исследований, прежде всего "Логических исследований". "С этим произведением феноменологическое исследование впервые прорвалось наружу. Оно стало основной книгой феноменологии",³ сказал М. Хай-

См. также: Интенция. — Психологический словарь. М., 1983, с. 137.

³ Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main. 1979, S. 30.

дегтер в 1925 году в одной из своих лекций в Марбургском университете.

В "Логических исследованиях" последовательно проводится феноменологическая точка зрения на специфическую сущность сознания. Сославшись на большую многозначность слова сознание, Э. Гуссерль в феноменологическом освещении понятия сознание исходит только из самых тривиальных, самых употребляемых на рубеже столетия значений слова. Так, он в начале формулирует дефиниции сознания в современной психологии, которые могли бы интересовать исследователя в целях построения "чистой логики" (феноменологии).

Определения эти гласят : "1. Сознание как весь реальный феноменологический состав эмпирического я, как переплетение психических переживаний в единстве потока переживаний. 2. Сознание как внутреннее осознание собственных психических переживаний".⁴ Отметив их внутреннюю связь: первое производно от второго - ориентация картезианская! - , Э. Гуссерль от этих дефиниций в сформулированном виде отказывается, так как, по-существу, они только психологические, нефеноменологические. Но после феноменологического "очищения" он из них получит третью, в феноменологическом смысле вполне приемлемую, дефиницию: "Сознание как охватывающее обозначение для любых "психических актов" или "интенциональных переживаний".⁵ Таким образом, раскрывается феноменологическая сущность сознания - оно оказывается интенциональным переживанием, или - короче - "актом" в специфическом смысле.

Вкратце основное понимание Э. Гуссерлем интенциональности переживания (сознания) характеризуется следующим образом. Прежде всего интенциональность означает свойство переживания (сознания), состоящее в том, что переживание с по-

⁴ Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2: Untersuchungen zur Phanomenologie und Theorie der Erkenntnis. T. 1. Halle an der Saale, 1913, S. 346. В дальнейшем: Husserl E. Logische Untersuchungen, 2-1.

⁵ Ibidem.

МОЩЬЮ выражения как знака всегда высказывает не только что-то, но и о чем-то.⁶ Первое свойственно переживанию (сознанию) потому, что в нем заключается значение (или смысл), а второе потому, что это значение интенционально. Следовательно, все переживание, все сознание интенционально — оно нацеливается, "относится" — основное, центральное слово! —, направляется еще к чему-то отличному от значения, относится к предмету, предметному. Сознание не возможно без интенционального, хотя и не входящего в сам акт, т.е. "трансцендентного", предмета. В то же время интенциональный предмет все же целиком и полностью определяется интенциональным переживанием, или актом, не только в качестве предмета, вообще, а также в качестве предмета **т а к и м,**
к а к и м он индентрирован.

В этом смысле, с точки зрения своей полной качественной определенности, интенциональный предмет находится "под властью" акта, или интенционального переживания, т.е. сознания. Эта сторона акта Э. Гуссерлем называется интенциональной материей акта. "Материя" — акт вообще, определяет, следовательно, свой предмет также "содержательно". Переживание в феноменологическом смысле есть всегда переживание интенционального "трансцендентного" предмета. В какой-то мере переживание понимается диалектически — как абсолютное единство переживания со своим предметом, относительно **о т л и ч н ы м** от переживания. В последнем смысле предмет и является "трансцендентным". Переживание всегда первично и фундаментально по отношению к своему предмету, но в то же время оно по своей сущности — предметно. Беспредметное переживание невозможно, предметность входит в определение, в феноменологический состав переживания т.е. интенционального переживания. Переживание (сознание) феноменологически не что другое, как **о т н о ш е н и е к п р е д м е т у,** **"о б л а д а н и е"** п р е д м е т о м. Тем самым переживание (сознание) отождествляется с интенциональностью. С опущением "субъекта" (!) — существует только отношение к предмету — в этом определении гуссерлевское понимание сознания становится четче и

⁶ Cf. *ibidem*, S. 46.

точнее, — но не обязательно — наше. По правде говоря, "феноменологически" нельзя выражаться так, как будто бы интенциональное переживание, или акт, или сознание относится к предмету. Нельзя потому, что о т д е л ь н о от этого отношения, от этого отношения к предмету нет никакого интенционального переживания, или акта, или сознания. Сознание есть только само отношение к предмету и ничего большего! Впрочем, нам кажется, что в будущем, через треть века, Э. Гуссерль в другом весьма известном произведении будет иметь в виду и только что сказанное, когда напишет в отношении Р. Декарта: "Разумеется, о действительной постановке и разработке темы "интенциональность" нет никакой речи".⁷

Таково первоначальное, но не законченное изложение учения Э. Гуссерля об интенциональности сознания, которое и по сей день его последователями часто рассматривается в качестве принципиального нового понимания сознания, следовательно, также познания, теории познания, вообще философии. Поэтому было бы справедливо отметить, что Э. Гуссерль все же не и з о б р е л учения об интенциональности сознания, а исходил в основном из философского учения своего учителя, немецкого философа и психолога Франца Brentano (1838–1917). Последний, в свою очередь, исходил из средневековой схоластики, в которой понятия интенция и интенциональность широко употреблялись для сущностной характеристики сознания. Идея интенциональности сознания скрыто встречалась еще в древнегреческой философии. Таким образом, обнаружение у сознания такого свойства, как нацеленность или направленность на предмет, отнесенность к предмету, называемого интенциональностью или предметностью, отнюдь не ново.

Продолжим сейчас изложение учения Э. Гуссерля. Дело в том, что мы пока еще не о б н а р у ж и л и основную сущность интенциональности сознания в трактовке Э. Гуссерля. Подлинный гуссерлевский акцент еще не поставлен.

Если до сих пор говорилось, что феноменологически созна-

⁷ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transcendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. — "Philosophia", Belgrad, 1936, vol. 1, fasc. 1, S. 158.

ние всегда сознание интенционального "трансцендентного" предмета, то не было еще сказано, что такое единство сознания со своим предметом возможно только при условии, что предмет сознания — не реальный, не существующий, а в действительности лишь предмет сознания: "... естественно, такое переживание с этой своей интенцией может существовать в сознании без того, чтобы этот предмет вообще существовал или даже, может быть, мог существовать; предмет полагается, т.е. его полагание есть переживание; но он тогда только полагается и в действительности — ничто".⁸

С точки зрения феноменологического понимания интенциональности неважно, каково бытийное качество предмета, важна лишь его данность сознанию, его полаганность сознанием. Проблематика идеальности — материальности предмета для феноменологической философии Э. Гуссерля не основная проблематика, по отношению к ней первична проблематика данности предмета, полаганности предмета. "Когда я представляю бога Юпитера, тогда представленным предметом является этот бог, он присутствует в моем акте "имманентно", имеет в нем "ментальную внутри-экзистенцию"... Если могли бы в дескриптивном анализе это интенциональное переживание разложить, как хотят, то в этом, естественно, чего-то такого, как бог Юпитер, найти нельзя; следовательно, "имманентный" "ментальный" предмет, не входит в дескриптивный (реальный) состав переживания, следовательно, он в действительности является отнюдь не имманентным или ментальным. Разумеется, он не есть также *extra mentem*, его вообще нет ... Если существует, с другой стороны, интендированный предмет, то с феноменологической точки зрения не следует ничего изменять. Данное одинаково существенно для сознания, существует ли представленный предмет или он измышляется и, может быть, даже лишен смысла. Юпитера представляю я не иначе, чем Бисмарка, вавилонскую башню не иначе, чем кельнский собор, правильный тысячеугольник не иначе, чем правильный тысячеплощадник".⁹ Точка зрения феноменологии и

⁸ Husserl E. *Logische Untersuchungen*, 2 - 1, S. 372 - 373.

⁹ *Ibidem*, S. 373.

феноменологической философии Э. Гуссерля — точка зрения абсолютизации сознания с его феноменологическими характеристиками, т.е. субъективистская и субъективно-идеалистическая. Понятно, что разговоры о реальности или ирреальности, о материальности или идеальности предмета сознания не входят в специфически феноменологическую проблематику, они проблемы другого уровня, чем проблема интенциональности предмета. Последний достаточно, целиком и полностью определяется интенционально.

Не забывая о первоначальной цели статьи — изложить и обосновать мнение о возможности принятия марксистской философией категории интенциональности —, мы должны сейчас, после критического изложения понимания Э. Гуссерлем интенциональности сознания, обратиться к пониманию К. Марксом специфики сознания.

К. Маркс, как известно, отдельно и специально никогда не излагал своего учения как о сущности сознания вообще, так и о его специфике.¹⁰ Тем не менее за некоторыми прямыми, а также многими косвенными определениями специфики сознания открывается целостное учение о сознании, полная реконструкция которого еще впереди. В интересующем нас смысле среди сочинений К. Маркса в особенности отличаются некоторые ранние, прежде всего "Экономическо-философские рукописи 1844 года", "Тезисы о Фейербахе", "Святое семейство" и "Немецкая идеология" (оба совместно с Ф.Энгельсом), а также "Капитал", которыми мы в основном и будем пользоваться.

К. Маркс, насколько нам известно, при характеристике сознания не пользовался словом интенциональность (интенция). Интенциональность им не употреблялось, хотя, он, на наш взгляд, хорошо знал по меньшей мере одно философское учение, в котором душа человека характеризуется интенцией — древнегреческий и в особенности римский стоицизм (Цицерон, Сенека и др.).¹¹ Если сейчас и современная психология и философия

¹⁰ См. также: Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса, с. 15.

¹¹ См.: Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 21-140; Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилосо-

единогласно - во всяком случае, по форме - утверждают, что сознанию свойственно некое свойство, подобное интенциональности, хотя и называется оно весьма различными именами (содержательность, объективность, предметность, интенциональность, активность и т.п.), то это свойство каким-то образом и в какой-то мере непременно должно отражаться и в понимании К. Марксом специфики сознания. Но в то же время нужно иметь в виду, что К. Маркс в своих научно-философских изысканиях всегда исходил из самой действительности, из понимания действительности и "понятий действительности" - если можно так высказаться. Словесные спекуляции как в науке, так и философии были ему глубоко чужды! Достаточно вспомнить хотя бы уничтожающую критику им диалектико-философских спекуляций Б. Бауэра и др., данную в "Святом семействе".

Учение К. Маркса о сущности сознания прежде всего глубоко материалистично. "Для меня ... идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней",¹² гласит первое определение идеального и в то же время сознания человека, характеризующее их отражательную сущность. В то же время учение К. Маркса не менее глубоко диалектическо-материалистично. Как в "Экономическо-философских рукописях 1844 года", так и в "Тезисах о Фейербахе", К. Маркс утверждает, что "действительность" должна пониматься как активная предметная деятельность человека не только в смысле материальной - впрочем, недостижимой для старого, "созерцательного" материализма -, но и в смысле деятельности сознания. "Человек ... делает самую свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. /.../ ... он есть сознательное существо, т.е. его собственная жизнь является для него предметом именно

фией Эпикура. - Там же, с. 147-233; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шtirнера и немецкого социалиста в лице его различных пророков. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 123-125.

¹² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. I. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

лишь потому, что он есть родовое существо".¹³ И мы полагаем, что К. Маркс чаще всего употребляет для характеристики свойства сознания, подобного интенциональности в первоначальном значении, именно слова предмет, предметное и предметность. Но, так как эти слова часто повторяются в известном нам феноменологическом (идеалистическом) значении, синонимичном интенциональности, и в учении Э. Гуссерля, то мы должны показать, что понимание К. Марксом сознания как предметного сознания вполне материалистично, точнее - диалектическо-материалистично.

Обратимся с этой целью к одному из самых известных определений К. Марксом сущности сознания: "Сознание /das Bewusstsein/ никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием /das bewusste Sein/, а бытие людей есть реальный процесс их жизни".¹⁴ Отметим, что часто цитируется только первая половина этого определения, а вторая опускается как излишняя. На наш взгляд, это неправомерно - вторая половина важна не в меньшей мере, чем первая, так как прибавляет существенный, с точки зрения марксистской философии, аспект для понимания марковского определения. Прежде всего сознания для К. Маркса видимо, означает осознанность, или сознательность, вообще. Далее, в о - п е р в ы х, сознание как осознанное бытие - если под бытием понимается "бытие людей", и к тому же как "реальный процесс их жизни" - может означать осознанное бытие или в смысле направленности (направления) "сознания" на внешнее, другое бытие, на "внешность", т.е. на объективную реальность; или в смысле отнесенности (отнесения) "сознания" к внешнему, другому бытию, к "внешности", т.е. к объективной реальности. Сознание оказывается осознанным бытием, т.е. объективно-реальным бытием так, как оно "просвечивается" сознанием в сознании.

Этим ни в коем случае не отрицается возможность объективной реальности без сознания. Т.е. сознание как осознанное бытие все же только само сознание, ко-

¹³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. с. 93

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, с. 25.

тому объективная реальность дана, но которую сознание может принимать только по - своему - только в сознании: отражательно-образно. В "Немецкой идеологии" этот аспект определения сознания описывается К. Марксом следующим образом: "Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно - осознание природы ..." ¹⁵. Отсюда видно, что К. Марксом в то же время весьма четко описывается еще один аспект сознания, к которому нам сейчас и предстоит подойти.

Во - вторых, сознание как осознанное бытие может означать осознанное бытие еще или в смысле направленности (направления) "сознания" на свое, внутреннее бытие, на "внутренность", на самость; или в смысле отнесенности (отнесения) "сознания" к своему, внутреннему бытию, к "внутренности", к самости. Так как у К. Маркса речь идет о сознании человека, то направленность или отнесенность "относится" к самому "сознательному" человеку, т.е. такое сознание - направляющееся или относящееся - в действительности является самосознанием. Человек "... есть сознательное существо, т.е. его собственная жизнь является для него предметом ...". Тут нет места и времени для более подробных определений самосознания, но отметим, что "шкала" или "диапазон" понятия самосознания весьма широки: от осознания человеком самого себя "целиком и полностью", и телесно, и духовно, до осознания сознания как такового и, далее, до осознания "отдельности" отдельных структурных элементов сознания. Мы придерживаемся принципиальной точки зрения, по которой сознание человека всегда в какой-то мере является самосознанием, рефлектирует "себя". "... существенным моментом (сознания) является самосознание ...", ¹⁶ утверждают марксистские учебники, словари и энциклопедии по философии. Ниже мы, в связи с критикой феноменологического учения об

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, с. 29.

¹⁶ Спиркин А. Сознание. - Философская энциклопедия, т. 5, М., 1970, с. 46.

дтенциональности сознания, еще раз обратимся к проблеме самосознания: оно ведь специфически направляющееся, относящееся сознание!

Если сейчас еще раз просмотреть приведенные нами аспекты сознания как осознанного бытия, то вполне устойчиво впечатление и убеждение, что они являются только отвлеченными аспектами реального, индивидуально-конкретного сознания, в действительности существующими только в первоначальном и подлинном единстве. "Присутствие" одного или другого аспекта предполагает присутствие всех остальных. К. Маркс в своем понимании сознания исходит из положения: "Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание".¹⁷ На наш взгляд, основные значения материалистически понятого сознания — сознание как "внешнее" и как самосознание — должны рассматриваться в качестве диалектически противоположностей одного целостного сознания "самих действительных живых индивидов". Первая не возможна без второй, а вторая предполагает первую, и в то же время они "ограничивают" друг друга.

Это положение о внутренней диалектике сознания также подтвердилось, как мы увидели, простым "освещением" слова, подсказанным К. Марксом. Возможна и другая диалектика, вполне корректная с точки зрения марксистской философии. Во-первых, сознание вообще является бытием, потому что оно осознанное бытие. Во-вторых, сознание по своей специфике, как одна из форм, один из способов бытия, отличается от бытия вообще, "остального" бытия, противопоставляется ему как специфическое бытие: оно осознанное бытие. Таково сознание с точки зрения диалектики общего и специфического, особенного. Сознание — маргинальная форма, маргинальный способ бытия, потому что оно есть осознанное бытие. Сознание — марги-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, с. 25.

и а л ь н о е бытие. Но это отличие и противопоставление только относительно, не более. Вообще "существует" только бытие.

Таким образом, мы убедились, что понимание К. Марксом сущности и специфической сущности сознания диалектиче-ско-материалистично, хотя в то же время допускается и предметность сознания. Сознание предметно, потому что оно - осознанное бытие. Бытие - предмет сознания, на него направляется, к нему относится сознание. Сознание не мыслимо без этого предмета. То, что оно направляется или относится к предмету, не является для К. Маркса никакой новостью, никаким открытием. К тому же это свойство сознания им полностью описывается привычными предметными "именами", нет, видимо, никакой нужды называть его интенциональностью или еще как-то по-другому - как это делается, например, Э. Гуссерлем. Как К. Маркс, так большей частью и марксистская философия до сегодняшнего дня удовлетворялись в описании упомянутого свойства традиционной терминологией. Э. Гуссерль же вводит для этого свойства, как мы увидели, в весьма специфическом значении специальное наименование, хотя и не новое, но все-таки непривычное - интенциональность. Очевидно, что предметная направленность или отнесенность сознания, хорошо увиденная К. Марксом, отнюдь не равняется интенциональности, а только по форме, формально подобна интенциональности Э. Гуссерля. В рассмотренном определении К. Маркс четко раскрывал характер подлинного предмета сознания, т.е. характер бытия. Под бытием он имел в виду бытие людей, а это ничто иное, как реальный процесс их жизни. Предметом сознания, по К. Марксу, является что-то реальное, действительное ("реальный процесс жизни людей, "самых действительных живых индивидов").

Именно здесь, в решении проблемы характера предмета сознания проявляется решающее различие марковского понимания сознания от гуссерлевского, внешне, может быть, для кое-кого весьма близкого к марковому. Поэтому в марксистской философии, соответственно, теории сознания и познания, на наш взгляд, никак нельзя для характеристики сознания употреблять "интенциональную" терминологию, специфически свойственную

современной феноменологии, как особому направлению субъективно-идеалистической немарксистской философии. С точки зрения К. Маркса предмет сознания и познания — сама объективная реальность, сама действительность, а не только — интенциональный предмет! Отличие это принципиальное, содержательное. Но, с другой стороны, мы также не формалисты — ради одного формального описания сознания по поверхностному подобию не стоило бы привлекать терминологию исключительно сущностную, к тому же немарксистскую.

Но может быть, категория интенциональности все-таки в каком-то содержательно-сущностном смысле пригодна к употреблению и в марксистской теории сознания — ежели она в ней все-таки употребляется? Можно, например, сослаться на возможность трактовки интенциональности как общего обозначения различных аспектов и сторон активности сознания. К. Маркс сам писал об активности сознания в "Тезисах о Фейербахе", а идея эта всегда в какой-то форме, с какой-то стороны или в каком-то аспекте присутствовала в понимании им сознания человека. Современное марксистское учение об активности сознания во многом исходит из марксовых положений. Для того, чтобы справедливо судить о возможности "замещения" или "дополнения" положения об активности сознания положением об интенциональности сознания, мы должны узнать, "совпадают" ли и в какой мере "совпадают" в действительности "интенциональность" и активность сознания. Поэтому, в свою очередь, мы должны обратиться к некоторым положениям К. Маркса, представляющим его понимание активности сознания.

Марксистская теория сознания и познания — теория отражения. Вся направленность и отнесенность сознания возможна и понятна, если имеется в виду отражательная сущность сознания. Но только этого недостаточно: "Рассмотрение сознания лишь как высшей формы отражения действительности не может полностью раскрыть его природу. Функция регулирования поведения человека составляет фундамент, основание выполнения сознанием функции отражения действительности, познания, существования его в форме абстрактного знания. В плане соотношения регулятивного и отражательного аспектов, особенно с точки зрения генезиса сознания, последнее есть

скорее отражение ради регулирования, скорее регулирование отношений человека к природной и социальной действительности посредством отражения ее общих, необходимых, закономерных сторон, связей и отношений, чем регулирование ради отражения".¹⁸ Речь идет о диалектике двух функций, двух свойств сознания, соответственно, двух положений о сознании, диалектике, которая должна быть понята не как-то вообще, а социально-исторически конкретно. Регулятивность как активность сознания может быть в качестве фундамента, основанная отражательной функцией понятия: 1) с точки зрения г е н е з и с а сознания, и как только сознания, т.е. не с точки зрения г е н е з и с а низших психических функций, и 2) с точки зрения трактовки сознания как деятельности сознания, сознательной деятельности, как регулятивного начала предметно-чувственной деятельности человека. Сознание в своем г е н е з и с е стимулируется-детерминировано "снизу" всей жизнедеятельностью индивидуального и конкретного человека, а сознание - детерминированное-стимулированное, таким образом, "снизу" -, в свою очередь, действует как активатор-регулятор своей отражательной функции.

Обращаясь к К. Марксу, мы исходим из такого определения активности сознания, в котором четко проявляется как общая, так и специфическая сущность сознания человека, а проявляется она в сравнении человека с животным. "Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не "относится" ни к чему и вообще не "относится"; для животного его отношение к другим не существует как отношение".¹⁹ Речь идет о том, что человек "относится" вообще и еще как-то специфически, особо, что и проявляется в сравнении его с животным. От перевода с немецкого может остаться впечатление, что К. Маркс трактует категорию относиться и отношение только в смысле активности, что вообще свойственно живой природе. Но К. Маркс никак не суживает этих философ-

¹⁸ Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики, т. I: Отражение, познание, творчество. София, 1981, с. 129.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, с. 29.

ских категорий (по-немецки *sich beziehen, Beziehung*), характеризующих универсальную взаимосвязь структурных элементов всего мира, потому что с самого начала по-немецки употребляются категориальные слова (*sich verhalten, Verhältnis*) другого корня, относящиеся прежде всего к поведению животных и людей (ср.: общественные отношения - *gesellschaftliche Verhältnisse*), отражающие их активность. Далее, отношение чего-то или кого-то к чему-то или кому-то возможно только при условии, что "второе" отражается в "первом" или "первым": относиться можно только к чему-то или кому-то существующему в отношении относящегося, следовательно - к отражаемому им. "Первое" имеет "второе" в качестве своего предмета - иначе никакое отношение не возможно. Как человек, так и животное имеют свой предмет отношения, относятся к своему предмету, отражают его, но животное "отношение" характеризуется К. Марксом к тому же в смысле, что оно есть ("... для животного его отношение к другим...") и в то же время не есть ("... не существует как отношение") отношение. Следовательно, у животного "отношения" не хватает некоторого качества или свойства, имеющегося у человеческого отношения. Из марковского фрагмента, противопоставляющего животное "отношение" человеческому, вполне логически следует, что для человека его отношение к другим существует как отношение и е. Или, иначе говоря, человек имеет в качестве своего предмета не только предмет отношения ("второе" что-то или кто-то), но также само отношение. Человек относится к своему отношению ("Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня..." - разрядка наша. - Ю.М.). Подлинное отношение К. Марксом отождествляется с отношением для кого-то, с осознанным и познанным отношением, с человеческим отношением - только тогда оно без кавычек. Следовательно, человеческое отношение понимается К. Марксом как отношение к отношению, как самосознание. Итак, мы еще раз, хотя и другим путем - в поисках активности человеческого сознания - пришли к заключению, что сознание в марковом понимании есть и самосознание.

Этот второй выход к самосознанию оправдывает попытку

сопоставить марксистскую трактовку самосознания, производного от активности сознания, с гуссерлевской трактовкой "я", производного от интенциональности сознания. В марксовом, следовательно, и в марксистском понимании самосознание рассматривается в диалектической связи с сознанием, как его "момент". Очевидно, важно качество этого "момента". Как идентичное с самим собой, сознание есть сознание, но так как оно в то же время диалектически таит в самом себе и осознанное различие по отношению к самому себе, то оно и есть самосознание. Это значит, что сознание и самосознание *in actu* на наш взгляд, ни в коем случае не являются ни двумя различными "одновременными" актами, ни двумя сознаниями одного акта — как будто бы есть "сознание" и к тому же еще другое "сознание", "самосознающее", схватывающее и созерцающее первое. Эта мысль хорошо сформулирована Н. Французовой. Имея в виду речь о так называемом предметном сознании и самосознании, она пишет: "... в данном случае можно говорить скорее не о самостоятельных сферах сознания, а о своеобразной "повернутости" сознания к внешнему или внутреннему миру. Границы внутреннего и внешнего фокусирования сознания крайне условны".²⁰ Есть только одно сознающее сознание, которое все время в большей или меньшей мере сознает себя сознающим. Сознание "замечает" себя, оно и есть это, если так можно связать, "замечание". Самосознание в действительности — только различие сознания, тот "момент", что сознание *in actu* вообще различает.

Другие понимания самосознания, не являющиеся развитием упомянутого толкования, могут привести к ошибочному пониманию теории отражения. На наш взгляд, например, не правомерна трактовка самосознания таким образом: "В сознании есть образ не только внеположного объекта, но и образ этого образа, т.е. отражение отражения предметного мира".²¹ Такие представления на наш взгляд, могут подрывать престиж теории отраже-

²⁰ Французова Н.П. Общественно-историческая сущность и творческая активность сознания. М., 1983, с. 26. См. также: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М., 1971, с. 228-229.

²¹ Спиркин А. Сознание, с. 46.

ния, а в свое время заставили Э. Гуссерля писать о теории отражения только в кавчках.²² Во-первых, вообще неточно утверждать, что в сознании есть образ объекта, потому что сознание не является комнатой, завешенной картинами, а есть сам образ, само отражение. "Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира..."²³. Во-вторых, если в сознании имеется не только образ, но и образ образа, то в принципе должен быть возможным и образ образа образа и т.д., т.е. до бесконечности. Психически ничего такого просто нет, Человеку даже не дан образ внеположного объекта, а сам объект. Человек не "относит" специально образа внеположного объекта с самим объектом. Психологи такого процесса не знают, а некоторые философы называют этот предполагаемый ими процесс объективацией. В действительности сознание есть данность внеположных объектов человеку как внеположных, оно и есть объективация. Поэтому не может быть и речи о самосознании в качестве "образа образа" и т.п. Такое возможно только опосредованно, через другие психические процессы. Но так как тогда вступают в игру и другие, непсихические посредники — прежде всего, вся человеческая практика —, то тут точнее говорить о самопознании. Скорее всего в познавательном смысле можно говорить об образе образа и т.д. Самосознание же есть процесс знания о процессе знания, осознание знания: "Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — з н а н и е".²⁴

Э. Гуссерль в "Логических исследованиях" занимается не столько самосознанием, сколько "я". Понимание этого "я" излагается Э. Гуссерлем в связи с критикой П. Наторпа, утверждавшего, что в сознании человека существует чистое "я" как "... субъективный центр отношений ко всем осознанным мною содержаниям ..." ²⁵ Э. Гуссерль пи-

²² Cf. Husserl E. Logische Untersuchungen, 2 - 1, S. 421 - 424.

²³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. — Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 66.

²⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. с. 165.

²⁵ Husserl E. Logische Untersuchungen, 2-1, S. 359.

лет, что ему просто не удалось найти такого центра и поэтому не осталось ничего другого, как подвергнуть эмпирическое "я" обыденного сознания феноменологическому анализу. В итоге он заключает: "Осознанное интенциональное отношение "я" к своим предметам я не могу понимать иначе, как таким образом что к феноменологическому составу единства сознания в целом принадлежат и такие интенциональные переживания, в которых интенциональным объектом являются я-тело, я как духовная persona и так весь эмпирический я-субъект (я, человек) ..."²⁶. И далее: "'Я' воспринимается таким же образом, как некоторая внешняя вещь".²⁷ Позиция Э. Гуссерля ясна: феноменологически "я", или самосознание, не отличается от сознания. Сознание может быть самосознанием — со спецификой своего предмета —, но это не значит, чтобы самосознание феноменологически как-то отличалось от сознания или противопоставлялось ему. Если акт, интенциональное переживание или, в конце концов, сознание есть отношение к предмету, "обладание" предметом, то самосознание, обычно гипостазированное или субстанциализированное, есть только отношение к сознанию, к "я", "обладание" сознанием, "я" — такое же, как, например, отношение к дереву, "обладание" деревом, потому что один раз предметом является сознание или "я", а другой раз — дерево. "Я", или самосознание, есть не относящееся к "я", а отношение к "я". И различие это интенционально сущностное. "Я", таким образом, лишь одно из многих возможных интенциональных отношений, проблема специфики которого совершенно другая проблема. Вследствии проблематика "я" будет в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля играть свою особую роль, но пока трактовка "я" в ходит у Э. Гуссерля в общую трактовку интенциональности сознания. В то же время самосознание в марксистской философии является качественной характеристикой активности сознания, характеризующей ее как самоактивность.

К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет хотя бы

²⁶ Husserl E. *Logische Untersuchungen*, 2 - 1, S. 361.

²⁷ *Ibidem*, S. 362.

кратко охарактеризовать самоактивность. Отметим, лишь, что мы употребляем это понятие для представления специфического качества человеческого сознания и всей его жизнедеятельности. Жизнедеятельность животного также активна, но у человека она является сознательной, что и превращает его активность в самоактивность. Это понятие может применяться в отношении как сознания человека, так и всей его жизнедеятельности, являющейся сознательной. Им подчеркивается марксистское понимание человека как самоцели, самоценности и т.п. Самоактивность — активность, свободно исходящая из самосознающего человека — в марксистской философии описывается рядом частных понятий, такими, как, например, отношение, объективация, знание, избирательность (селективность), целенаправленность, целесообразность, свобода воли, ответственность и т.д. В нашем смысле это понятие одного и того же порядка или уровня, составляющие однопорядковую или — уровневую понятийную систему. Они не только описываются или понимаются одно через другое, но также дополняют друг друга и в некоторой мере совпадают. Понятия эти отражают реальные аспекты, стороны самоактивности "готового" сознания. Хотя имеются интереснейшие возможности сопоставительного рассмотрения отдельных аспектов марксистского учения об активности сознания с учением Э. Гуссерля об интенциональности сознания (например, свобода воли избирать предмет и относиться к нему самыми различными способами в сравнении и с отношением интенциональной "материи" акта к предмету), мы должны тут ограничиться только общим сопоставлением и сравнением двух учений. Вспомним, что вначале мы исходили из факта, что сознание человека в действительности относится к предмету, и из предположения, что это отношение должно как-то отражаться как в марксовом, так и гуссерлевском понимании сознания. Так оно и было, нам остается лишь сослаться на различия, не позволяющие считать учение об активности сознания некоторой вариацией учения об интенциональности сознания, вариацией, допускающей в свою очередь, пользоваться словом интенциональности как обозначением для различных аспектов и сторон активности сознания.

I. Марксистское учение об активности сознания возможно

и понятно только с точки зрения теории отражения. Учение Э. Гуссерля об интенциональности сознания не только противостоит теории отражения, но и отрицает и отвергает ее в прямом смысле.

2. К. Маркс исходит из сознания "самих действительных живых индивидов", активность сознания которых обуславливается всей их актуальной жизнедеятельностью. Э. Гуссерль исходит "из сознания, как если бы оно было живым индивидом", активность которого принимается *a priori*. К тому же, активность сознания, по К. Марксу, обуславливается не только актуальной жизнедеятельностью, но также исторически, в смысле как "естественной", так и социальной истории.

3. В марксистском понимании акты сознания как сознания "самих действительных живых индивидов" связываются, переплетаются между собой, переходят одно в другое; они "текут", меняются, содержат в самом себе различия по отношению к самому себе. В понимании Э. Гуссерля акты сознания чисты друг от друга, идентичны с самим собой, они не "живут". Трактуются они, следовательно, недиалектически, метафизически.

4. Марксистское положение об активности сознания предполагает понимание сознания в качестве самосознания, актуально различающего самого себя и — далее — свои отдельные структурные элементы, являясь тем самым основой самопознания. Гуссерлевское сознание актуально не является самосознанием, оно чисто от самого себя, не может в одно и то же время кроме своего предмета, предметно "иметь" еще самого себя. Или, иначе говоря, оно может быть предметом отношения, но тогда это предметное отношение не может предметно относиться к самому себе. "В акте означения значение не осознается предметно",²⁸ утверждает Э. Гуссерль.

5. В марксистской философии принятие учения о сознании как самосознании возможно только с точки зрения теории отражения. Если предметом сознания является предмет в смысле объективной реальности, а сознание идентично с ее отражением, образом, то само сознание как отражение, образ, может для самого себя быть особым предметом, отличным от объективной реальности. Самосознание — различающее сознание. Если

²⁸ Husserl E. Logische Untersuchungen, 2 - 1, S. 103.

предметом сознания, является интенциональный предмет, "существующий" с сознанием и, следовательно, являющийся единственно возможным содержанием сознания, т.е. им самим, то, видимо, никакое другое сознание, никакое "самосознание", кроме одного существующего предметного отношения, не возможно: предметное сознание и "самосознание" целиком и полностью оказываются идентичными. Нет никакой возможности утверждать существование *in actu* еще какого-то самосознания, отличного от сознания. Таким образом, отрицание Э. Гуссерлем самосознания в упомянутом нами смысле вполне согласуется с отрицанием им теории отражения.

6. Если с точки зрения К. Маркса сознание человека является и объективацией в упомянутом смысле, то Э. Гуссерлем утверждается только принципиальная субъективность сознания. В будущем эта тенденция разрешится в принятии им точки зрения чистого трансцендентального сознания. Следовательно, все определения Э. Гуссерлем активности сознания также должны оказаться "субъективными", интенциональными - с точки зрения марксистской философии, пустыми и формальными. Полными содержания эти определения могут оказаться лишь тогда, когда дмеются в виду сознания "самих действительных живых индивидов", отражающие "реальный процесс жизни людей".

7. При марксистском понимании сознания как самосознания его активность понимается также как самоактивность: сознание это всегда и всюду действует отнюдь не жестко детерминированно-стимулированно, а относительно свободно и самостоятельно. С точки зрения учения Э. Гуссерля об интенциональности сознания, тезис о самоактивности в описанном смысле не может иметь никакого смысла. Самоактивность возможна и понятна только тогда, когда в качестве фундаментального и сущностного признается тезис о существовании объективно-реального мира. Нет, например, смысла рассуждать о свободе воли и т.п., если мир в этом смысле не признается.

Очевидно, можно еще долго продолжать различение между концепциями активности сознания и интенциональности сознания. Однако, как нам кажется, из сказанного следует, что марксистская концепция активности сознания весьма далека от гуссерлевской концепции интенциональности сознания. По своим

основам они непримиримы, их сходство — внешнее и формальное. На наш взгляд, для марксистской философии, как мы ее понимаем, концепция интенциональности сознания в феноменологическом смысле не приемлема, а в других смыслах, какие могут быть только внешними, формальными, ею употребляется иная терминология. Марксистское учение об активности сознания содержательнее и богаче, шире и глубже, чем "интенционалистское" учение Э. Гуссерля. Последнее никак не может "предоставить" марксистской философии обозначения для активности сознания.

В то же время, как было сказано, в современной советской философской литературе употребляется как интенциональность, так и другая "феноменологическо-экзистенциалистская" терминология, интенциональность прежде всего в смысле предметной нацеленности, направленности или отнесенности сознания. Разумеется, такая "замена" принципиально возможна, но тем самым, с введением в марксистскую философию таким образом понимаемой интенциональности, возникает потребность всегда объяснять новое понимание, на наш взгляд, весьма скудное, старого феноменологического понятия, а также опасность некоторого "приближения" или марксистской философии к феноменологии, или феноменологии к марксистской философии, опасность "сдвига". На наш взгляд, термин интенциональность уж слишком сильно занят феноменологией Э. Гуссерля.

Если принять "марксистское" понятие интенциональности, то в дальнейшем можно у К. Маркса "находить еще и другие "соответствующие" места. При желании, видимо, можно К. Маркса целиком и полностью — и это делается! — толковать "интенционалистски", феноменологически. Но сходство это внешне и формально, ошибочно и опасно. Понимание К. Марксом, например, акта сознательной человеческой деятельности, как мы видели, материалистично. К. Маркс — не феноменолог и незачем "интенционализировать" и феноменологизировать его, не смотря даже на то, что для непривычного уха слово интенциональность звучит, может быть, весьма привлекательно и модно. Понимания К. Марксом и Э. Гуссерлем как сознания, так и его специфики различны прежде всего мировоззренчески. Хотя имеются некоторые "места совпадения", существуют также и "места несовпадения", к тому же в основном, философском смысле. Ин-

тенциональность как таковая "целиком и полностью" может быть "использована" только в идеалистической и субъективистской философии. Другое дело, что сам Э. Гуссерль - хотя в свое время упрекал в этом же Ф. Brentano - также не понимал всю возможную суть интенциональности и, следовательно, покоящихся на этом понимании возможностей для самой феноменологии. "... Интенциональность является именно тем, что препятствует непосредственному к непредубежденному принятию того, к чему стремится феноменология",²⁹ утверждал М. Хайдеггер.

²⁹ Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs, S. 34.

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ "ЛЕВОЙ" МАРКСОЛОГИИ

Е.А. Самарская

Выделение "левого" направления в современной марксологии достаточно условно в силу большого сходства идейно-политических ориентиров всей современной марксологии, заключающихся в антиленинизме, антикоммунизме и антисоветизме. Но вместе с тем, такое выделение возможно, так как "левая" марксология имеет некоторые отличительные особенности, которые необходимо учитывать в идеологической борьбе.

Представителями "левой" марксологии выступают чаще всего идеологи левых группировок в социал-реформистских партиях Запада, теоретики "новых левых", радикально настроенные буржуазные интеллектуалы и др. Общим для этих разнородных идейно-политических течений является 1) враждебность в отношении мирового коммунистического движения и марксизма-ленинизма как его идеологии и 2) некоторая оппозиция в отношении буржуазных и социал-реформистских партий капиталистического Запада. Стремясь теоретически обосновать возможность "третьего" (не коммунистического и не социал-реформистского) пути к социализму, теоретики названных "левых" группировок обращаются к Марксу, претендуют на "аутентичное" понимание его социально-политической программы и философии, объявляют себя единственными подлинными наследниками революционности Маркса, его диалектического философского метода. Результатом являются создаваемые ими многочисленные и разнообразные фальсификации идейного наследия Маркса, толкования его диалектики в духе абстрактного гуманизма и субъективистского волюнтаризма (напр., у Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Г. Маркузе, Т. Адорно и т.д.), подмена революционной программы Маркса утопически-волюнтаристскими проектами социальных преобразований наподобие "Великого Отказа" Г. Маркузе, левацкого р-

дикализма Ж.-П. Сартра и т.д.

"Левые" марксологи охотно распространяют ошибочное мнение, будто после смерти Маркса наступила эпоха "деградации" марксизма, его "склероза", "упадка". В нигилистическом духе они освещают всю историю марксизма послемарксовского периода, работы Ф.Энгельса, В.И.Ленина, все этапы развития марксизма в мировом коммунистическом движении. Особое место в подобных концепциях истории марксизма занимает вопрос об идейной борьбе во II Интернационале.

"Левые" марксологи (и в этом отношении они схожи с правыми) заявляют, что история II Интернационала свидетельствует о крахе классического марксизма в международном рабочем движении. Они изобрели даже социологическое "объяснение" этого явления; по их мнению, крах был якобы неизбежно обусловлен неразвитостью пролетариата как революционного субъекта в капиталистическом обществе конца XIX — начала XX вв. и происходившим в ту пору историческим процессом соединения марксизма с массовым рабочим движением. В недавно вышедшей в Турине "Истории марксизма"¹ утверждается, что будто бы именно соединение марксизма с рабочим движением, образование "коллективного марксизма" привело к "вульгаризации" марксизма, его "схематизации" и "обеднению", к утрате марксовской диалектики и замене ее в идеологии рабочего движения философией фатализма, механистического детерминизма и т.п., пропаганда марксизма среди рабочих сопровождалась якобы неизбежно тем, что из марксизма выжимались "все фаталистические, механистические и детерминистские оттенки".²

Эта интерпретационная схема чрезвычайно характерна для "левой" марксологии. В ней, во-первых, наряду с утверждением о крахе классического марксизма в эпоху II Интернационала, содержится намек на возможность его будущего возрождения при условии соответствующего развития пролетариата как революционного субъекта, условия, которое реализуется, согласно авторам схемы, лишь в современную эпоху, то есть именно тогда,

¹ Storia del Marxismo. Torino, 1979.

² См.: Storia del Marxismo. Volume secondo. Torino, 1979.

когда разного рода "неомарксисты" создают свои концепции "аутентичного" марксизма. Во-вторых, в ней обедняется история идейно-политической борьбы во II Интернационале, внимание концентрируется, преимущественно, на фаталистических идеологических схемах каутскианского типа, которые ошибочно приписываются всему марксизму эпохи II Интернационала. Такой прием неоправданного отождествления с марксизмом какой-либо примитивной разновидности его интерпретации широко используется вообще в современной марксологии для дискредитации революционного марксизма не только эпохи II Интернационала, но и позднейших периодов. Упрекая оппортунистических идеологов II Интернационала в отступлении от революционного марксизма и отказе от материалистической диалектики К. Маркса, "левые" марксологи и марксизм-ленинизм интерпретируют как вариант социал-реформизма в политике и догматического объективизма, сциентизма, дополняемого в случае необходимости субъективистским волюнтаризмом, в философии. Многие из современных левых теоретиков не видят принципиальной разницы между различными идейно-политическими течениями во II Интернационале, так же как между официальной идеологией II Интернационала и большевизмом, большевизмом и троцкизмом, обвиняя в равной мере представителей этих течений в непонимании Маркса и отступлениях от "подлинного" марксизма. В-третьих, в разбираемой интерпретационной схеме односторонне изображается соотношение практики рабочего движения и марксистской теории, рабочее движение рассматривается лишь с точки зрения его зрелости для "аутентичного" (в специфически марксологическом понимании этого термина, в котором "аутентичное" означает на деле ревизионистское) восприятия философских идей К. Маркса, недостаточная теоретическая зрелость его объявляется причиной догматических искажений марксизма в эпоху II Интернационала. Целевая установка "левых" марксологов ясна: с помощью ссылок на незрелость пролетарского движения в конце XIX - начале XX вв. хотят обвинить в догматизме, упрощенчестве, несоответствии "аутентичному" марксизму все возникшие тогда в рабочем движении идейно-политические течения, марксизм-ленинизм так же, как социал-реформизм. Если же практику рас-

сматривать соответственно материалистической диалектике

К. Маркса как форму исторического творчества масс, то неизбежен вывод, что практика международного рабочего движения конца XIX — начала XX вв. поставила перед марксистской теорией ряд новых проблем и тем обусловила возможность ее дальнейшего развития. Марксизм-ленинизм как революционная идеология пролетарского движения эпохи империализма явился как бы ответом на проблемы, возникшие перед рабочим движением уже после смерти Маркса.

Чтобы понять подлинные причины возникновения в международном рабочем движении конца XIX — начала XX вв. догматических вульгаризаций и искажений марксистской теории, в частности философии К. Маркса, надо учесть происшедшую в нем тогда идейно-политическую дифференциацию.

Политическая эволюция социал-демократических партий II Интернационала отмечена размежеванием сначала теоретическим, а потом и организационно-политическим реформистов и революционных марксистов. Прослеживается определенная взаимосвязь между характером философского мировоззрения того или иного деятеля II Интернационала и его тяготением к той или иной социалистической стратегии: если такие революционные марксисты эпохи II Интернационала, как Р. Люксембург, К. Либкнехт, Д. Благоев и не оставили значительных философских работ по диалектике, то они пользовались ею как методом обоснования революционной политической стратегии; напротив, реформисты, как правило, приходили в той или иной форме к отрицанию диалектического метода.

Важнейшим показателем политической ориентации и, одновременно, отношения к диалектике является то или иное теоретическое и практическое решение проблемы соотношения конечной цели социалистического движения и повседневной практики классовой борьбы. Марксистское решение проблемы задано в "Манифесте Коммунистической партии": "Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения".³ Этот тезис базируется в марксизме на диалектико-материалистическом понимании взаимоотношений между

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 458.

объективной действительностью, познанием субъекта и его целенаправленной деятельностью, предполагает, в частности, различие между непосредственно данной объективной действительностью (эмпирический, "феноменальный" уровень бытия) и внутренними тенденциями ее развития (сущностный слой бытия), между стихийной деятельностью исторического субъекта, направленной на осуществление ближайших, непосредственно определенных его бытием целей, и деятельностью субъекта, опосредованной знанием прогрессивных тенденций истории. К. Маркс, Ф. Энгельс, впоследствии В.И. Ленин и другие марксисты-революционеры отстаивали диалектическое понимание единства сущего и должного, ближайших и дальних целей социалистического движения. Оппортунисты II Интернационала (Э. Бернштейн, К. Каутский после 1909 г. и др.) отрицали необходимость борьбы за конечную цель, отличную от ближайших задач рабочего движения, ориентировали его исключительно на борьбу за ближайшие интересы, ограничивая рабочее движение сферой непосредственно данного бытия. Тем самым, они перечеркивали, наряду с революционным содержанием марксизма, и его диалектическое понимание сущности человеческой деятельности, отбрасывали (Бернштейн) или искажали (Каутский) марксову диалектику в целом. Таким образом, за политическими разногласиями в рабочем движении проступают мировоззренческие и философско-методологические различия.

Обращаясь к анализу философского мышления идеологов II Интернационала, "левые" марксологи обвиняют их, прежде всего, в непонимании диалектики Маркса, его философии практики, заявляют, что из их теоретических систем была "исключена именно диалектика".⁴ Примитивный "экономизм", жесткий "детерминизм" составляли, с их точки зрения, господствующую тенденцию философского мышления идеологов II Интернационала; дополнением "экономизма" они объявляют "дуализм", неспособность выйти за пределы "антиномического" мышления, колебания между "экономизмом" и "морализмом", "каузальностью" и "финализмом" и т.п. Л. Колетти, например, в своей книге "От Руссо

⁴ Arato A. The second International: a Reexamination. - "Telos", 1973 - 1974, No. 12, p.2.

до Ленина" утверждает, что и Бернштейн, и полемизировавшие с ним "ортодоксы" К. Каутский и Г.В. Плеханов имели "элементарную и наивную идею экономики":⁵ "ортодоксы" давали обедненную трактовку исторического процесса, отождествляли законы истории с законами природы, исключали из сферы экономики собственно социальные, исторические моменты, не понимали того, что материальное производство является одновременно у Маркса и производством идей, и "интерсубъективных коммуникаций";⁶ Э. Бернштейн, желая избежать слабостей их "экономизма", пришел к эклектицизму, соединил "экономизм" с абсолютным морализмом в кантовском духе. Вывод Колетти заключается в том, что никто из теоретиков II Интернационала не понял "взаимного проникновения каузальности и финализма"⁷, которое Маркс отразил в своей диалектической концепции человеческой практики, что они произвели "удвоение" марксизма на "науку истории (анализ фактов) и социализм (этический идеал)", а между этими сферами не видели "никакой связи".⁸

"Экономический детерминизм", дуализм "экономизма" и "морализма" действительно составляли особенности философского мышления определенных групп теоретиков II Интернационала (догматиков - "ортодоксов" типа К.Каутского, ревизионистов). Современные марксологи, "левые" в том числе, неоправданно приписывают эти особенности почти всем идеологам международной социал-демократии конца XIX - начала XX вв., включая даже Ф. Энгельса или, например, Г.В. Плеханова. Между тем, Плеханов принадлежал к тем немногим деятелям II Интернационала, которые хорошо знали историю философии, в частности, философию Гегеля, и понимали, что именно диалектика составляет отличительную особенность марксова материализма. Он один из первых выступил с критикой бернштейнианской ревизии марксизма, нападок Бернштейна на марксистскую диалектику, разрабатывал, вслед за Ф. Энгельсом, целостную концепцию диалекти-

⁵ Coletti Z. De Rousseau à Lenine. Paris-Londres-New York, 1974, p. 122.

⁶ Ibid., p. 123.

⁷ Ibid., p. 127.

⁸ Ibid., p. 45.

ческого материализма, стремился раскрыть диалектические закономерности природы и общества. Ожесточенные выпады западных марксологов против "метафизичности", "объективизма" философских идей Энгельса и Плеханова служат им на деле для фальсификации в субъективистском духе марксовской диалектики, для отрицания ее исходной посылки о существовании объективной диалектики природы и общества, а также для отрицания объективно-истинного характера марксистской теории, ее положений о прогрессивном движении человеческого общества к социализму. Нередко за заявлениями об "однолинейном прогрессизме" и одностороннем "экономизме" Плеханова скрываются попытки приписать Марксу исторический плюрализм или антипрогрессивную концепцию социализма как попятного движения истории, возврата к архаическим формам общественной жизни.⁹

Отождествление философских идей Энгельса, Г.В. Плеханова со взглядами Каутского является у "левых" марксологов одним из средств теоретической дискредитации систем материалистической диалектики в истории марксизма. Тем же целям служит отождествление в философском плане ленинизма и каутскианства, характеристики ленинизма как "экономизма", "экономического детерминизма". Заявляют, например, что Ленин в "Материализме и эмпириокритицизме", опираясь на "Капитал" Маркса, "Анти-Дюринг" Энгельса, философские идеи Плеханова и Каутского развил, якобы, концепцию "экономического детерминизма", "показал себя скорее материалистом, чем диалектиком, его идеи отражают... сциентистский позитивизм XIX в."¹⁰ Подобные обвинения со стороны "левых" часто являются свидетельством их стремления перенести, в соответствии с идеалистически-утопическими установками модной на Западе критики "общества потребления", акцент в программах общественного пе-

⁹ См.: Baron S.H., Le developpement du capitalisme en Russie dans la pensee de Plekhanov. - "Histoire du marxisme contemporain", v. 3, Paris, 1977; Loewy M. Marxisme et romantisme revolutionnaire. Essais sur Lukacs et Rosa Luxemburg. Paris, 1979.

¹⁰ Gombin R. Les origines du gauchisme. Paris, 1971, p. 57-58.

реустройства с экономических преобразований на область культуры, сознания и ревизовать марксистскую диалектику в духе идеализма.

В нападках на "экономизм", равно присущий, якобы, Ленину и Каутскому, в квалификации ленинизма и каутскианства как разновидностей буржуазной идеологии современные "левые" марксологи имеют предшественников. В частности, они воспроизводят идеи А. Паннекуда, который уже в 20-е гг. XX века распространял выдумки о буржуазном, якобы, характере ленинского материализма, о единстве между "буржуазным материализмом" В.И. Ленина и его "капиталистически-буржуазной концепцией социализма" и т.п.^{II} Таким образом, идейно-политические корни современной "левой" марксологии можно найти уже во II Интернационале, у тех его деятелей, которые громко заявляли о своем радикализме, а на деле склонялись к союзу с оппортунистами, развивались в направлении антиленинизма, а впоследствии стали откровенными врагами Октябрьской революции и Советской власти (А. Паннекук, австромарксисты). Для них "левые" марксологи, оценивающие вообще чрезвычайно негативно уровень философского мышления теоретиков II Интернационала, делают исключение, видя в их теориях ценный вклад в идеологический багаж так называемого "западного марксизма", этого искусственного, созданного разного рода ревизионистами идеологического феномена, предлагаемого ими в качестве антиязы марксизму-ленинизму.

Много усилий "левые" марксологи употребляют для фальсификации идейного наследия Р. Люксембург, которую они, вопреки истине, также зачисляют в предшественники "западного марксизма". Если буржуазные и правосоциалистические авторы адресуют ей, как и большинству марксистов, упреки в "экономизме", "жестком детерминизме" и т.п., то "левые" склонны искать в ее текстах элементы противостояния "фатализму", "жесткому детерминизму". Такое противостояние действительно имело место, но "левые" фальсифицируют его сущность, изображают, например, ее философские принципы как "мистицизм",

^{II} Mattick P. Anton Pannekoek et la révolution mondiale. - "Histoire du marxisme contemporain", v.2, p. 341.

"Иррационализм", идеалистическую диалектику. Анархист Д. Герен, выискивая у Льюксембург "своего рода пантеизм", "мистическую" веру в стихийное историческое творчество масс, сближает истолкованный таким образом льюксембургизм с философскими взглядами самого Маркса. Психолог А. Натаф много говорит о поклонении Льюксембург стихии массового движения, о ее "поэтизации" истории, вере в бессознательные начала истории и т.п., объясняя эти надуманные "особенности" мировоззрения Льюксембург структурой женской психики в противовес мужскому рационализму. Между тем, он добавляет, что по "экзистенциальному" видению истории Льюксембург близка молодому Марксу, тогда как зрелый Маркс — это рационалист, так же как и Ленин; Р. Льюксембург — антипод зрелого Маркса и Ленина, их "окультная тень"¹². Взамен сложной диалектики истории марксистского диалектико-материалистического мировоззрения, включающей и такие моменты, как забвение марксовой диалектики большинством теоретиков II Интернационала, борьбу В.И. Ленина за ее возрождение и творческое развитие, усилия Льюксембург по преодолению на диалектической основе одностороннего детерминизма Каутского и абстрактного морализма Бернштейна, ее стремление доказать диалектическое единство в истории теории и практики, знания и ценностных ориентиров, Натаф предлагает искаженную схему истории марксизма как борьбы рационализма и иррационализма.

Ряд "левых" марксологов признают диалектичность философского метода Льюксембург, но дают ложное толкование ее теории диалектики, так же как и вопросов истории марксистской диалектики вообще. Например, ей одной приписывают заслугу адекватного понимания марксовой диалектики, противопоставляя ей как сторонников механистического детерминизма Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Некоторые марксологи в диалектической концепции самой Льюксембург отыскивают черты непоследовательности, дуализма объективной необходимости истории и субъективного творчества масс и т.п., т.е. адресуют ей упреки, ставшие уже штампом в марксологической "критике" марксизма. Например, А. Арато заявляет, что Льюксембург дала буд-

¹² Nataf A. Le marxisme et son ombre. Paris, 1970, p. 86.

то бы "грубое наложение волюнтаристской субъективности и детерминистского объективизма".¹³ Н. Герас субъективно стремится доказать единство философского метода Льюксембург, заявляет о том, что принципы исторического выбора и материалистического детерминизма входят в единую концептуальную схему истории Льюксембург, защищает ее от распространенного в западной марксологии противопоставления активистской тенденции ее политических работ объективизму "Накопления капитала". Но он приписывает Льюксембург чуждую ей мысль в духе дуализма о том, что объективно неизбежна лишь гибель капитализма, а не победа социализма, которая зависит просто от исторического выбора революционного пролетариата, является исторической возможностью, а не необходимостью.¹⁴

В современном философском ревизионизме левосоциалистической ориентации распространены субъективистские истолкования диалектики Льюксембург. Субъективизация диалектики Льюксембург и, наряду с этим, Маркса осуществляется путем фальсификации ведущего принципа марксистской диалектики — принципа единства объективного познания и революционно-преобразующей деятельности людей в истории. Он подменяется идеалистическим принципом тотальности, хотя подмена обнаруживается не всегда и не сразу. Авторы подобной ориентации подчас дают как будто точные характеристики марксовой диалектики и диалектики Льюксембург. Л. Бассо пишет, например, что, с точки зрения Льюксембург, "... диалектический метод был не только инструментом для истолкования истории и анализа современного общества, но также методом, согласно которому осуществляется история, методом, который применим в действии широких масс для сознательного строительства будущего".¹⁵

Действительно, историческая заслуга Льюксембург заключается в том, что в период засилья в социалистическом движе-

¹³ Arato A. *The Second International: a Reexamination*, p. 25.

¹⁴ См.: *Geras N.* *The Legacy of Rosa Luxemburg*. London, 1976.

¹⁵ Basso L. *Rosa Luxemburg: The dialectical method*. — "International Socialist Journal", 1966, No. 16-17, p. 506.

нии позитивистско-эмпирической методологии она напомнила о марксистском принципе единства теории и практики, объективного познания и пролетарской революционности и способствовала тем самым восстановлению подлинного смысла марксовой диалектики, преданной забвению большинством теоретиков II Интернационала. Однако современные апологеты теории диалектики Льюксембург извращают сущность марксистской диалектики, абсолютизируя момент единства во взаимоотношениях теории и практики, в результате чего познавательная деятельность утрачивает всякую самостоятельность и становится в полную зависимость от субъективного целеполагания. Излюбенный ими термин "тотальность" означает именно такую абсолютизацию ценностных аспектов человеческой деятельности и субъективизацию диалектического видения истории.

Сама Льюксембург, в целом, верно, с марксистских позиций оценивала соотношение теории и практики в истории, в том числе, революционной теории и повседневной практики классовой борьбы. Когда она, в противовес бернштейнской формуле: "движение все, цель ничто" провозгласила тезис о том, что конечная цель - это главное в практике социалистического движения, она не звала отказаться от изучения конкретной социальной действительности. Она всегда подчеркивала необходимость сочетания задач повседневной борьбы с конечной целью пролетарского движения. Однако в некоторых вопросах тактики она впадала в политический экстремизм, что является ничем иным, как проявлением на политическом уровне революционного субъективизма, абсолютизации конечной цели. Современные ревизионисты возводят политический субъективизм Льюксембург на философский уровень.

Один из вариантов - романтизация марксовой диалектики и диалектики Льюксембург. Она основывается на предположении об абсолютном совпадении рациональных и ценностных сторон человеческой практики и ведет к представлению об истории как замкнутом и единственном цикле человеческой деятельности, целью которого является реализация некоей абсолютной ценности, утраченной людьми в ходе исторического процесса, но которую они стремятся вновь воплотить в жизнь. Истолкованная таким образом диалектика становится антипрогрессивской тео-

рией, методом идеализации докапиталистических обществ. С этих позиций М. Леви приписывает классикам марксизма романтическую трактовку капитализма как прогресса в плане экономики и регресса с "человеческой точки зрения"¹⁶, с точки зрения "свободы", "равенства" и т.п. У Льюксембург он отыскивает идеализацию первобытного коммунизма, чрезмерное сближение образов первобытного коммунизма и коммунизма будущего, взгляд на капитализм как на "простое отклонение, переход между первобытным коммунистическим обществом и коммунистическим обществом будущего"¹⁷ и т.п. в духе идеалистической аксиологии.

Другой вариант субъективизации марксовой диалектики и диалектики Льюксембург — истолкование их в духе политического прагматизма. Исходной посылкой и в этом случае оказывается идеалистический принцип тотальности познания и действия, но в отличие от романтической версии, основой исторического движения выступает не некая абсолютная ценность, а изменчивые политические цели, представляющие, якобы, интересы рабочего движения. Таким образом, т.е. в плане прагматической редукции его, фальсифицирует марксизм, например, О. Негт. Он дает идеалистически-волюнтаристскую трактовку исторической диалектики Льюксембург, извращая попутно и диалектику Маркса, ибо последнюю он полностью отождествляет с диалектикой Льюксембург, противопоставляет диалектический метод Льюксембург в своей интерпретации метафизическому будто бы философскому методу В.И. Ленина.¹⁸

Левомарксологическим искажениям идейного наследия Льюксембург противостоят марксистские исследования истории идейной борьбы в рабочем движении. В прошлом, особенно в 30-не годы в комдвижении были распространены негативные оценки теоретической и политической деятельности Льюксембург; в настоящее время преобладает более всесторонний подход к оценке ее деятельности. Так, французский марксист Ж. Бадья в своей

¹⁶ Loewy M. Marxisme et romantisme revolutionnaire. Essais sur Lukacs et Rosa Luxemburg, p. 24.

¹⁷ *Ibid.*, p. 29-30.

¹⁸ См. : *Storia del Marxismo. Volume secondo.*

работе о Луксембург¹⁹ исходит из убеждения, что Луксембург стремилась к адекватному осознанию марксовской диалектики и применению ее к анализу истории, но отмечает также, что понимание марксистской диалектики у Луксембург было абстрактным, она часто в своих социальных анализах оставалась на уровне теоретических дедукций, была невнимательна к конкретным историческим фактам. Такой подход к идейному наследию Луксембург позволяет опровергнуть измышления марксмологов о принципиальном, якобы, различии философских позиций Ленина и Луксембург, понять теоретические устремления Луксембург как своеобразную попытку возродить в международной социал-демократии конца XIX - начала XX вв. революционную социально-политическую программу Маркса и его диалектический философский метод. Луксембург в целом верно определила то направление, в котором должна была развиваться марксистская теория в новых исторических условиях, выдвинув на первый план разработку вопросов революционной стратегии пролетариата в эпоху империализма. Однако историческая заслуга последовательного и систематического творческого развития в новых условиях марксистской теории революции, так же как диалектико-материалистического мировоззрения в целом принадлежит В.И. Ленину.

Одной из главнейших целей "левой" марксологии является дискредитация теоретической значимости ленинизма и его практической роли в мировом коммунистическом движении. Ленинизм изображают как идеологию "азиатского", "восточного" социализма, несоответствующую будто бы условиям капиталистических стран Запада. Фальсификация истории марксистской диалектики (ревизия марксовской диалектики под видом ее "аутентичного" изложения, заявления о недиалектическом, метафизическом характере философских воззрений Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, уподобление в философском плане ленинизма с догматическим каутскианством, идеалистическая трактовка исторической диалектики Луксембург и т.д.) является одним из средств, употребляемых западными марксологами в их наступлении на ленинизм как идеологию мирового коммунистического движения. Это

¹⁹ Badia J. Rosa Luxemburg, journaliste, polémiste, révolutionnaire. Paris, 1975.

определяет важность и актуальность борьбы в настоящее время против разного рода марксологических вариантов истории марксизма в частности, истории марксистской философии и диалектики.

КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ ОППОРТУНИСТИЧЕСКИХ ТРАКТОВОК
ПРОЦЕССА СОЕДИНЕНИЯ МАРКСИЗМА С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ
В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е.Л. Петренко

В философской и идейно-политической борьбе во II Интернационале нашли свое выражение сложность и неоднозначность процесса усвоения марксистской теории широкими массами пролетариата в конце XIX - начале XX вв. Негативное отношение к практике реального социализма заставляет многих современных буржуазных марксологов спекулировать на этих сложностях и искажать сущность происходившего в ту пору процесса соединения марксизма с рабочим движением в целях обоснования идеи о мнимой враждебности марксистского учения традициям и идеалам социалистического движения. Они представляют историю идейно-политической борьбы во II Интернационале, в рамках которой и осуществлялся сдвиг марксистского учения с рабочим движением того времени, как исторический процесс размежевания марксистских и собственно социалистических традиций борьбы против капитализма, процессе, обусловленный якобы объективными потребностями социал-демократического движения того времени.

Большинство современных оппортунистических идеологов отрицают существование в марксизме теории социализма и заявляют, что марксизм вообще не располагает теоретическими средствами для позитивного решения вопроса о перспективах социалистической стратегии. Ревизионизму они приписывают заслугу постановки и решения "великой" исторической задачи - создания теоретической базы социалистической стратегии, применимой к условиям монополистического капитализма. Историческую заслугу Э. Бернштейна эти теоретики видят в том, что он, отказавшись от общеметодологических и мировоззренческих посылок марксистской теории, продолжал идеи немарксистского

социализма, как они развивались в псевдосоциалистических теориях дридингства, фаблианства, и пришел к "либеральному" социализму как антитезе марксистского социализма.

Теоретики, придерживавшиеся более радикальных позиций, заявляют, что проблема соотношения марксизма и социализма должна быть решена в плане их "синтеза", возможной "социализации" марксистской теории. Они не противопоставляют столь открыто марксистское учение практическим задачам социалистического движения. По-своему защищая идеи мировоззренческого плюрализма как методологической основы современного социал-реформизма, эти авторы соглашались видеть в марксизме определенный этап развития теории социализма, а ревизионизм характеризуют как форму усвоения отдельных марксистских идей социалистическим движением в мирный период его развития в конце XIX - начале XX вв. Первыми ревизионистами сторонники этой точки зрения называют либо Энгельса, "реформистский взгляды" которого де последовательно развивал Бернштейн¹, либо самого Маркса, теорию которого ее "конструктивный критик" Бернштейн понял как "исходный пункт более высокого теоретического уровня развития социалистической мысли"².

Ложные идеи о "несовместимости" марксизма и социалистической практики правооппортунистические теоретики развивают и при интерпретации теоретической и политической деятельности лидеров центра II Интернационала. Характеризуя каутскианство как форму "аутентичного" восприятия марксизма, некоторые авторы утверждают, что в учении К. Маркса и Ф. Энгельса существовало, якобы, смешение научно-теоретического ("объективистского") и политического (прагматического, антропоцентристского) способов обоснования необходимости социалистических преобразований. Центристы, по их мнению, унаследовали, преимущественно, "объективистские" принципы марксизма, они де не могли "с легкостью, свойственной Марксу и Энгельсу"³ абстрагироваться от "объективистских" теоретических

¹ Bernstein und Demokratischer Sozialismus. Bonn - Bad Godesberg, 1977, S. 96.

² Histoire du marxisme contemporain. Vol. 1, Paris, 1976, p. 350.

³ Leser H. Die Odyssee des Marxismus. Wien-München-Zürich, 1971, S. 156.

тезисов для обоснования "активистских" политических требований и ошибочно приняли марксизм за научную теорию социализма, каковой он в действительности не является. Согласно Н. Лезеру, распространение Каутским метода объективного анализа на политическую стратегию рабочего движения превратило понятие революции в некий фетиш, несущий "пропагандистскую и агитационную нагрузку". По мнению Лезера, обоснование неизбежности краха капитализма в марксизме, которое пропагандировал Каутский, исключает возможность "эмоционального" восприятия марксистской теории социалистической революции как высшей формы человеческой эмансипации, лишает его политической действительности.⁴ Лезер заявляет, что "не недостаток, а избыток марксизма помешал" Каутскому, да и всей социал-демократии II Интернационала, "выявить пути решения актуальных задач социалистического движения", которые следует искать, с точки зрения Лезера, при предварительном условии разделения теоретического и практического аспектов марксистской теории⁵.

Ряд буржуазных теоретиков усматривают в идеологии центризма определенную попытку преодолеть "противоречивость" марксизма и реальной практики социализма. Похвалы, по их словам, заслуживает К. Каутский, который, мол, в определенной степени разрешил это "противоречие", дополнив основные положения материалистического и социал-дарвинистских теорий⁶. При этом ссылаются на реформистский период его деятельности, тогда как марксистский период в творчестве Каутского рассматривают как свидетельство того факта, что учение марксизма не может служить обоснованием социалистической стратегии. Эти авторы заявляют, что хотя Маркс и сформулировал идею о том, что условием всестороннего развития человеческой личности является победа социализма, но де его аргументация носит чисто "экономический" характер, а вопросы собственно социа-

⁴ Leser N. Die Odysse des Marxismus. Wien-München-Zürich, 1971, S. 145 - 146.

⁵ Ibid., S. 216

⁶ Holzheuer K. Karl Kautskys Werk als Weltanschauung. München, 1972, S. 52, 71.

листической теории — "о роли государства, демократии, революции, партии и, прежде всего, вопрос о роли личности в истории, как и проблемы морали остались нерешенными"⁷. Поэтому собственно социалистическая проблематика, то есть проблематика революционной деятельности пролетариата развивалась де Каутским, Бебелем и другими теоретиками в традициях немарксистской социалистической теории и практики.

Известный историк немецкой социал-демократии, С. Миллер утверждает, будто взгляды А. Бебеля, много сделавшего для преодоления лассальянских тенденций в партии, представляют "... лишь развитие основных положений государственного социализма Лассаля: в его традициях, де, Бебель связывал революционное содержание марксистской теории с верой в "иллюзию несомненной научности марксистской идеи совершающегося с"естественной необходимостью" развития общества к социализму". Связь "веры" и "знания", "утопии" и "науки" составляла для Бебеля, по ее мнению, высшее достижение марксизма, который он рассматривал якобы как новую форму религии. Она делает вывод, будто это "иллюзорное представление о марксизме позволило стать Бебелю великим пролетарским вождем"⁸.

Соответственно интерпретируется каутскианство. Д. Ленерт утверждает, что благодаря Каутскому и Бебелю широкое распространение получили лассальянские представления о политической стратегии пролетарского движения⁹. В лассальянстве Ленерт видит основное отличие общеметодологического обоснования социализма Каутским и Бебелем от взглядов Маркса и Энгельса, которые он редуцирует к уровню моралистического обоснования социализма. Как и другие теоретики правоопportunистического толка, Ленерт пытается противопоставить философско-социологическое обоснование исторической миссии пролетариата в марксизме, фальсифицируемое им в духе антропологизма, марксистско-ленинской теории социалистической револю-

⁷ Pottchow W. Kleine Geschichte der SPD. Bd. 1, Bonn, 1975, S. 17.

⁸ Miller S. Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Berlin, 1974, S. 21, 28.

⁹ Lehnert D. Reform und Revolution in der Strategiediskussionen der klassischen Sozialdemokratie. Bonn, 1979, S. 146.

ции и сформулированной на ее основе политической стратегии; отрицает классовость, партийность и практически-революционный характер учения Маркса и Энгельса, утверждая, что де Маркс не сформулировал принципа связи своей теории с социалистической практикой, а лишь подчеркнул диалектически противоречивый характер этого отношения, "наметив тем самым границы дискуссий о стратегии в марксизме"¹⁰.

Неверно и в корне ошибочно стремление многих буржуазных авторов противопоставить марксизм и социализм, доказать на примере воззрений Каутского и Бебеля их "несовместимость". Понимая социалистическую стратегию исключительно в духе буржуазно-демократического реформизма, они не учитывают тот объективный факт, что Маркс и Энгельс впервые в истории социализма соединили в своем учении принципы демократии и социализма и заложили тем самым основы марксистской теории революционной стратегии рабочего движения. Демократия принималась ими постольку, поскольку демократические институты способствовали развитию революционной борьбы за социализм. Каутский, Бебель следовали Марксу и Энгельсу в понимании значения реформистской деятельности в борьбе за социализм. Но они абсолютизировали реформистско-демократический аспект пролетарской борьбы в ущерб революционно-социалистическим целям и идеалам, что и обусловило в итоге их отход от революционного марксизма.

Правооппортунистические теоретики, распространяя ложные представления о стратегической индифферентности марксизма, якобы обнаружившейся в период II Интернационала, ставят перед собой цель принизить и исказить теоретическое значение тех левых в международной социал-демократии, идейная эволюция которых шла в направлении к ленинизму. Они фактически игнорируют вклад Ф. Меринга, К. Либкнехта, К. Цеткин, Ю. Мархлевского в развитие теории и практики социалистической борьбы пролетариата; замалчивают или преподносят в духе антиленинизма концепцию социалистической революции Р. Люксембург. В западной буржуазной литературе получили широкое распространение необоснованные штампы, представляющие люксембургиян-

¹⁰ Lehnert D. Reform und Revolution in der Strategiediskussionen der klassischen Sozialdemokratie. Bonn, 1979, S. 143, 141.

ство как антитезу ленинизму и реальному социализму. Так теоретики современного социал-реформизма, стремясь создать впечатление о единстве социалистических традиций во II Интернационале, преподносят его воззрения как разновидность "демократического социализма". Они сознательно нивелируют историческое значение борьбы Люксембург против ревизионизма и центризма и стремятся представить ее активно-революционную ориентацию как своего рода "психологическое дополнение" к позиции каутскианского квиетизма. Революционерку Люксембург превращают в выразительницу просветительской функции социал-демократического движения, истолковывают в духе просветительства ее теорию классового сознания.

Особое внимание в современных условиях острейшей конфронтации "демократического социализма" с ленинизмом оппортунистические идеологи уделяют организационным теориям Люксембург. Утверждают, что будто они построены в абстрактно-индивидуалистических традициях "демократического социализма", будто Люксембург создала новую для марксизма теорию "открытой" партии, не ограничивающей революционную активность пролетариата и т.п. Очевидно, что при помощи такой произвольной интерпретации организационных идей Люксембург эти авторы протаскивают ревизионистский тезис о якобы устаревшем характере ленинских принципов организации революционной деятельности пролетарского авангарда и проповедают идею о "демократизации" пролетарской партии, ведущую в конечном счете к нивелировке краеугольного положения марксистской теории о руководящей роли пролетариата в социалистической революции. В правооппортунистической литературе всячески муссируется идея о якобы немарксистской природе социалистических воззрений Р. Люксембург. П. Неттл, автор известной на Западе работы о Люксембург, подчеркивает самостоятельность ее воззрений как политического мыслителя, "безотносительно к тому, относится ли она к марксизму положительно, отрицательно или индифферентно"¹¹.

В целом, в оппортунистической литературе 60-70-х гг. преобладает идея "несовместимости" марксизма и реальной

¹¹ Nettl P. Rosa Luxemburg. Köln-Berlin, 1967, S. 29-30, 51-52.

практики социал-демократического движения в западноевропейских странах начиная с конца XIX века. Социал-реформистские идеологи не отказываются использовать варианты социалистических теорий, которые разрабатывались теоретиками II Интернационала, но речь идет при этом об антиленинских, антимарксистских доктринах (Э. Бернштейна, австромарксистов, позднего Каутского). Новое в их писаниях состоит в том, что обращение к оппортунистическим идеям прошлого преподносится как вариант "синтеза" марксизма и социализма, с помощью которого современные социал-реформисты стремятся "обновить", радикализовать свои идеологические схемы, найти идейную платформу для объединения правых и левых социал-демократов и противопоставить ее как единую альтернативу марксистско-ленинской теории, реальному социализму.

С этими целями социал-реформистские идеологи поддерживают миф о "революционности" австромарксизма, стремятся с помощью идей австромарксистов придать более "левою" окраску традиционному социал-реформизму. Так, правооппортунистические идеологи в целях обоснования своих теорий "демократического социализма" охотно апеллируют и к идеям правого австромарксиста К. Реннера, и к теориям М. Адлера и О. Бауэра — представителей его левого крыла. Однако растущая популярность последних у современных ультра-"левых", которые видят в теориях австромарксизма основы концепции "третьего" пути к социализму, противопоставляемой ими как социал-реформизму, так и коммунизму, побуждает теоретиков социал-реформизма искать другие исторические "авторитеты". Тем большую популярность стремятся они придать ревизионистской теории Э. Бернштейна, более близкой по своим мировоззренческим ориентирам традиционному социал-реформизму.

В начале 70-х гг. в социал-демократической партии Германии прошли дискуссия, в которых теоретики левого крыла СДПГ, "Молодые социалисты", выступив с критикой социал-реформистской стратегии партии, подчеркнули ее проимпериалистический характер, обусловленный, по мнению "Молодых социалистов", влиянием "интегративной" буржуазной идеологии на социал-демократическое движение, и противопоставили в качестве теоретической альтернативы "демократическому социализму" неомарк-

систские идеи Ю. Хабермаса, К. Оффе, К. Горца и т.п. Официальные идеологи партии были вынуждены принять участие в дискуссии, чтобы еще раз противопоставить свое теоретическое кредо как "неомарксистским" воззрениям левых, так и идеалам марксизма-ленинизма. Вместе с тем, поставленные в дискуссии проблемы теории социализма, внепарламентской стратегии социал-демократов заставили многих социал-демократических теоретиков обратиться к собственной теоретической истории в поисках "классических" вариантов решения этих вопросов и, прежде всего, к идеям основоположника ревизионизма Э. Бернштейна. Стремясь опровергнуть упреки левых в буржуазно-аполитическом характере своей идеологии, они ищут в концепции Бернштейна оправдание и теоретическое обоснование своей оппортунистической практики¹².

Для многих правооппортунистических идеологов анализ Бернштейном соотношения демократии и либерализма является исходным пунктом для решения вопроса о средствах демократизации политической жизни в условиях монополистического господства. Бернштейну приписывается заслуга формулировки "нового" понятия социалистической демократии как единства парламентской и внепарламентской тактики контроля за деятельностью государства. Это понятие, принципиально противоположное ленинскому учению о социалистической демократии, провозглашается современными апологетами Бернштейна как единственно применимое к условиям современных индустриальных стран Запада, трактуется ими как новая "революционная стратегия" социалистических преобразований для Западной Европы.

"Позитивный" вклад Бернштейна в социалистическую теорию заключается, по мнению его современных популяризаторов, в

¹² Все это способствовало тому, что в последние годы издано большое количество работ социалистических теоретиков о Бернштейне, а в сентябре 1977 г. был проведен конгресс, в котором приняли участие все наиболее известные исследователи теоретического наследия Бернштейна из ФРГ. Конгресс стал своеобразным итогом дискуссий о ревизионизме в современной социал-демократии и выявил принципиальные различия в оценке возможностей реактуализации наследия Бернштейна. (Eduard Bernstein und Demokratischer Sozialismus. Bonn, 1977).

том, что он понял "принцип... реформы как средства созидания социализма"¹³. Один из наиболее компетентных и авторитетных исследователей и популяризаторов Бернштейна Т. Майер считает, что Бернштейн изменил "парадигму" социалистической теории марксизма, так как он не только поставил под сомнение действенность теории социалистической революции, но и отрицал саму необходимость политического переворота в социалистической революции, если она осуществляется в индустриально развитой капиталистической стране в условиях империализма. По мнению Майера, после выступлений Бернштейна стало ясно, что дело заключается не в том, чтобы ограничиться в социалистической деятельности исключительно реформами, а "в необходимости во всеуслышание признать тот факт, что политика постепенной конструктивной замены элементарных структур старого общества структурными образованиями, созданными по социалистическому принципу, является единственно верной социалистической стратегией"¹⁴. В традициях позитивистской социологии бернштейнианец Майер заявляет, что марксистская социалистическая стратегия неадекватна современным историческим условиям, так как в ее теоретическом обосновании (материалистическом понимании истории) якобы упрощенно трактуется социальная структура буржуазного общества, не учитывается дифференциация социальных связей по мере развития капиталистического способа производства. Он считает, что Бернштейн показал "историческую необходимость" ревизии марксистской теории классовой борьбы в духе реформизма и "демократического социализма", доказав, что в силу усложнения социальных структур "дифференцируются и принципы трансформации общества"¹⁵. Очевидно, что предлагаемая правооппортунистическими идеологами новая формула "синтеза" марксизма и социализма есть не что иное, как очередная попытка выхолостить революционную сущность марксистского социализма.

¹³ Meyer T. Bernsteins konstruktiver Sozialismus. Bonn, 1977, S. 141.

¹⁴ Ibid., S. 135.

¹⁵ Ibid., S. 138.

Наши авторы

Ребане Яан Карлович - член-корр. АН ЭССР, д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии Тартуского госуниверситета.

Иовчук Михаил Трифонович - член-корр. АН СССР, профессор-консультант ИМЛ при ЦК КПСС.

Брайович Станое Маркович - д.филос.н., ст.н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР.

Блум Рэм Наумович - д.филос.н., профессор кафедры философии Тартуского госуниверситета.

Каннике Сулев Хилларович - аспирант кафедры философии Тартуского госуниверситета.

Грязин Игорь Николаевич - к.ю.н., и.о. доцента кафедры философии Тартуского госуниверситета.

Столович Леонид Наумович - д.филос.н., профессор кафедры философии Тартуского госуниверситета.

Делокаров Кадырбеч Хаджумарович - д.филос.н., ст.н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР.

Оманов Хошикул - преподаватель кафедры химии Ташкентского пединститута им. Низами.

Абрамов Михаил Александрович - к.филос.н., ст.н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР, доцент.

Жучков Владимир Александрович - к.филос.н., н.с. сектора истории философии Западной Европы и Америки ИФ АН СССР.

Мареев Сергей Николаевич - к.филос.н., н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР.

Матьюс Юло Йоханнесович - к.филос.н., доцент кафедры философии Тартуского госуниверситета.

Самарская Елена Александровна - к.филос.н., ст.н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР.

Петренко Елена Леонидовна - к.филос.н., ст.н.с. сектора истории марксистско-ленинской философии ИФ АН СССР.

С о д е р ж а н и е

<u>Ребане Я.К.</u> Некоторые методологические вопросы изучения современных социальных процессов в свете наследия К.Маркса.	с. 3
<u>Иовчук М.Т.</u> Наследие марксизма, революционная Россия XIX века и современная идеологическая борьба. .с.	21
<u>Брайдович С.М.</u> О преемственности в развитии марксистско-ленинской философии. Вопросы периодизации. с.	42
<u>Блом Р.Н.</u> Проблема революции в ранних работах Маркса.	с. 60
<u>Каннике С.Х.</u> Проблема равенства в работах Маркса и Энгельса.	с. 87
<u>Грязин И.Н.</u> К.Маркс и некоторые проблемы определения понятия права.	с. 100
<u>Столович Л.Н.</u> К.Маркс и проблема ценности.	с. 111
<u>Делокаров К.Х., Оманов Х.</u> К.Маркс и проблема единства знания.	с. 128
<u>Абрамов М.А.</u> Маркс, Лассаль и Гераклит.	с. 138
<u>Жучков В.А.</u> Немецкая классическая философия и марксизм-ленинизм. К проблеме преемственности. ...	с. 149
<u>Мареев С.Н.</u> Маркс и диалектика исторического и логического в историко-философском процессе. ...	с. 169
<u>Матьяс Ю.И.</u> Учение Гуссерля об интенциональности в свете понимания К.Марксом специфики сознания. .с.	190
<u>Самарская Е.А.</u> Критика некоторых фальсификаций истории марксистской диалектики в современной "левой" марксологии.	с. 213
<u>Петренко Е.Л.</u> Критика современных оппортунистических трактовок процесса соединения марксизма с рабочим движением в конце XIX - начале XX вв. с.	227
<u>Наши авторы.</u>	с. 236

2 руб.